

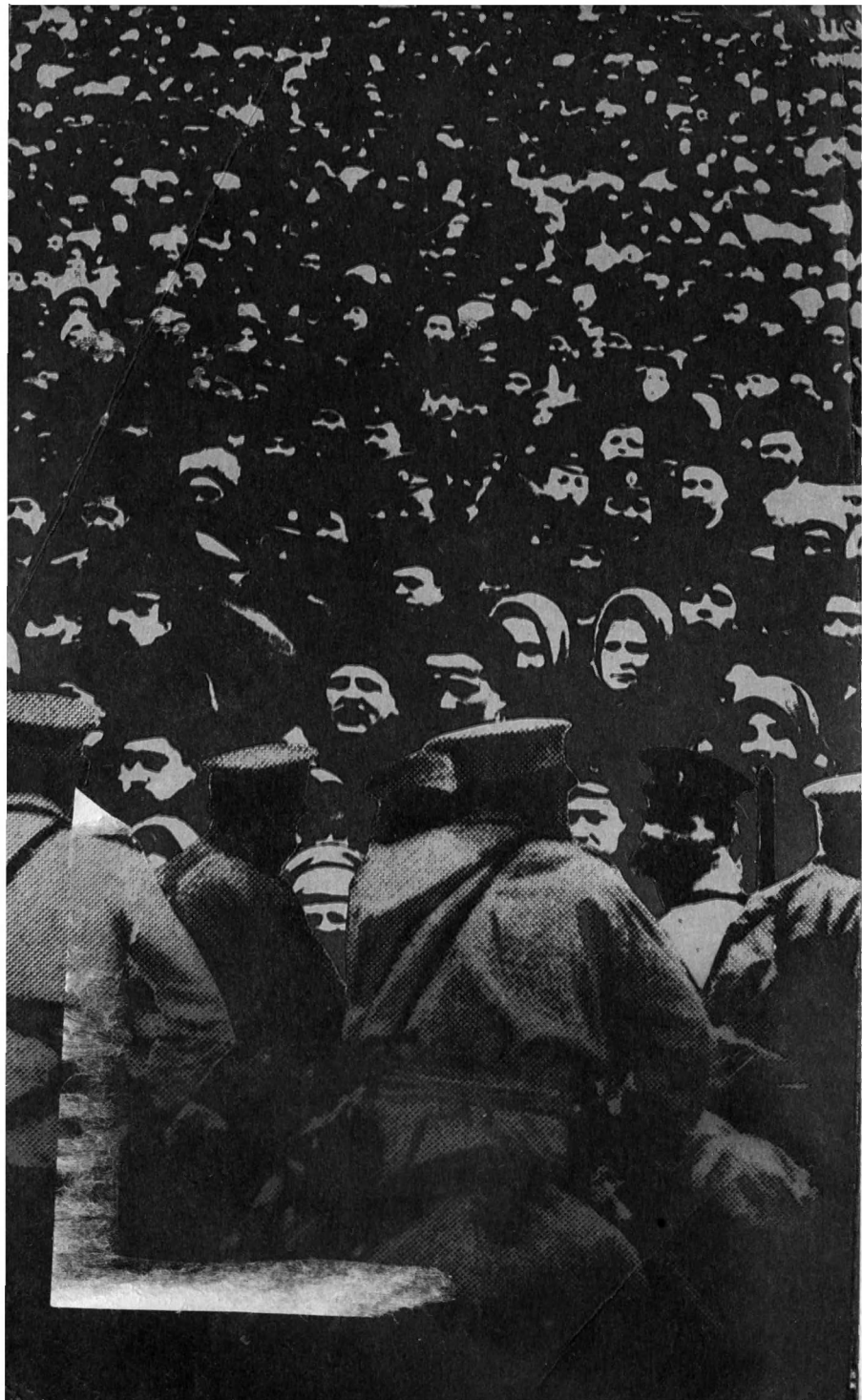
ЭКСПРЕСС-
ИЗДАНИЕ

№
А72

АНТИВОЕННЫЙ СИНДРОМ

ИЛИ ПРЕДАННАЯ АРМИЯ?

**ЭКСПРЕСС-
ИЗДАНИЕ**

АНТИВОЕННЫЙ СИНДРОМ ИЛИ ПРЕДАННАЯ АРМИЯ ?..

Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК

A72

Составитель *А. И. Поздняков*
Редактор *О. А. Бобраков*

Антивоенный синдром или Преданная армия?..
A72 Сост. А. И. Поздняков. Воениздат, 1990. — 144 с.

ISBN 5—203—01172—9.

В книге публикуются статьи русских и советских философов, публицистов и писателей — от Владимира Соловьева до Александра Проханова, — посвященные острым проблемам отношений общества и армии в разные периоды истории. Читатель ознакомится с малоизвестными фактами и размышлениями о войне в Афганистане, событиях в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Тбилиси, Фергане и других горячих точках страны. Книга рассчитана на массового читателя.

А 0301050204—208 КБ—15—3—1990.
068(02)—90

ББК 63.3

ISBN 5—203—01172—9

© Составитель А. И. Поздняков. 1990

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ

Смотрите, в грозной красоте
Воздушными полками
Их тени мчатся в высоту
Над нашими шатрами.

В. Жуковский.
Певец во стане
русских воинов

Небо по-зимнему было стылым и серым. Мела поэмка. И вдруг из осенних сумерек стали медленно выдвигаться с Ходынского поля офицерские батальоны, строй за строем. Они направлялись к путевому царскому дворцу, ставшему Военно-воздушной академией имени профессора Н. Е. Жуковского. Ранняя стужа сковала той осенью все лужи по обочине дорог и вокруг ходынской «парадной площадки», где каждый год отбивают, чеканят, ровняют строй те, кто готовится к параду на Красной площади, на святом Кремлевском холме — главной высоте России. Метельным вечером шли усталые офицерские батальоны, шли со свернутыми знаменами, молчаливые и усталые. Я уже однажды видел такую колонну около своего дома на Пречистенке, то были офицеры из Военной академии имени М. В. Фрунзе — почти всех родов войск. Несколько знакомых офицеров, «афганцев»-десантников, я тогда даже узнал. Теперь шла колонна одних летчиков с Ходынского поля, которое для авиаторов не только «парадная площадка», но прежде всего поле чести, колыбель воздухоплавания, мекка пилотов. И здесь нет преувеличения.

Как завороченный, не шелохнувшись, пропускал перед собой офицерские батальоны. От них веяло молчаливой надежной силой, одухотворенной и древней. В их длиннополых одеяниях, в благородном покрое русской шинели, самой красивой на земле одежде, неуловимо напоминающей одеяния подвижников на фресках старого письма, в их старинном битвенном наряде, в серых шинелях с тусклым золотом на плечах, явилась вдруг тайна русской истории с ее суровым смирением и просветленным подвижничеством. Шли офицерские полки, прямые потомки дружинной среды, давшей «Слово о полку Игореве», этот высокий воинский плач, как и все

эпические песни. То, что это шли авиаторы, представители рода войск, родившегося вместе с веком, небесные бойцы, усиливало неразрывность ратной отечественной традиции. Шла часть той силы, которая древнее христианства на Руси, старше славянской письменности, ступала армия — ровесница русской государственности, ее оплот, душа и надежда. Русь была языческой, и они дали Святослава. Россия станет христианской, и они тысячу лет будут поставлять из своих рядов офицеров-подвижников, святых воинов Александра Невского, сына его Даниила Московского, еще одного святого — Дмитрия Донского. Ни одна страна в мире не дала такого количества воинов, причисленных к лику святых, как Русская земля. Это поистине святое воинство, давшее князя Щеню и Михайлу Воротынского. Россия из московской стала императорской, и офицеры выдвинули князя Голицына, князя Шереметьева, князя Суворова, князя Потемкина и князя Кутузова — то была эпоха светлейших князей. Стала Россия атеистической и — дала величайшего полководца всех времен — Георгия Жукова. Вера сменилась безверием, с седой Перуновой поры все менялось — династии, религии, партии, уклады, общественные строи; только воинство держалось и спасало Русь.

Офицеры — часть вечной России, той, что пребывает в веках. Потому все временное, жадное, глупое и нечистое не любит и боится этих просветленных офицерских колонн. Но более всех досталось именно этим, с синими околышами и с «птичкой» в петлице, этому цвету нации. Семьдесят лет их незаметно утюжили, нивелировали, принижали, а то и пускали в расход, стреляли на взлете. Но они выстояли.

Помню, на Украине перед нами прошла с песнями целая авиационная часть. Шли и пели — одна офицерская колонна за другой. Это было волнующее шествие. Из подобных шествий когда-то рождались петровские канты. Но тогда, у «Жуковки», вид молчаливых, нечеканящих офицерских батальонов действовал почему-то сильнее. Быть может, оттого, что через их усталость сквозила самая непобедимая на земле сила — русское боевое смирение. Метель, снег и — офицерские полки. Это видение уже было. Этот исход и крестный путь русского воинства в донских степях и на сибирских равнинах уже стал частью русской судьбы. Нет на земле ничего более возвышенного, жертвенного и скромного, чем батальоны русских офицеров.

...Летчики идут с Ходынского поля. Авиаторы готовятся к параду на Кремлевском холме, где в короткие мгновения шествия по брусчатке произойдет сретение всех павших за Россию. Этот парад — всегда священнодействие. Ибо если защита Отечества священна, то офицеры — главные священнослужители державы. Военный парад — это литургия верных. То самое богослужение, когда

дьякон у дверей впускает в Храм только православных, только верных.

Суворов — один из наших национальных учителей — назвал свой труд «Вахт-парад, или Наука побеждать». «Парад» и «побеждать» здесь не случайны. Армия не может жить без парадов, кои есть высокие смотры. Фабрика, завод, министерство, колхоз, школа — словом, все могут жить без музыки ежедневной, а армия — не может. В этом — сокровенная тайна военного братства. Вооруженные люди не могут быть угнетены и приземлены. Музыка, пронизывая быт, на поверке или разводе караула поднимает человека над оружием, возвышает над смертью. Чем меньше музыки, осанки, песни, веселого повиновения, тем чаще запирают от солдат оружие в гарнизонах.

Еще ни один русский мыслитель не был силен в основах государственности, не был державен, а накануне первой мировой войны они совсем уже были больше литературоведы и эстеты, чем философы и учителя. Однажды Василий Розанов описал свою неожиданную встречу с идущими на фронт полками русской гвардии:

«На одной из улиц увидел идущие войска... Идут, идут, идут... Когда я вдруг начал чувствовать, что не только «боюсь» (это определенное чувство было), но и обворожен ими, зачарован странным очарованием... Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было предо мною, как бы изменило структуру моей организации и отбросило, опрокинуло эту организацию — в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне любовью... Волны все шли... Этот однообразный гул... Эти ни на что не взирающие лица... Как они горды, самонадеянны! Суть армии, что, кроме полководцев, она никого не видит, не знает. Суть ее в великой самодовлеемости».

Столкнувшись с «некоторою тайною мира в истории», Розанов, «весь в трепете», в работе «Война 1914 года и русское возрождение» напишет далее:

«Сила — вот одна красота в мире... Сила — она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, молятся... Молятся вообще «слабые», «мы», вот и я на тротуаре... В силе лежит тайна мира, такая же, как «ум», такая, как святость... И во всяком случае, она превосходит искусство и изящное... Голова была ясна, а сердце билось. Как у женщины. Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух».

Нельзя не воздать должное редкому таланту Розанова к двуполости. Эта впечатлительность и способность утром вдохновенно доклоняться одному богу, а вечером пламенно падать ниц перед

другим богом поражала в Розанове и Вл. Соловьеве их современников. Но эта изломанность, утонченность, переимчивость и как следствие этого — иногда замечательные прозрения эпигонов, чаще замечательная путаность. Словом, дети декаденса, по-русски — разложения.

Поразительно у Розанова это — «не по-русски» провожать на войну отборные части русского воинства и не постигнуть при этом жертвенного подвижничества русского солдата и его места в отечественной истории, не почувствовать: не на «возрождение России» их посылают, а на погибель. Никогда уже преображенцам и семеновцам, создавшим этот прекрасный на земле город, не вернуться домой. Никто из них, этих салонных философов конца века, не любил Россию. Все они, как и Блок, любили не Россию, а тему России. А тему любили до обожания, экзальтации и видения. Но дело России (как понимают англичане «дело Британии») и тема России трагически разошлись уже на вечерах славянофилов. Народ остался сиротой без учителей и без иного пути. А дух отвлеченности и темы, бесплодный, окаянный дух, ослепил и увел самых чистых.

Теперь передо мной шли лучшие сыны «дела России», но с той поры брошенные на произвол судьбы всеми учителями. Новые поводыри у них отняли даже отвлеченную «тему России» и заменили ее на пролетарскую всемирность, которую социалисты-атеисты позаимствовали у Достоевского и Вл. Соловьева. Всемирность, размазанность, безграничность — другое название смерти и безбожия. Бог — это мера. Самоограничение рождает монаха, мастера и солдата. Без самоограничения нет ни культуры, ни личности, ни державы. Где нет границ, там нет державы. Главное дело сатаны размывать, разрушать и стирать границы. Граница, как мера, быть может, самая главная философская категория на земле.

Сейчас Россия стала перед новым тысячелетием. Уже и глава государства, и Съезд допускают многопартийность. Можете ли вы представить, чтобы командир полка был в одной партии, его заместитель — в другой, а начальник штаба — в третьей партии. Такая неразбериха невообразима даже для нашего выдавшего виды Отечества. Легче всех, думал я, стоя у обочины, перестроиться в стране вот этим офицерам. Они всегда были однопартийны. Со времени юной языческой России они поклонялись одной религии — верности своему народу.

Патриотизм — религия русских офицеров.

Она-то и спасла, и пронесла армию через века. Когда Русь была языческой, они вот так же шли в поход нехоженными путями и выставили из своих рядов великого Святослава. Тысячу лет христианской России они были опорой, надеждой и совестью.

Семьдесят лет атеистической России офицеры сберегали, за-
слоняли и спасали Державу.

Это воинство — плоть от плоти народа.

«Воинским делом, — скажет великий Петр, — Россия вышла от
тьмы к свету».

С. Боткин — хирург, видевший наших воинов не на параде, не
в застолье или на плацу, а среди ран, стонов, кровавых бинтов в
полевом госпитале, где уже нет ни позы, ни «темы России», а одно
последнее предстояние, так вот Боткин напишет в письме от 1 ав-
густа 1877 года: «Солдаты наши, офицеры — святые люди...»

Критиковать начальство — любимое занятие дураков. Теперь,
когда мы предались этому любимому отечественному наркотику и
вызываем своим самоосквернением брезгливость даже у Запада,
наши скромные офицеры сумели пронять даже чемпиона по само-
осквернению — программу «Взгляд». Когда «телевики» увидели
жизнь офицеров дальней авиации, их скученный, бедный быт и по-
лет над просторами океана, полный риска, и когда те же офицеры
прошли перед ними полк за полком с песнями, даже представи-
тель «Взгляда», что делает ему честь и за что прощаются многие
грехи их программы, в изумлении обронил:

— Это святые люди!..

Колонна молчаливых летчиков пробудила в памяти воспомина-
ние об их предтечах.

Память есть наиболее совершенное воплощение верности.

Кому же наследуют эти офицерские батальоны. Откуда и где
их истоки? Пойдем туда же, откуда вышли эти колонны, и продол-
жим литургию верных.

В 1988 году погиб один офицер в стране. В 1989 году пало уже
59 офицеров. Погибли без Карабаха, Ферганы и Чернобыля. Пали
в любимой России от рук соотечественников. Это впервые после
войны.

Нет конца жертвенному пути русского воинства — этому скром-
ному, забытому всеми, единственному священству, пережившему все
религии, классы, формации, священству державы. Гегель тему и де-
ло слил воедино, когда гениально подытожил:

— Государство есть шествие бога в миру.

«Россия — наш монастырь», — говорил Гоголь. Вспомните да-
же по школьным учебникам: сколько тысяч и миллионов пали на
рубежах этого храма-державы, на его полях и за него же на чуж-
бине и сколько умерло за любовь, за наживу, за потребление, —
и вы поймете, что единственное, что осталось нам в наследство
после разрушенных церквей, отравленных почвы и воды, после не-
счастливых интердевочек, после того, как мы дошли до вырождения
и создали «молодежную тему» и «женскую тему», то есть стали
различать друг друга по возрасту и полу, когда миллионы детей

умирают от аборт в святом материнском лоне. Что же у нас осталось? Только освященная жертвами миллионов держава — наша надежда, наше святое наследие.

Эти строки пишутся во флагманской каюте крейсера «Аврора», что стоит у невской гранитной стенки перед окнами одного из самых красивых зданий России — Нахимовского училища. Самого красивого, если иметь в виду гражданское строительство с функциональной задачей. Крейсер «Аврора» бесконечно дорог не только потому, что он холостым выстрелом возвестил рождение новой эпохи. Он — единственный уцелевший участник Цусимского боя.

Это корабль-храм, корабль-символ.

Крейсер, дравшийся в русско-японской войне, в первой мировой и Великой Отечественной, корабль-воин, дорог нам как символ единства русской истории и судьбы. Такой корабль должен стоять столько же, сколько Россия, и не где-нибудь, а перед взорами кадетов из Нахимовского училища.

Не за смуту и бунт гордится воинством народ, а за заступничество и спасение. В этой же каюте жил Колчак, когда командовал соединением кораблей. «Аврора» найдет свое место при любой будущности России. Этот крейсер перекинул мост от ботика Петра к авианосным крейсерам нашего флота, к кораблям, которые зримо показали единство морского и воздушного флотов.

Раньше считалось, что государю приличествуют два занятия — военное дело и зодчество. Он как бы призван защищать и создавать. Я бы к царским занятиям отнес и работу по отбору породы в животноводстве, и особенно чистокровных лошадей. Теперь, уже сорок пять лет после войны, ни один глава не занимается ни воинством, ни зодчеством, ни породой. Хрущев начал уничтожать и первое, и второе, и третье. Так мы с этой инерцией и сползаем...

Великие события происходят в стране, и о них не знают ни народ, ни глава державы, ни парламент. Построим БАМ — и не сможем вспомнить, зачем строили. Создадим океанический флот — и не будем знать, кроме моряков, смысла и назначения его. Создали авиацию дальнего действия — и не можем найти концепцию ее применения. А все потому, что мы стали заложниками полуграмотных аппаратных советников с учеными званиями академиков. Причем прорабы-академики не могут осмыслить те вещи, которые относятся к основополагающим понятиям Державы.

Петр создал новую армию, доказал Европе и завещал нам, что для мировой державы государство — это флот.

Американцы и сегодня исповедуют эту же доктрину. Четыреста лет она делала Англию великой страной.

Девиз народного любимца Чкалова «Если быть, то быть первым» верен и для страны в целом.

На здании Адмиралтейства при входе вас встречает бронзовая, начищенная до блеска доска с надписью: «Старший морской начальник». С недавних пор командует Ленинградской военно-морской базой вице-адмирал Валентин Егорович Селиванов, для которого чкаловский девиз с юности стал символом веры на службе Отечеству. Создатель нашего океанского флота С. Г. Горшков называл Селиванова «самым плавающим адмиралом». Это он командовал соединением наших кораблей при встрече на Мальте М. С. Горбачева с Бушем и получил благодарность последнего за решимость и благородство при оказании помощи американским морякам.

Селиванов рассказал об одном из самых великих событий в истории отечественного флота со времен Петра Великого, событии, о котором не знал тогда и не знает сейчас ни один член правительства, которое не отметила ни одна газета, ни одна книга. До революции даже действия канонерских шлюпок отмечались в анналах, подробно освещались историографами флота и оставлялись потомству в кожаных переплетах с золотым тиснением. Речь идет о следующем событии.

5 марта 1979 года в центральной части Ионического моря сформировано первое советское соединение в составе двух авианесущих крейсеров — «Киев» и «Минск», кораблей охранения. Соединение отрабатывало боевую подготовку в течение недели и от Ионического моря дошло до Гибралтара. Командовал этим историческим соединением контр-адмирал Валентин Егорович Селиванов. Американцы уважительно держались на расстоянии пятисот миль. Впервые после Чесмы русский флот первенствовал в Средиземном море безраздельно.

Народ не узнал об этом, потому что ему некому рассказать.

Вот какие навеяла мысли колонна офицеров-пилотов. Этот цвет нации так же безвестен народу, как и авианосное соединение, вышедшее в древнее Средиземное море во имя мира.

Авианосцы еще раз подтвердили идею зари воздухоплавания, когда авиация была признана флотом, небо было названо океаном, а тяжелые самолеты — кораблями.

Морской флот — единственный в мире род войск, который включает все виды вооруженных сил без исключения, потому авиация не могла не стать и морской.

Из этих офицерских батальонов многие свяжут жизнь с морем.

А офицерские батальоны все идут и идут: готовятся они к литургии верных. Брань нечистой прессы только сплотила их. Они зна-

ют: пока есть армия — есть Россия, та Россия, которая никогда за тысячу лет не знала наемной армии. В мире нет ни одной армии, которая не была бы профессиональной. Все армии профессиональны в той или иной степени. Непрофессиональны только партизаны.

Девяносто процентов офицеров в нашей армии — люди до 30 лет. В ней нет проблемы молодежи. Она вся молодежная. Ученые знают, что на заре истории выжили только те племена, которые берегли своих стариков и зрелых мужей как носителей памяти. Этим молодых офицеров можно поздравить с тем, что их министр — солдат войны с фашизмом.

Все они — участники единого вахт-парада на Красной площади.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПОСЛЕ ПРЕЛЮДИИ

Человек с ружьем в нашей прессе и на телевидении стал притчей во языцех. Об армии толкует всяк, кому не лень. Беззастенчивое вранье перемежается будто бы точно выверенной информацией, журнальные плевки в лицо солдату-фронтовику — фото- и телеграммами сострадания бедствующему офицерскому корпусу. На армию валят все вины — и за исполнение распоряжений безответственных политиков, и за воровскую «рационализацию» изобретателей от оборонной промышленности. Страстями-мордастями о казарменном хулиганстве восстанавливают против армии тех, кто всегда молил за нее господ Бога, — солдатских матерей...

Торопливо разоружающуюся армию ражие журналисты и парламентарии поторапливают еще и с реформой. Что за реформа, как ее проводить — предложений тысячи, ни одно не опробовано, а все равно — даешь военную реформу! Общество еще никак не выказало своих способностей хотя бы в формировании профессиональных полицейских сил, а уже замахивается на создание профессиональных, в смысле наемных, контингентов солдат и сержантов. Общество не способно обеспечить каждую офицерскую семью (семью профессионала!) мало-мальски современным жильем, а собирается платить 200 — или 300? — рублей в месяц рядовому автоматчику... Да и другой вопрос: годятся ли наемники для защиты страны, которая испокон веку заслонялась от врага народной армией и почти всегда вела народную войну?

И все-таки самая главная забота при нынешнем разгуле пацифизма — воинский дух Вооруженных Сил. Лишенное его войско уж не способно сохранить под губительным огнем свой привычный порядок, оно не только не отстаивает каждую пядь поля сражения, но поддается панике даже перед воображаемой опасностью. И наоборот, как говорил еще Карл Клаузевиц, «армия, гордая сознанием одержанных побед, которая и на краю гибели, после поражения, сохраняет силу послушания и не утрачивает уважения и доверия к своим начальникам, армия, физические силы которой закалились среди лишений и трудов,

как мускулы атлета, и которая смотрит на эти напряжения как на средство, ведущее к победе, а не как на проклятие, тяготеющее на ее знаменах, армия, которой о всех этих обязанностях и добродетелях напоминает короткий катехизис, состоящий всего из одного лозунга — лозунга о чести ее оружия, — такая армия действительно проникнута воинским духом». Так не на его ли разрушение направлены сегодня осадные орудия средств массовой информации обывательского общества?

Это — вопрос, проходящий через всю предлагаемую читателю книгу. Во взглядах ее авторов — философов, писателей, служивых людей, пришедших на страницы сборника из разных лет и из разных жизненных опытов, — есть то, что можно отвергнуть, с чем — поспорить, с чем — сразу согласиться. Есть даже военная, если так можно выразиться, необученность. Мы брали уже опубликованное таким, каким оно известно довольно широкому кругу читателей. Однако в материалах книги нет лишь равнодушия и лицемерия. Потому и жива надежда, что наша книга подвигнет читателя к честным и мужественным раздумьям о судьбах Отечества и его армии. О том, что может случиться, если ее предадут.

ИЗ РАЗГОВОРОВ О ВОЙНЕ

В саду одной из тех вилл, что, теснясь у подножия Альп, глядятся в лазурную глубину Средиземного моря, случайно сошлись этою весною * пятеро русских: старый боевой *генерал*; «муж совета», отдыхающий от теоретических и практических занятий государственными делами, — я буду называть его *политиком*; молодой *князь*, моралист и народник, издающий разные более или менее хорошие брошюры по нравственным и общественным вопросам; *дама* средних лет, любопытная ко всему человеческому, и еще один господин неопределенного возраста и общественного положения — назовем его г[-н] Z. Я безмолвно присутствовал при их беседах; некоторые показались мне занимательными, и я тогда же по свежей памяти записал их. Первый разговор начался в мое отсутствие по поводу какой-то газетной статьи или брошюры насчет того литературного похода против войны и военной службы, что по следам гр. Толстого ведется ныне баронессою Зуттнер и м-ром Стэдом. «Политик» на вопрос дамы, что он думает об этом движении, назвал его благонамеренным и полезным; генерал вдруг на это рассердился и стал злобно глумиться над теми тремя писателями, называя их истинными столпами государственной премудрости, путеводным созвездием на политическом небосклоне и даже тремя китами русской земли, на что политик заметил: ну и другие *рыбы* найдутся. Это привело почему-то в восхищение г[-на] Z, который заставил, по его словам, обоих противников единомысленно исповедать, что они действительно считают кита за рыбу, и даже будто бы дать сообща определение тому, что такое рыба, а именно: животное, принадлежащее частью к морскому ведомству, частью же к департаменту водяных сообщений. Думаю, впрочем, что это выдумал сам г[-н] Z. Как бы то ни было, мне не удалось восстановить как следует начало разговора. Сочинять из своей головы по об-

* Написано в 1899 году. — *Прим. ред.*

разцу Илатона и его подражателей я не решился и начал свою запись с тех слов генерала, которые я услышал, подходя к беседующим.

* * *

Генерал (*взволнованный, говорит, вставая и снова садясь и с быстрыми жестами*). Нет, позвольте! Скажите мне только одно: существует теперь или нет *христолюбивое и достославное российское воинство*? Да или нет?

Политик (*растянувшись на шезлонге, говорит тоном, напоминающим нечто среднее между беззаботными богами Эпикура, прусским полковником и Вольтером*). Существует ли русская армия? Очевидно, существует. Разве вы слышали, что она упразднена?

Генерал. Ну, не притворяйтесь же! Вы отлично понимаете, что я не про это говорю. Я спрашиваю, имею ли я теперь право по-прежнему почитать существующую армию за достославное христолюбивое воинство, или это название уже более не годится и должно быть заменено другим?

Политик. Э... так вот вы о чем беспокоитесь! Ну, с этим вопросом вы не туда адресовались: обратитесь лучше в департамент герольдии — там ведь разными титулами заведуют.

Г [-н] Z (*говорит как будто с затаенной мыслью*). А департамент герольдии на такой запрос генерала ответит, вероятно, что употребление прежних титулов законом не возбраняется. Разве последний принц Лузиньян не назывался беспрепятственно королем Кипрским, хотя он не то что Кипром управлять, а и вина-то кипрского пить не мог по своему телесному и имущественному состоянию? Так почему же и современной армии не титуловаться христолюбивым воинством?

Генерал. Титуловаться! Так белое и черное — титул? Сладкое и горькое — титул? Герой и подлец — титул?

Г [-н] Z. Да ведь я это не от себя, а от лица мужей, блюдущих законы.

Дама (*к политику*). Зачем вы останавливаетесь на выражениях? Наверное, генерал хотел что-нибудь сказать своим «христолюбивым воинством».

Генерал. Благодарю вас. Я хотел и хочу сказать вот что. Спокон веков и до вчерашнего дня всякий военный человек — солдат или фельдмаршал, все равно —

знал и чувствовал, что он служит делу важному и хорошему — не полезному *только* или нужному, как полезна, например, ассенизация или стирка белья, а в высоком смысле хорошему, благородному, почетному делу, которому всегда служили самые лучшие, первейшие люди, вожди народов, герои. Это наше дело всегда освящалось и возвеличивалось в церквях, прославлялось всеобщей молвою. И вот в одно прекрасное утро мы вдруг узнаем, что все это нам нужно забыть и что мы должны понимать себя и свое место на свете Божиим в обратном смысле. Дело, которому мы служили и гордились, что служим, объявлено делом дурным и пагубным, оно противно, оказывается, Божиим заповедям и человеческим чувствам, оно есть ужаснейшее зло и бедствие, все народы должны против него соединиться, и его окончательное уничтожение есть только вопрос времени.

Князь. Неужели вы, однако, раньше не слышали никаких голосов, осуждающих войну и военную службу как остаток древнего людоедства?

Генерал. Ну как не слышать? И слышал, и читал на разных языках! Но ведь все эти ваши голоса были для нашего брата — извините за откровенность — не из тучи гром: услышал и забыл. Ну а теперь дело совсем другого рода: мимо не пройдешь. Так вот я и спрашиваю, как нам теперь быть? Чем я, т[о] е[сть] всякий военный, должен себя почитать и как на самого себя смотреть: как на настоящего человека или как на изверга естества? Должен ли я себя уважать за свою посильную службу добру и важному делу или ужасаться этого своего дела, каяться в нем и смиренно умолять всякого штатского простить мне мое профессиональное окаянство?

Политик. Что за фантастическая постановка вопроса! Как будто от вас стали требовать чего-то особенно-го. Новые требования обращены не к вам, а к дипломатам и другим «штатским», которые очень мало интересуются вашим «окаянством», как и вашею «христолюбивостью». А к вам, как прежде, так и теперь, — только одно требование: исполнять беспрекословно приказания начальства.

Генерал. Ну, так как вы не интересуетесь военным делом, то натурально и имеете о нем, по вашему выражению, «фантастическое» представление. Вы не знаете, как видно, и того, что в известных случаях приказание

начальства только в том и состоит, чтобы не ждать и не спрашивать его приказаний.

П о л и т и к. А именно?

Г е н е р а л. А именно, представьте себе, например, что я волею начальства поставлен во главе целого военного округа. Значит, мне тем самым приказано всячески руководить вверенными мне войсками, поддерживать и укреплять в них известный образ мыслей, действовать в определенном направлении на их волю, настраивать на известный лад их чувства — одним словом, воспитывать их, так сказать, в смысле их назначения. Прекрасно. Для этой цели мне предоставлено, между прочим, отдавать по войскам моего округа общие приказы от моего имени и под моею личною ответственностью. Ну, так если бы я отнесся к высшему начальству с тем, чтобы оно диктовало мне мои приказы или хоть предписывало, в каком направлении мне их писать, так разве не получил бы я на это в первый раз «старого дурака», а во второй — чистой отставки? Это значит, что я сам должен действовать на свои войска в известном духе, который, предполагается, заранее и раз навсегда одобрен и утвержден высшим начальством, так что и спрашивать об этом было бы или глупостью, или дерзостью. А вот теперь-то этот самый «известный дух», который был в сущности один и тот же от Саргона и Ассурбанипала до Вильгельма II, — он-то вдруг и оказывается под сомнением. До вчерашнего дня я знал, что я должен поддерживать и укреплять в своих войсках не другой какой-нибудь, а именно боевой дух — готовность каждого солдата бить врагов и самому быть убитому, для чего непременно нужна полная уверенность в том, что война есть дело святое. И вот у этой-то уверенности отнимается ее основание, военное дело лишается своей, как это говорят по-ученому, «нравственно-религиозной санкции».

П о л и т и к. Это все ужасно преувеличено. Никакого такого радикального переворота во взглядах не замечается. С одной стороны, и прежде всегда все знали, что война есть зло и что, чем меньше ее, тем лучше, а с другой стороны, все серьезные люди и теперь понимают, что это есть такого рода зло, которого полное устранение в настоящее время еще невозможно. Значит, дело идет не об уничтожении войны, а об ее постепенном и, может быть, медленном введении в теснейшие границы. А принципиальный взгляд на войну остается тот же, что

и был всегда: неизбежное зло, бедствие, терпимое в крайних случаях.

Генерал. И только-то?

Политик. Только.

Генерал. (*вскакивая с места*). А что, вы в святцы заглядывали когда-нибудь?

Политик. То есть в календарь? Приходилось справляться, например, насчет именинниц и именинников.

Генерал. А заметили вы, какие там святые помещены?

Политик. Святые бывают разные.

Генерал. Но какого звания?

Политик. И звания разного, я думаю.

Генерал. Вот то-то и есть, что не очень разного.

Политик. Как? Неужели только одни военные?

Генерал. Не только, а наполовину.

Политик. Ну, опять какое преувеличение!

Генерал. Мы ведь не перепись им поголовную делаем для статистики. А я только утверждаю, что все святые собственно нашей русской церкви принадлежат лишь к двум классам: или монахи разных чинов, или князья, то есть по старине, значит, непременно военные, и никаких других святых у нас нет—разумею святых мужского пола. Или монах, или воин.

Дама. А юродивых вы забыли?

Генерал. Нисколько не забыл! Но юродивые — ведь это своего рода иррегулярные монахи. Что казаки для армии, то юродивые для монашества. А затем, если вы мне найдете между русскими святыми хоть одного белого священника, или купца, или дьяка, или приказного, или мещанина, или крестьянина — одним словом, какой бы то ни было профессии, кроме монахов и военных, — берите себе все то, что я в будущее воскресенье привезу из Монте-Карло.

Политик. Спасибо. Оставляю вам ваши сокровища и вашу половину святцев, а то и все целиком. Но только объясните мне, пожалуйста, что же, собственно, вы хотели вывести из вашего открытия или наблюдения? Неужели то, что одни монахи и военные могут быть нравственными образцами?

Генерал. Не совсем угадали. Я сам знал высокодобродетельных людей и между белыми священниками, и между банкирами, и между чиновниками, и между крестьянами, а самое добродетельное существо, которое я могу припомнить, была нянюшка у одного из моих зна-

комых. Но мы ведь не об этом. Я к тому о святых сказал, что каким бы образом могло туда попасть столько воинов наряду с монахами и предпочтительно перед всеми мирными, гражданскими профессиями, если бы всегда смотрели на военное дело как на терпимое зло вроде питейной торговли или чего-нибудь еще худшего? Ясно, что христианские народы, по мысли которых святцы-то делались (ведь не у одних русских так, а приблизительно то же и у других), не только уважали, но еще *особенно* уважали военное звание и из всех мирских профессий только одну военную считали воспитывающею, так сказать, своих лучших представителей для святости. Вот этот-то взгляд и несовместим с теперешним походом против войны.

Политик. Да я разве говорил, что нет *никакой* перемены? Некоторая желательная перемена происходит несомненно. Религиозный ореол, который окружал войны и военных в глазах толпы, теперь снимается — это так. Но ведь к этому дело шло уже давно. И кого же это практически-то задевает? Разве духовенство, так как изготовление *ауреолов* в его ведомстве. Ну, придется кой-что почистить с этой стороны. Чего нельзя похерить, истолкуют в смысле иносказательном, а прочее подвергнут благоумолчанию и благозабвению.

Князь. Да уж и начались благоприспособления. Я для своих изданий слежу за нашей духовной литературой. Так уж в двух журналах имел удовольствие прочесть, что христианство безусловно осуждает войну.

Генерал. Не может быть!

Князь. Я и сам глазам не верил. Могу показать.

Политик (*к генералу*). Вот видите! Ну а для вас-то тут какая забота? Вы ведь люди дела, а не благоглаголанья. Профессиональное самолюбие, что ли, и тщеславие? Так ведь это нехорошо. А практически, повторяю, все для вас остается по-прежнему. Хотя система милитаризма, от которой вот уж тридцать лет никому вздохнуть нельзя, должна теперь исчезнуть, но войска в известных размерах остаются; и поскольку они будут допущены, т[о] е[сть] признаны необходимыми, от них будут требоваться те же самые боевые качества, что и прежде.

Генерал. Да, уж вы мастера просить молока от мертвого быка! Кто же вам даст эти требуемые боевые качества, когда первое боевое качество, без которого все другие ни к чему, состоит в бодрости духа, а она держится на вере в святость своего дела. Ну, а как же это может

статься, если будет признано, что война есть злодейство и губительство, лишь по неизбежности терпимое в крайних случаях?

Политик. Но ведь от военных такого признания вовсе и не требуется. Пусть считают себя первыми людьми в свете, какое кому до этого дело? Ведь уж вам объясняли, что принцу Лузиньяну позволено признавать себя королем Кипрским, лишь бы он у нас денег на кипрское вино не просил. Не покушайтесь только на наш карман больше, чем следует, а затем будьте в своих глазах солью земли и краскою человечества — кто вам мешает?

Генерал. «Будьте в своих глазах!» Да что мы, на луне, что ли, разговариваем? В торричелиевой пустоте, что ли, вы будете держать военных людей, чтоб до них не доходили никакие посторонние влияния? И это при всеобщей-то воинской повинности, при краткосрочной-то службе, при дешевых-то газетах! Нет, дело уж слишком ясно. Раз военная служба стала вынужденною повинностью для всех и каждого и раз во всем обществе, начиная с представителей государства, как вот вы, например, устанавливается новый, отрицательный взгляд на военное дело, этот взгляд непременно уж будет усвоен и самими военными. Если на военную службу все, начиная с начальства, станут смотреть как на неизбежное *покуда* зло, то, во-первых, никто не станет добровольно избирать военную профессию на всю жизнь, кроме разве какого-нибудь отрешья природы, которому больше деваться некуда; а во-вторых, все те, кому поневоле придется нести временную военную повинность, будут нести ее с теми чувствами, с которыми каторжники, прикованные к своей тачке, несут свои цепи. Извольте при этом говорить о боевых качествах и о военном духе!

Г[-н] Z. Я всегда был уверен, что после введения всеобщей воинской повинности упразднение войск, а затем и отдельных государств есть только вопрос времени, и времени, не слишком уже отдаленного при теперешнем ускоренном ходе истории.

Генерал. Может быть, вы правы.

Князь. А я даже полагаю, что вы *навверное* правы, хотя это мне до сих пор не приходило в голову в таком виде. Но ведь это превосходно! Подумайте только: милитаризм порождает как свое крайнее выражение систему всеобщей воинской повинности, и вот благодаря именно этому гибнет не только новейший милитаризм, но и все древние основы военного строя. Чудесно.

Дама. У князя даже лицо повеселело. Это хорошо. А то ходил все такой угрюмый — совсем не подобает «истинному христианину».

Князь. Да уж слишком много грустного кругом; одна вот только радость остается: мысль о неизбежном торжестве разума наперекор всему.

Г[-н] Z. Что милитаризм в Европе и в России съедает самого себя — это несомненно. А какие отсюда произойдут радости и торжества — это еще увидим.

Князь. Как? Вы сомневаетесь в том, что война и военщина — *безусловное и крайнее зло*, от которого человечество должно *непрерывно и сейчас же* избавиться? Вы сомневаетесь, что полное и немедленное уничтожение этого людоедства было бы *во всяком случае* торжеством разума и добра?

Г[-н] Z. Да, я совершенно уверен в *противном*.

Князь. То есть это в чем же?

Г[-н] Z. Да в том, что война *не* есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро, или, говоря проще, что возможна и бывает *хорошая война*, возможен и бывает *дурной мир*.

Князь. А! Теперь я вижу разницу между вашим взглядом и взглядом генерала: он ведь думает, что война всегда хорошее дело, а мир — всегда дурное.

Генерал. Ну, нет! И я отлично понимаю, что война может быть иногда очень плохим делом, именно когда нас бьют, как, например, под Нарвой или Аустерлицем, и мир может быть прекрасным делом, как, например, мир Ништадтский или Кучук-Кайнарджийский.

Дама. Это, кажется, варьянт знаменитого изречения того кафра или готтентота, который говорил миссионеру, что он отлично понимает разницу между добром и злом: добро — это когда я уведу чужих жен и коров, а зло — когда у меня уведут моих.

Генерал. Да ведь это мы с африканцем-то вашим только состригли: он нечаянно, а я нарочно. А вот теперь хотелось бы послушать, как умные люди вопрос о войне с нравственной точки зрения обсуждать будут.

Политик. Ах! Лишь бы только наши «умные люди» не примешали какой-нибудь схоластики и метафизики к такому ясному, исторически обусловленному вопросу.

Князь. Ясному с какой точки зрения?

Политик. Моя точка зрения — обыкновенная, европейская, которую, впрочем, теперь и в других частях света усваивают понемногу люди образованные.

Князь. А сущность ее, конечно, в том, чтобы признавать все относительным и не допускать безусловной разницы между должным и недолжным, хорошим и дурным. Не так ли?

Г[-н] Z. Виноват. Это пререкание для нашего вопроса, пожалуй, бесполезно. Я вот, например, вполне признаю безусловную противоположность между нравственным добром и злом, но вместе с тем мне совершенно ясно, что война и мир сюда не подходят, что окрасить войну сплошь одною черною краскою, а мир — одною белую никак невозможно.

Князь. Но ведь это же внутреннее противоречие! Если то, что само по себе дурно, например убийство, может быть хорошо в известных случаях, когда вам угодно называть его войною, то куда же денется безусловное-то различие добра и зла?

Г[-н] Z. Как это просто: «Всякое убийство есть безусловное зло; война есть убийство; следовательно, война есть безусловное зло». Силлогизм — первый сорт. Только вы забыли, что обе ваши посылки, и большая и малая, еще должны быть доказаны, а следовательно, и заключение еще висит пока на воздухе.

Политик. Ну разве я не говорил, что мы попадем в схоластику?

Дама. Да про что, собственно, они толкуют?

Политик. Про какие-то большие и малые посылки.

Г[-н] Z. Простите! Мы сейчас к делу подойдем. Так вы утверждаете, что во всяком случае убить, то есть отнять жизнь у другого, есть безусловное зло?

Князь. Без сомнения.

Г[-н] Z. Ну а быть убитым — безусловное это зло или нет?

Князь. По-готтентотски — разумеется, да. Но ведь мы говорили про нравственное зло, а оно может заключаться лишь в собственных действиях разумного существа, которые от него самого зависят, а не в том, что с ним случается помимо его воли. Значит, быть убитым — все равно как умереть от холеры или инфлуэнцы, не только не есть безусловное зло, но даже вовсе не есть зло. Этому нас еще Сократ и стоики научили.

Г[-н] Z. Ну, за людей столь древних я не берусь отвечать. А ваша-то вот безусловность при нравственной оценке убийства как будто хромает: ведь, по-вашему, выходит, что безусловное зло состоит в причинении другому чего-то такого, что вовсе не есть зло. Воля ваша, а тут

что-то хромает. Однако мы эту хромоту бросим, а то, пожалуй, в самом деле в схоластику залезем. Итак, при убийстве зло состоит не в физическом факте лишения жизни, а в нравственной причине этого факта, именно в злой воле убивающего. Так ведь?

Князь. Ну конечно. Да ведь без этой злой воли и убийства не бывает, а бывает или несчастье, или неосторожность.

Г[-н] Z. Это ясно, когда воли убивать вовсе не было, например при неудачной операции. Но ведь можно представить и другого рода положение, когда воля хотя и не имеет своей прямою целью лишить жизни человека, однако заранее соглашается на это как на крайнюю необходимость, — будет ли и такое убийство безусловным злом, по-вашему?

Князь. Да, конечно, будет, раз воля согласилась на убийство.

Г[-н] Z. А разве не бывает так, что воля, хотя и согласна на убийство, не есть, однако, *злая* воля и, следовательно, убийство не может здесь быть безусловным злом даже с этой субъективной стороны?

Князь. Ну, это уже совсем что-то непонятное... А! Впрочем, догадываюсь: вы разумеете тот знаменитый случай, когда в пустынном месте какой-нибудь отец видит разъяренного мерзавца, который бросается на его невинную (для большего эффекта прибавляют еще малолетнюю) дочь, чтобы совершить над нею гнусное злодеяние, и вот несчастный отец, не имея возможности иначе защитить ее, убивает обидчика. Тысячу раз слышал этот аргумент!

Г[-н] Z. Замечательно, однако, не то, что вы тысячу раз его слышали, а то, что никто ни одного раза не слышал от ваших единомышленников дельного или хоть сколько-нибудь благовидного возражения на этот простой аргумент.

Князь. Да на что же тут возражать?

Г[-н] Z. Вот, вот! Ну, если не хотите в форме возражения, то докажите каким-нибудь прямым и положительным образом, что во всех случаях без исключения, следовательно, и в том, о котором у нас речь, воздержаться от сопротивления злу силою, безусловно, лучше, нежели употребить насилие с риском убить злого и вредного человека.

Князь. Да какое же тут может быть *особое* доказательство для единичного случая? Раз вы признали, что

вообще убийство есть в нравственном смысле зло, то ясно, что и во всяком единичном случае оно будет также зло.

Дама. Ну, это слабо.

Г[-н] Z. Это даже очень слабо, князь. Ведь о том, что *вообще* лучше не убивать, чем убивать, — об этом нет спора, в этом все согласны. А вопрос именно только об единичных случаях. Спрашивается: есть ли общее или общепризнанное правило *не убивать* — действительно *безусловное* и, следовательно, не допускающее *никакого* исключения, ни в каком единичном случае и ни при каких обстоятельствах, или же оно допускает хоть одно исключение и, следовательно, уже не есть безусловное?

Князь. Нет, я не согласен на такую формальную постановку вопроса. И к чему это? Положим, я допущу, что в вашем исключительном случае, нарочно выдуманном для спора...

Дама (*укоризненно*). Ай-ай!

Генерал (*иронически*). О-го-го!

Князь (*не обращая внимания*). Допустим, что в вашем выдуманном случае убить лучше, чем не убивать, — в самом деле я этого, конечно, не допускаю, но положим, что вы тут правы; положим даже, что ваш случай не выдуманный, а действительный, но, как и вы согласитесь, совершенно редкий, исключительный. А ведь у нас дело идет о войне — явлении общем, всемирном; и не станете же вы утверждать, что Наполеон, или Мольтке, или Скобелев находились в положении сколько-нибудь похожем на положение отца, принужденного защищать от покушений изверга невинность своей малолетней дочери?

Дама. Вот это лучше прежнего. Bravo, mon prince!

Г[-н] Z. Действительно, ловкий скачок от неприятного вопроса. Но не позволите ли вы мне, однако, установить между этими двумя явлениями — единичным убийством и войною — их логическую, а вместе и историческую связь. А для этого сначала опять возьмем наш пример, но только без тех частных, которые как будто усиливают, а на самом деле ослабляют его значение. Не нужно тут ни отца, ни малолетней дочери, так как при них вопрос сейчас же теряет свое чисто этическое свойство, из области разумно-нравственного сознания переносится на почву натуральных нравственных чувств: родительская любовь, конечно, заставит этого отца убить злодея на месте, не останавливаясь на обсуждении вопроса, должен ли он и имеет ли право это сделать в смысле высшего нравственного начала. Итак, возьмем не отца, а

бездетного моралиста, на глазах которого чужое и незнакомое ему слабое существо подвергается неистовому нападению дюжего злодея. Что же, по-вашему, этот моралист должен, скрестя руки, проповедовать добродетель в то время, как осатаневший зверь будет терзать свою жертву? Этот моралист, по-вашему, не почувствует в себе нравственного побуждения остановить зверя силою, хотя бы и с возможностью и даже вероятностью убить его? И если он вместо того допустит злодеянию совершиться под аккомпанемент его хороших слов, что же, по-вашему, совесть не будет упрекать его и не будет ему стыдно до отращения к самому себе?

Князь. Может быть, все, что вы говорите, будет ощущаться моралистом, не верящим в действительность нравственного порядка или забывшим, что Бог не в силе, а в правде.

Дама. И это очень хорошо сказано. Ну, что-то вы теперь ответите?

Г[-н] Z. Я отвечу, что желал бы, чтобы это было сказано еще лучше, а именно прямее, проще и ближе к делу. Вы ведь хотели сказать, что моралист, действительно верящий в правду Божию, должен, не останавливая злодея силою, обратиться к Богу с молитвою, чтобы злое дело не совершилось: или через чудо нравственное — внезапное обращение злодея на путь истинный, или через чудо физическое — внезапный паралич, что ли...

Дама. Можно и без паралича: разбойник может быть чем-нибудь испуган или вообще как-нибудь отвлечен от своего замысла.

Г[-н] Z. Ну, это-то все равно, потому что чудо ведь не в самом происшествии, а в целесообразной связи этого происшествия, будь то телесный паралич или душевное какое-нибудь волнение, с молитвою и ее нравственным предметом. Во всяком случае предлагаемый князем способ помешать злему делу сводится все-таки к молитве о чуде.

Князь. Ну... то есть... почему же к молитве... и к чуду?

Г[-н] Z. А то к чему же?

Князь. Но раз я верю, что мир управляется добрым и разумным началом жизни, я верю и тому, что в мире может происходить только то, что согласно с этим, то есть с волею Божией.

Г[-н] Z. Виноват! Вам сколько лет?

Князь. Что значит этот вопрос?

Г [-н] Z. Ничего обидного, уверяю вас. Лет тридцать-то будет?

Князь. Ну, побольше будет.

Г [-н] Z. Так вам, наверное, приходилось видеть, а не видеть, так слышать, а не слышать, так читать в газетах, что злые-то или безнравственные дела совершаются все-таки на сем свете.

Князь. Ну?

Г [-н] Z. Ну так как же? Значит, «нравственный порядок», или правда, или воля Божия, очевидно, сами собою в мире не осуществляются...

Политик. Вот наконец на дело похоже. Если зло существует, то значит, боги или не могут, или не хотят ему помешать, а в обоих случаях богов, как всемогущих и благих сил, вовсе нет. Старо, но верно.

Дама. Ах, что это вы!

Генерал. Вот ведь до чего договорились. «Пофилософствуй, ум вскружится!»

Князь. Ну, это плохая философия! Как будто Божья воля связана с какими-нибудь нашими представлениями о добре и зле!

Г [-н] Z. *С какими-нибудь* представлениями не связана, но с истинным понятием добра связана теснейшим образом. Иначе если добро и зло вообще безразличны для божества, то вы сами себя опровергли окончательно.

Князь. Почему это?

Г [-н] Z. Да, ведь если, по-вашему, для божества все равно, что сильный мерзавец под влиянием зверской страсти истребляет слабое существо, то ведь и подавно божество ничего не может иметь против того, чтобы под влиянием сострадания кто-нибудь из нас истребил мерзавца. Ведь не станете же вы защищать такую нелепость, что только убийство слабого и безобидного существа *не* есть зло перед Богом, а убийство сильного и злого зверя *есть* зло.

Князь. Это вам кажется нелепостью, потому что вы не туда смотрите, куда следует: нравственно важно не то, кто убит, а то, кто убивает. Ведь вот вы сами назвали злодея зверем, то есть существом без разума и совести, — какое же может быть нравственное зло в его действиях?

Дама. Ай-ай! Да разве тут про зверя в буквальном смысле? Это все равно как если бы я сказала своей дочери: «Какие ты говоришь глупости, ангел мой!», а вы бы стали на меня кричать: «Что с вами? Разве ангелы могут говорить глупости?» Ай-ай, какой плохой спор!

Князь. Извините, я отлично понимаю, что злодей назван зверем метафорически и что у этого зверя нет хвоста и копыт; но ясно, что про неразумность и бессовестность здесь говорится в буквальном смысле: не может же человек с разумом и совестью совершать такие дела!

Г [-н] З. Новая игра словами! Конечно, человек, поступающий по-зверски, теряет разум и совесть в том смысле, что перестает слушаться их голоса; но чтобы разум и совесть вовсе в нем не говорили, — это еще вам нужно доказать, а пока я продолжаю думать, что зверский человек отличается от нас с вами не отсутствием разума и совести, а только своей решимостью действовать им наперекор, по прихотям своего зверя. А зверь такой же точно и в нас сидит, только мы его обыкновенно на цепи держим, ну а тот человек, значит, спустил его с цепи и сам тянется за его хвостом; а цепь-то и у него есть, только без употребления...

Князь. Но вы опять забываете, что, каково бы ни было состояние этого человека — полная ли атрофия разума и совести или сознательная безнравственность, если такая возможна, дело ведь не в нем, а в вас самих: у вас-то разум и совесть не атрофированы, и притом вы не хотите сознательно нарушать их требования, — ну так вы и не убьете этого человека, каков бы он ни был.

Г [-н] З. Конечно, не убил бы, если бы разум и совесть мне это безусловно запрещали. Но представьте себе, что разум и совесть говорят мне совсем другое, и, кажется, более разумное и добросовестное.

Князь. Это любопытно. Послушаем.

Г [-н] З. И прежде всего разум и совесть умеют считать по крайней мере до трех...

Генерал. Ну-тка, ну-тка!

Г [-н] З. А потому разум и совесть, если не хотят фальшивить, не станут говорить мне *два*, когда на деле — *три*...

Генерал (*в нетерпении*). Ну-ну!

Князь. Ничего не понимаю.

Г [-н] З. Да ведь, по-вашему, разум и совесть говорят мне только обо мне самом да о злодее, и все дело, по-вашему, в том, чтобы я его как-нибудь пальцем не тронул. Ну а ведь по правде-то тут есть и третье лицо, и, кажется, самое главное, — жертва злого насилия, требующая моей помощи. Ее-то вы всегда забываете, ну а совесть-то говорит и о ней, и о ней прежде всего, и воля Божия тут в том, чтобы я спас эту жертву, по возможности щадя

злодея; но ей-то я помочь должен во что бы то ни стало и во всяком случае: если можно, то увещаниями, если нет, то силой, ну а если у меня руки связаны, *тогда* тем крайним способом — крайним *сверху*, — который вы преждевременно указали и так легко бросили, именно молитвою, то есть тем высшим, напряжением доброй воли, что, я уверен, действительно творит чудеса, когда это нужно. Но какой из этих способов помощи нужно употребить, это зависит от внутренних и внешних условий происшествия, а безусловно здесь только одно: я должен помочь тем, кого обижают. Вот что говорит моя совесть.

Генерал. Прорван центр, ура!

Князь. Ну, я от такой широкой совести отошел. Моя говорит в этом случае определеннее и короче: *не убий!* — вот и все. А впрочем, я и теперь не вижу, чтобы мы сколько-нибудь подвинулись в нашем споре. Если бы я опять согласился с вами, что в том положении, которое вы выставляете, *всякий*, даже нравственно развитой и вполне добросовестный человек, мог бы под влиянием сострадания и не имея достаточно времени, чтобы дать себе ясный отчет о нравственном качестве своего поступка, мог бы допустить себя до убийства, — то что же опять-таки отсюда следует для главного-то нашего вопроса? Разве, повторяю, Тамерлан, или Александр Македонский, или лорд Кичинер убивали и заставляли убивать людей для защиты слабых существ от покушавшихся на них злодеев?

Г[н] З. Хотя сопоставление Тамерлана с Александром Македонским есть плохое предвещание для наших исторических вопросов, но так как вы вот уже второй раз нетерпеливо переходите в эту область, то позвольте мне сделать историческую ссылку, которая действительно поможет нам связать вопрос о личной защите с вопросом о защите государственной. Дело было в двенадцатом столетии, в Киеве. Удельные князья, уже тогда, по-видимому, державшиеся ваших взглядов на войну и полагавшие, что ссориться и драться можно только «chez soi» *, не соглашались идти в поход против половцев, говоря, что им жалко подвергать людей бедствиям войны. На это великий князь Владимир Мономах держал такую речь: «Вы жалеете смердов, а о том не подумаете, что вот придет весна, выедет смерд в поле...»

Дама. Пожалуйста, без дурных слов!

* Между собой (фр.). — Прим. ред.

Г [-н] Z. Да ведь это из летописи.

Дама. А вы ее все равно наизусть не помните, так говорите своими словами. А то выходит как-то глупо: «придет весна» — ждешь: «зацветут цветы, запоют соловьи», и вдруг какой-то «смерд»!

Г [-н] Z. Ну, хорошо. «Придет весна, выедет крестьянин в поле с конем, землю пахать. Приедет половчин, крестьянина убьет, коня уведет; наедут потом половцы большою толпой, всех крестьян перебьют, жен с детьми в полон заберут, скот угонят, село выжгут. Что же вы в этом-то людей не жалеете? Я их жалею, для того и зову вас на половцев». На этот раз пристыженные князья послушались, и земля отдохнула при Владимире Мономахе. Ну а потом они вернулись к своему миролюбию, избегавшему внешних войн, чтобы на досуге дома безобразничать, и кончилось для России монгольским игом, а для собственных потомков этих князей — тем угощением, которое поднесла им история в лице Ивана Четвертого.

Князь. Ничего не понимаю! То вы мне рассказываете такое происшествие, которое никогда ни с кем из нас не случилось и, наверное, не случится, то упоминаете какого-то Владимира Мономаха, которого, может быть, вовсе не существовало и до которого нам, во всяком случае, нет никакого дела...

Дама. Parlez pour vous, monsieur! *

Г [-н] Z. Да вы, князь, из Рюриковичей?

Князь. Говорят; так что же, по-вашему, не интересоваться ли мне Рюриком, Синеусом и Трувором?

Дама. По-моему, не знать своих предков — это все равно как маленькие дети, которые думают, что их в огороде под капустой нашли.

Князь. Ну а как же быть тем несчастным, у которых нет предков?

Г [-н] Z. Есть у всякого по крайней мере два великих предка, оставивших в общее пользование свои подробные и очень поучительные записки: отечественную и всемирную историю.

Князь. Но не могут ли эти записки решать для нас вопрос о том, как нам *теперь* быть, что мы должны *теперь* делать! Пусть Владимир Мономах существовал действительно, а не в воображении только какого-нибудь мниха Лаврентия или Ипатия; пусть даже он был превосходнейшим человеком и искренне жалел «смердов».

* Говорите о себе (фр.). — Прим. ред.

В таком случае он был прав, что воевал с половцами, потому что в те дикие времена нравственное сознание еще не возвысилось над грубым византийским пониманием христианства и позволяло ради кажущегося добра убивать людей. Но как же нам-то это делать, раз мы поняли, что так как убийство есть зло, противное воле Божией, запрещенное издревле заповедью Божиею, то оно ни под каким видом и ни под каким именем не может быть нам позволительно и не может перестать быть злом, когда вместо одного человека убиваются под названием войны тысячи людей. Это есть прежде всего вопрос личной совести.

Генерал. Ну, если дело в личной совести, так позвольте вам доложить вот что. Я человек в нравственном смысле — как и в других, конечно, — совсем средний, не черный, не белый, а серый. Ни особенной добродетели, ни особенного злодейства не проявлял. И в добрых-то делах всегда есть загвоздка: никак не скажешь наверно, по совести, что тут в тебе действует, настоящее ли добро или только слабость душевная, привычка житейская, а иной раз и тщеславие. Да и мелко все это. Во всей моей жизни был только один случай, который и мелким назвать нельзя, а главное, я наверное знаю, что тут уже никаких сомнительных побуждений у меня не было, а владела мною только одна добрая сила. Единственный раз в жизни испытал я полное нравственное удовлетворение и даже в некотором роде экстаз, так что и действовал я тут без всяких размышлений и колебаний. И осталось это доброе дело до сих пор, да, конечно, и навеки останется, самым лучшим, самым чистым моим воспоминанием. Ну-с, и было это мое единственное доброе дело — убийством, и убийством немалым, ибо убил я тогда в какие-нибудь четверть часа гораздо более тысячи человек.

Дама. *Quelles blagues!* * А я думала, что вы — серьезно.

Генерал. Да, совершенно серьезно: могу свидетелей представить. Ведь не руками я убивал, не моими грешными руками, а из шести чистых, непорочных стальных орудий, самую добродетельною, благотворною картечью.

Дама. Так в чем же тут добро?

Генерал. Ну конечно, хоть я не только военный,

* Что за шутки! (*фр.*). — *Прим. ред.*

а по-нынешнему и «милитарист», но не стану же я называть добрым делом простое истребление тысячи обыкновенных людей, будь они немцы или венгерцы, англичане или турки. А тут было дело совсем особенное. Я и теперь не могу равнодушно рассказывать, так оно мне всю душу выворотило.

Дама. Ну, рассказывайте скорей!

Генерал. Так как я об орудиях упомянул, то вы, конечно, догадались, что было это в последнюю турецкую войну. Я был при кавказской армии. После 3-го октября...

Дама. Что такое 3-е октября?

Генерал. А это было сражение на Аладжинских высотах, когда мы в первый раз «непобедимому» Гази-Мухтар-паше все бока обломали... Так после 3-го октября мы сразу продвинулись в эту азиатчину. Я был на левом фланге и командовал передовым разведочным отрядом. Были у меня нижегородские драгуны, три сотни кубанцев и батарея конной артиллерии. Страна невеселая — еще в горах ничего, красиво, а внизу только и видишь, что пустые, выжженные села да потоптанные поля. Вот раз — 28 октября это было — спускаемся мы в долину, и на карте значится, что большое армянское село. Ну конечно, села никакого, а было действительно порядочное, и еще недавно: дым виден за много верст. А я свой отряд стянул, потому что, по слухам, можно было наткнуться на сильную кавалерийскую часть. Я ехал с драгунами, казаки впереди. Только вблизи села дорога поворот делает. Смотрю, казаки подъехали и остановились как вкопанные — не двигаются. Я поскакал вперед; прежде чем увидел, по смраду жареного мяса догадался: башибузуки свою кухню оставили. Огромный обоз с беглыми армянами не успел спастись, тут они его захватили и хозяйничали. Под телегами огонь развели, а армян, того головой, того ногами, того спиной или животом привязавши к телеге, на огонь свесили и потихоньку поджаривали. Женщины с отрезанными грудями, животы вспороты. Уже всех подробностей рассказывать не стану. Только одно вот и теперь у меня в глазах стоит. Женщина навзничь на земле за шею и плечи к тележной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, — лежит не обожженная и не ободранная, а только с искривленным лицом — явно от ужаса померла, — а перед нею высокий шест в землю вбит, и на нем младенец голый привязан — ее сын, наверное, —

весь почерневший и с выкатившимися глазами, а подле и решетка с потухшими углями валяется. Тут на меня сначала какая-то тоска смертельная нашла, на мир Божий смотреть противно, и действую как будто машинально. Скомандовал рысью вперед, въехали мы в сожженное село — чисто, ни кола ни двора. Вдруг, видим, из сухого колодца чучело какое-то карабкается... Вылез, замазанный, ободранный, упал на землю ничком, причитает что-то по-армянски. Подняли его, расспросили: оказался армянин из другого села; малый толковый. Был по торговым делам в этом селе, когда жители собрались бежать. Только что они тронулись, как нагрянули башибузуки, — множество, говорит, сорок тысяч. Ну, ему, конечно, не до счета было. Притаился в колодце. Слышал вопли, да и так знал, чем кончилось. Потом, слышит, башибузуки вернулись и на другую дорогу переехали. Это они, говорит, наверное, в наше село идут и с нашими то же делать будут. Ревет, руки ломает.

Тут со мною вдруг какое-то просветление сделалось. Сердце будто растаяло, и мир Божий точно мне опять улыбнулся. Спрашиваю армянина, давно ли черти отсюда ушли? По его соображению — часа три.

— А много ли до вашего села конного пути?

— Пять часов с лишком.

— Ну, в два часа никак не догонишь. Ах ты, Господи! А другая-то дорога к вам есть, короче?

— Есть, есть. — А сам весь вострепнулся. — Есть дорога через ущелья. Совсем короткая. Немногие и знают ее.

— Конному пройти можно?

— Можно.

— А орудиям?

— Трудно будет. А можно.

Велел я дать армянину лошадь, и со всем отрядом — за ним в ущелье. Как уж мы там в горах карабкались — я и не заметил хорошенько. Опять машинальность нашла; но только в душе легкость какая-то, точно на крыльях лечу, и уверенность полная: знаю, что нужно делать, и чувствую, что *будет* сделано.

Стали мы выходить из последнего ущелья, после которого наша дорога на большую переходила, — вижу, армянин скачет назад, машет руками: тут, мол, они! Подъехал я к передовому разъезду, навел трубку: точно — конницы видимо-невидимо; ну, не сорок тысяч, конечно, а тысячи три-четыре будет, если не все пять.

Увидали чертовы дети казаков — поворотили нам навстречу — мы-то им в левый фланг из ущелья выходили. Стали из ружей палить в казаков. Ведь так и жарят, азиатские чудища, из европейских ружей, точно люди! То там, то тут казак с лошади свалится. Старший из сотенных командиров подъезжает ко мне:

— Прикажете атаковать, ваше превосходительство! Что ж они, анафемы, нас, как перепелок, подстреливать будут, пока орудия-то устанавливают. Мы их и сами разнесем.

— Потерпите, голубчики, еще чуточку, говорю. Разогнать-то, говорю, вы их разгоните, а какая ж в том сладость? Мне Бог велит прикончить их, а не разгонять.

Ну, двум сотенным командирам приказал, наступая врасыпную, начать с чертями перестрелку, а потом, ввязавшись в дело, отходить на орудия. Одну сотню оставил маскировать орудия, а нижегородцев поставил уступами влево от батареи. Сам весь дрожу от нетерпения. И младенец-то жареный с выкаченными глазами передо мной, и казаки-то падают. Ах ты, Господи!

Дама. Как же кончилось?

Генерал. А кончилось по самому хорошему, без промаха! Ввязались казаки в перестрелку и сейчас же стали отходить назад с гиком. Чертово племя за ними — раззадорились, уж и стрелять перестали, скачут всей оравой прямо на нас. Подскакали казаки к своим саженой на двести и рассыпались горохом кто куда. Ну, вижу, пришел час воли Божией. Сотня, раздайся! Раздвинулось мое прикрытие пополам — направо-налево — все готово, Господи благослови! Приказал пальбу батарею.

И благословил же Господь все мои шесть зарядов. Такого дьявольского визга я отродясь не слыхивал. Не успели они опомниться — второй залп картечи. Смотрю, вся орда назад шарахнулась. Третий — вдогонку. Такая тут кутерьма поднялась, точно как в муравейник несколько зажженных спичек бросить. Заметались во все стороны, давят друг друга. Тут мы с казаками и драгунами с левого фланга ударили и пошли крошить как капусту. Немного их ускакало — которые от картечи увернулись, на шашки попали. Смотрю, иные уж и ружья бросают, с лошадей соскакивают, амана запросили. Ну, тут я уж и не распоряжался — люди и сами понимали, что не до амана теперь, — всех казаки и нижегородцы порубили.

А ведь если бы эти безмозглые дьяволы после двух первых-то залпов, что были им, можно сказать, в упор пущены — саженьях в двадцати — тридцати, если бы они вместо того, чтобы назад кинуться, на пушки поскакали, так уж нам была бы верная крышка — третьего-то залпа уж не дали бы!

Ну, с нами Бог! Кончилось дело. А у меня на душе — светлое Христово Воскресение. Собрали мы своих убитых — тридцать семь человек Богу душу отдали. Положили их на ровном месте в несколько рядов, глаза закрыли. Был у меня в третьей сотне старый урядник, Одарченко, великий начетчик и способностей удивительных. В Англии был бы первым министром. Теперь он в Сибирь попал за сопротивление властям при закрытии какого-то раскольничьего монастыря и истребление гроба какого-то их почитаемого старца. Кликнул я его. «Ну, — говорю, — Одарченко, дело походное, где нам тут в аллилуиях разбираться, будь у нас за попа — отпевай наших покойников». А для него, само собой, первое удовольствие. «Рад стараться, ваше превосходительство!» А сам, бестия, даже просиял весь. Певчие свои тоже нашлись. Отпели чин-чином. Только священнического разрешения нельзя было дать, да тут его и не нужно было: разрешило их заранее слово Христово про тех, что душу свою за други своя полагают. Вот как сейчас мне это отпевание представляется. День-то весь был облачный, осенний, а тут разошлись тучи перед закатом, внизу ущелье чернеет, а на небе облака разноцветные, точно Божьи полки собрались. У меня в душе все тот же светлый праздник. Тишина какая-то и легкость непостижимая, точно с меня вся нечистота житейская смыта и все тяжести земные сняты, ну, прямо райское состояние — чувствую Бога, да и только. А как стал Одарченко по именам поминать новопреставленных воинов, за веру, царя и отечество на поле брани живот свой положивших, тут-то я почувствовал, что не многоглаголание это официальное и не титул какой-то, как вот вы изволили говорить, а что взаправду есть христолюбивое воинство...

ЛОЖЬ

В статуте ордена Св. Георгия заключается глубокая идея о действительно принесенной пользе, об осязательном результате, который только и подлежит награждению. Все великие практики прежде всего ценили трезвую действительность. Особенно строго относились к действительности римляне, великие по своему государственному строительству. Печально, если мы отречемся от этого принципа, если мы будем прекрасные намерения и цели ценить выше скромной действительности, если мы предпочтем «тьме низких истин нас возвышающий обман».

Есть искусство для искусства, далекое от жизни; точно также есть и геройство для геройства, от которого практика ничего не выигрывает. В «Войне и мире» Толстой описывает подвиг, совершенный в Аустерлицком сражении поручиком Бергом, передавшим шпагу из раненой правой руки в левую и полагавшим, что он сделал весьма важное для армии дело. Точно также безрезультатным геройством была атака владимирцев на Альме, турок на вершину св. Николая, 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка под Хамытаном (конец Тюренчена). С высоким подъемом духа люди расшибают себе лбы совершенно бесплодно и бестолково; антиутилитарность, игнорирование действительности является основой такого геройства.

Весьма часто причиной проявления непригодного для жизни героизма является ошибочное представление о моральном элементе. Превосходство духа имеет решительное значение; но нельзя представлять себе моральный перевес в виде морального неистовства, той растрепанности чувств, в которой, судя по картинам для простого народа, залог победы. Прежде всего необходима серьезная работоспособность; кородивые, умалишенные и пьяные одерживают победы лишь там, где нет достойного противника. Бой — серьезное дело, и моральное превосходство в бою должно выражаться в настойчивой и упор-

ной работе, в преданности общему делу, а не в стремлении показать фокус. Моральный элемент прежде всего высказывается в отношении к действительности; там, где о нем забывают, где все заняты только своим делом, где жизнь на первом плане, — там все обстоит благополучно; там же, где все время храбрятся, оценивают мужество и по картинности рассказов, и по проценту убывших из строя, где все время одни воодушевляют других, где громкие фразы сыпятся без счета, — там, наверно, у семи нянек моральный элемент хромает. Наивно думать, что фраза даст победу, что громкие приказы заставят противника оробеть. Моральная солидарность вырабатывается другими приемами.

В боевой обстановке люди выходят из нормального состояния, до известной степени хмелеют. Это естественный результат того нравственного переутомления, которое является в бою; было бы ошибочно считать необходимым нарочно затуманивать себе глаза теми или другими средствами перед боем. «Верный взгляд военный» в бою не так-то легко сохранить, но надо стремиться трезво относиться к боевой действительности, так как только верная оценка положения может дать победу. Искусственное подвинчивание себя фразами — это прием морального алкоголя; он нужен только натурам измотанным и вообще негодным к практической деятельности.

В прошлую кампанию в нашей армии дурные замашки систематически поощрялись; последовательно растился культ добрых намерений, забвения действительности; впрочем, при неудаче люди всегда склонны фантазировать. Это один из важнейших минусов, которые мы нажили за эту кампанию. Фантазия, ложь в реляциях и донесениях, ложь в компоновке и исполнении операций составляют наиболее тяжелую рану нашей армии, нанесенную ей прошлой войной. Есть только одно средство для ее излечения — это правдивое и быстрое восстановление истины, история войны — не мертвое изложение подробностей известных фактов, а бич, карающий фальсификацию на поле сражения.

Все военное искусство заключается в соединении усилий для поражения врага, а могут ли лгуны и лицемеры произвести общее усилие? Могут ли они дружно вести общее дело?

Достоинство и сила военного заключается в оружии, которое он носит при себе, и в его правдивости. Безо-

ружный боец — бесчестен; так же бесчестен и боец-лун. Нужно ценить винтовку, беречь патроны и говорить правду — в этом сила армии, в этом залог победы.

Любовь и уважение — чувства, которые прекрасно подделываются на житейском рынке; внимательный анализ часто откроет под ними одно лицемерие. Высоких степеней виртуозности достигает как искусство отворачиваться от действительности, так и искусство превратного ее изображения. Ложь всегда остается ложью, и никогда лучшие намерения не могут ее оправдать; но особенно обидно, когда ложь задевает такие предметы, которые дороги вашему сердцу; что может быть обиднее изображения действительно великого, когда оно разделано лубочным способом для темных, неразвитых вкусов и понятий, подмазано, подкрашено, превращено в сусального херувимчика?

Если мы не будем отворачиваться от тех печальных условий, в которых пришлось действовать нашим войскам, то мы поразимся подвигами, действительно ими свершенными; мы преклонимся перед испытаниями, которые преодолел наш солдат. Лжи для этого не надо — надо только трезво смотреть на события во всей их полноте.

Наш солдат не несчастное создание; его следует изображать в неприкрашенном виде; он, как герой, существующий в действительности, имеет и должен иметь свои теневые стороны. Надо не верить в наше будущее, надо быть трусом, надо бояться и презирать действительность, чтобы отворачиваться от теневых сторон, заявлять, что у нас нет недостатков.

Гибель народа начинается тогда, когда он теряет способность смотреть в лицо действительности, когда он факты действительной жизни начинает подменять фантазией, начинает мечтать и засыпать. Мне вспоминаются рассказы о том, что, когда турецкая армия и крепости склоняли перед нами свое оружие, в кофейнях Константинополя наемные рассказчики убаюкивали мусульман вестями о победах, одерживаемых турецкими армиями. Забвение действительности — сон нации — это смерть.

(1907 г.)

СИЛА БЕЗ ВЛАСТИ ИЛИ ВЛАСТЬ БЕЗ СИЛЫ

По самой природе своей, по выполняемой ею функции в обществе и государстве, армия традиционно относилась к числу социальных групп и государственных институтов, положение и престиж которых были наиболее высоки. И это совершенно естественно: ни общество, ни государство не могли допустить иного, не ставя под угрозу само свое существование. Поскольку на протяжении столетий существование государств зависело главным образом от боеспособности их вооруженных сил, то последние концентрировали в себе все лучшее, что было в обществе.

В традиционной европейской (впрочем, не только европейской) системе представлений понятие благородства было неразрывно связано именно и почти исключительно с вооруженными силами, армией. Высшее сословие этих стран — дворянство формировалось как военное сословие и довольно долго было связано исключительно с военной службой, лишь к XVIII в. по мере формирования сравнительно развитого государственного аппарата дворянство стало пониматься как служилое сословие вообще. Но и потом военная служба считалась наиболее престижной. Именно в качестве военно-служилого сословия дворянство освобождалось от подушного налога — считалось, что оно платит «налог кровью». Военная служба рассматривалась как самое достойное благородного человека, дворянина занятие (во Франции, например, «дворяне шпаги» даже формально пользовались рядом преимуществ перед «дворянами мантии»).

В полной мере все это относится и к России. Собственно, первоначально дворяне отличались от крестьян тем, что первые за свою землю несли военную службу, а вторые — платили подати. И в допетровские времена быть рядовым воином дворянского ополчения считалось более почетным, чем занимать даже весьма нерядовое положение в приказном аппарате гражданского управ-

ления (служба предков в качестве подьячих, например, не рассматривалась как свидетельство дворянского происхождения человека, потому что такая служба сама по себе не вводила человека в то время в состав дворянского сословия).

По законам, введенным Петром I, человек любого происхождения, получивший первый же офицерский чин (прапорщика), получал и потомственное дворянство (передававшееся детям), тогда как на гражданской службе потомственное дворянство приобреталось только с чином 8-го класса (коллежского асессора), а чины 14—9-го классов давали лишь личное (не передававшееся детям) дворянство. С 1845 г. потомственное дворянство приносили военные чины начиная с 8-го класса (майор) и гражданского — с 5-го (статский советник), а с 1856 г. и до революции: военные — с 6-го класса (полковник) и гражданские — с 4-го (действительный статский советник). При этом на гражданской службе чины ниже 9-го класса не давали после 1845 г. и личного дворянства, но для офицеров даже самый младший чин по-прежнему был связан с получением (хотя бы и личного) дворянства. То есть принцип, согласно которому сама профессия офицера обеспечивала ему принадлежность к высшему сословию, не был поколеблен. В этом находило свое выражение представление о значимости и статусе военной службы (как и в том, кстати, что солдат, взятый рекрутом из частновладельческих крестьян, навсегда освобождался от крепостной зависимости).

На протяжении двух столетий офицерский корпус был одной из наиболее образованных и культурных групп общества и объединял все лучшее, что в нем было. Наука и техника России в значительной мере развивались его представителями. Совершенно закономерно и то, что абсолютное большинство крупнейших русских писателей и деятелей культуры либо сами в свое время служили офицерами, либо были выходцами из офицерских семей. В свою очередь именно боеспособная армия, окруженная уважением общества и заботой государства, создала России блестящее международное положение, выведя ее в число великих держав (а в конце XVIII — первой половине XIX в. Россия была сильнейшей в мире военной державой).

Впрочем, во всяком государстве, проводящем самостоятельную политику на международной арене и претендующем на то, чтобы с ним считались, армия поль-

зуется достаточной заботой. Уважение, доверие и любовь народа к своей армии в здоровом обществе не нуждаются в том, чтобы их искусственно внедряли или воспитывали: иное отношение противоестественно. Гордость своей военной славой, военные традиции, память о выдающихся полководцах относятся к числу вещей, которые не нуждаются в большинстве стран в назойливой рекламе среди собственного населения, ибо являются неотъемлемой частью патриотического сознания народа. Человек, бывавший, скажем, во Франции, обычно не может не обратить внимания на то, каким ореолом почитания окружено в этой стране все, связанное с наполеоновскими войнами, да и не только с ними. Даже в небольших странах, проводящих традиционно, на протяжении многих десятилетий, политику нейтралитета (например, в Швейцарии), армия является предметом гордости и принадлежности к ней — почетна.

Доверие и любовь народа к своей армии являются важнейшим фактором внутренней стабильности общества, позволяющим избежать трагедии на крутых поворотах истории. Известно, скажем, как высок общенациональный авторитет армии в Польше. Согласно опросам общественного мнения, проводившимся в 80-е годы, она там является институтом, пользующимся наибольшим доверием населения, намного опережая по этому показателю правительство, сейм, партию, профсоюзы. Во многом благодаря этому удалось избежать кровопролития даже при проведении непопулярных чрезвычайных мер, одной из которых было введение военного положения в конце 1981 г. Морально-психологическая невозможность выступить против армии, осознаваемой как лучшая часть нации, обусловила не только невозможность гражданской войны, но и антиармейской кампании в прессе.

Являясь гарантом суверенитета и защиты национально-государственных интересов, армия объективно представляет собой такой общенациональный институт, который в наименьшей степени подвержен влиянию политических крайностей. Вполне закономерно, что в странах Восточной Европы, в которых в последнее время идет процесс возвращения к традиционным национально-государственным принципам и интересам (с возвращением исторической символики и атрибутики), никому не приходит в голову нападать на собственную армию, поскольку армия как нельзя лучше воплощает именно эти традиционно-государственные интересы.

Ни с чем не сравнимое значение имеет надежная армия для государственной власти. Государство не может уцелеть, если разлагается армия, и насильственное свержение государственной власти, в свою очередь, не может иметь место раньше, чем армия будет разложена или по каким-либо причинам откажется эту власть защищать. Поэтому государственная власть обычно придает должное значение заботе об интересах армии и не допускает ничего, что могло бы посорить руководство страны с вооруженными силами. Пренебрежение к армии всегда чревато для правительства крупными неприятностями. Легкомысленное отношение к нуждам армии, содержание ее в «черном теле», неуважение к воинской службе, низкий престиж военных не раз приводили к тому, что армия либо сама свергала правительство, либо содействовала в этом оппозиционным силам, либо просто оставалась нейтральной и позволяла свергнуть правительство тем, кто этого хотел. Последний пример такого рода мы имели возможность недавно наблюдать в Румынии, где диктаторский режим Чаушеску, холя и лелея избранные подразделения служб безопасности, превратил солдат армии в бесплатных строителей и сельскохозяйственных батраков. В данном случае оппозиционным силам не было даже никакой необходимости разлагать армию: она вряд ли могла служить надежной опорой режима, что и выяснилось в решающий момент.

В странах, где смена власти происходит мирным, законным путем и где переход власти в руки оппозиции не означает развала и разгрома государства, оппозиция никогда не пытается разлагать армию или переманивать ее на свою сторону, потому что не рассматривает свой приход к власти как сокрушение данного государственного устройства, и вправе рассчитывать на такую же поддержку армии, как и всякое другое правительство, действующее в рамках этого государственного устройства и оберегающее суверенитет и территориальную целостность государства. Собственно, и вопроса такого возникнуть не может. Никому не приходит в голову рассуждать о том, как поведет себя армия в случае победы на выборах демократов или республиканцев в США либо, скажем, ХДС или СДПГ в Германии, потому что любая из этих партий в равной мере и прежде всего будет заботиться о национальных интересах страны.

Другое дело, когда оппозиция имеет своей целью принципиальное изменение формы государственного

строю и собирается (или допускает) осуществить это насильственным путем. Классический пример такого рода дает нам история нашей страны 70-летней давности.

С одной стороны, налицо была двусмысленность позиции Временного правительства по отношению к смертельно уставшей русской армии. Как вспоминал генерал М. Д. Бонч-Бруевич, Керенский, «одной рукой побуждая офицерство агитировать в пользу верности союзникам, другой охотно указывал на «военщину» как на главных виновников затяжки кровопролития... понятно, к чему это приводило». В докладах о состоянии армии постоянно встречаются слова о том, что «положение офицеров чрезвычайно тяжелое. Офицеры подвергаются глумлению, постоянно живут под угрозой смерти».

С другой стороны — агитационная работа большевиков. Они, как известно, шли к власти во имя мировой революции, превращения войны с Германией в войну гражданскую, и русская армия им была не нужна ни в каком виде, а представлялась лишь объектом слома. Армия — это прежде всего ее офицерский корпус, и закономерно, что именно он стал объектом нападков, поскольку с потерей возможности для офицеров осуществлять командование армия прекращает свое существование.

В сводке сведений о настроении в действующей армии от 14 июля 1917 г. сообщалось: «В донесениях всех высших начальников указывается на крайне тяжелое положение в армии офицеров, их самоотверженную работу, протекающую в невыносимых условиях, в стремлении поднять дух солдат, внести успокоение в ряды разлагающихся частей и сплотить вокруг себя всех, оставшихся верными долгу перед родиной. Подчеркнута явная агитация провокаторов-большевиков, натравливающая солдат на офицеров. Вражда часто принимает открытый характер, выливаясь в насилия над офицерами... Развращенные большевистской пропагандой, охваченные шкурными интересами, части явили невиданную картину предательства и измены родине. Дивизии 11-й и частью 7-й армии бежали под давлением в пять раз слабейшего противника, сдаваясь в плен ротами и полками, оказывая полное неповиновение офицерам. Зарегистрированы случаи самосудов над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния».

Разумеется, классовым подходом в этом анализе, как говорится, и не пахнет. Однако для нас сейчас важно не

то, кто и против кого выступал, а как и с какой целью.

Атмосферу в частях хорошо характеризует одна из телеграмм, полученных в штабе дивизии из 61-го Сибирского полка: «Мне и офицерам остается только спастись, т. к. приехал из Петрограда солдат 5-й роты, ленинец. В 16 часов будет митинг. Уже решено меня, Морозко и Егорова повесить. Офицеров разделить и разделяться. Я еду в Лошаны. Без решительных мер ничего не будет. Много лучших солдат и офицеров уже бежало. Полковник Травников».

Осенью положение офицеров и отношение к ним еще более ухудшилось. Для иллюстрации того, как они чувствовали себя, стоит привести хотя бы рапорт от 28 сентября командира 60-го пехотного Замосцкого полка М. Г. Дроздовского начальнику 15-й пехотной дивизии: «Главное считаю долгом доложить, что силы офицеров в этой борьбе убывают, энергия падает и развивается апатия и безразличие. Лучший элемент офицерства, горячо принимающий к сердцу судьбы армии и родины, издерган вконец; с трудом удастся поддерживать в них гаснущую энергию, но скоро и я уже не найду больше слов ободрения этим людям, не встречающим сверху никакой поддержки. Несколько лучших офицеров обращались ко мне с просьбой о переходе в союзные армии. Позавчера на служебном докладе о положении дел в команде закаленный в боях, хладнокровнейший в тяжелейших обстоятельствах офицер говорил со мной прерывающимся от слез голосом — нервы не выдерживают создающейся обстановки. Я убедительно прошу Ваше превосходительство довести до сведения высшего начальства и Временного правительства, что строевые офицеры не из железа, а обстановка, в которой они сейчас находятся, есть ни что иное, как издевательство над ними сверху и снизу, которое бесследно до конца проходить не может. Если подобный доклад приходится делать мне, командиру полка одной из наиболее дисциплинированных, в наибольшем порядке находящейся дивизии, то что же делается в остальной русской армии?»

Ситуация была одинаковой на всех фронтах. Начальник штаба Юго-Западного фронта Н. Н. Стогов (20.X): «Отношение к офицерам, за исключением немногих частей, враждебное и подозрительное. Они постоянно подвергаются унижениям и оскорблениям, причем терпеливое перенесение обид офицерами и жертвы самолюбием

еще больше раздражают солдат. Постоянно слышатся угрозы убийством, отмечены попытки избиения офицеров»; генерал-квартирмейстер Северного фронта В. Л. Барановский (27.X): «Положение офицеров невыносимо тяжело по-прежнему. Атмосфера недоверия, вражды, в которых приходится служить при ежеминутной возможности нарваться на незаслуженное оскорбление при отсутствии всякой возможности на него реагировать, отзывается на нравственных силах армии тяжелее, чем самые упорные бои и болезни».

После Октябрьской революции (примерно через месяц), как известно, были упразднены и знаки различия, а декретом от 16.XII предусматривалось выборное начало в армии. О впечатлении, произведенном этими декретами на офицерство, М. Д. Бонч-Бруевич писал так: «Человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу... генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону большевиков, были совершенно подавлены. Не проходило и дня без неизбежных эксцессов и переклестываний. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели расстаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов». «Я наивно полагал, — продолжает Бонч-Бруевич, — что с приходом к власти отношение Ленина к армии должно коренным образом измениться. Хорошо, — по-детски рассуждал я, — пока большевистская партия не была у власти, ей был прямой смысл всячески ослаблять значение враждебного большевизму командования и высвободить из-под его влияния солдатские массы. Но положение изменилось, большевики уже не в оппозиции, а в правительстве. Следовательно, — заключал я, — они не меньше меня заинтересованы в сохранении армии, в том, наконец, чтобы сдержать германские полчища и сохранить территории страны. Партия и Ленин, однако, действовали совсем не так, как мне этого хотелось».

Как видим, даже для тех, кто перешел на сторону большевиков, не будучи идейно с ними связан, положение представлялось трагическим. Они считали большевиков просто одной из многих партий, недооценивая качественное отличие их идеологии от всякой другой. Идея мировой революции представлялась им слишком невероятной, чтобы они могли поверить в то, что какая-либо

партия может руководствоваться ею в качестве главной цели взятия власти в России. Что же говорить о тех, кто не склонен был к такому переходу?

Зимой 1917/18 г. армия окончательно развалилась, и в тыл потянулись эшелоны покинувших фронт солдат, сопровождая свое продвижение беспорядками и грабежами. Множество офицеров — и оставшихся на фронте, и пробиравшихся к своим семьям — погибли в эти месяцы. Даже В. Шкловский (бывший в свое время комиссаром Временного правительства) вынужден был отметить: «Судьба нашего офицерства глубоко трагична. Положение офицера было, конечно, тяжелее положения комитетчика: он должен был командовать и не мог уйти, «Окопная правда» и просто «Правда» преследовали его и указывали на него как на лицо, непосредственно виновное в затягивании войны. А он должен был оставаться на месте. Лучшие оставались, именно они и пострадали больше всего». Не приходится удивляться, что большинство офицеров воспринимали деятельность большевиков как «удар в спину» и считали их предателями.

Кроме того, при массовом увольнении командного состава в связи с роспуском армии офицеры, не имевшие ни гражданской специальности, ни других источников дохода, кроме жалованья, полностью лишались каких-либо пенсий или пособий. Все это привело к тому, что впоследствии значительная часть офицерства выступила против большевиков. Но главная цель была уже достигнута: армия не выступила на стороне буржуазии, когда решался вопрос о власти. Да она, в лице ее офицерского корпуса, и не хотела этого делать после всего того, что происходило от Февраля до Октября при благосклонном отношении к травле офицеров самого Временного правительства. Очень характерен в этой связи разговор по прямому проводу 4 ноября 1917 г. (старого стиля) между генералами В. А. Черемисовым (главком Северного фронта) и Я. Д. Юзефовичем. «Пресловутый «комитет спасения революции», — говорил Черемисов, — принадлежит к партии, которая около восьми месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их...» Действительно, надо было быть очень наивными людьми, чтобы полагать, что, испытав такое отношение со стороны правительства, армия стала бы защищать его от кого бы то ни было.

Итак, необходимое условие успеха насильственного

захвата власти при любом общественном строе есть разложение армии, лишение ее возможности или желания защищать существующее правительство. Соответственно попытки такого разложения являются убедительным свидетельством существования подобных намерений. Государство, в котором сохраняется боеспособная армия, твердо намеренная защищать существующий государственный строй и правительство, не может быть разрушено ни в каком случае. Ни одна политическая сила не может сравниться с армией по сплоченности, дисциплинированности и централизации руководства. Как показывает опыт, регулярная армия, если она монолитна и находится под единым, решительным руководством, обычно побеждает любые нерегулярные формирования. Но именно в случае, если армия едина. Армия не может устоять перед восстанием, если она уже деморализована, лишена единой воли, если профессиональная уверенность в себе и нравственная сплоченность военнослужащих подорваны в результате неудачных войн, либо благодаря целенаправленной работе по ее разложению, либо по причине нерешительной, противоречивой политики властей в отношении ее использования. Когда армия выступает на стороне оппозиции или даже сохраняет нейтралитет — это означает обычно конец существующей власти.

Характерный пример в этом отношении представляют обстоятельства революции в Иране в 1979 г. Оппозиция постепенно захватывала реальную власть в Тегеране в свои руки, уже Хомейни беспрепятственно прибыл в город и создал параллельное правительство, а правительство Бахтияра все не решалось предпринять решительные меры или передать власть армии. Между тем военное командование было еще уверено в способности восстановить порядок. Но по мере того как оппозиция наступала, а правительство только оборонялось, часть вооруженных сил (ВВС) начала переходить на сторону оппозиции, и когда наконец, шахская гвардия попыталась атаковать мятежников, было уже поздно: остальная армия ее не поддержала — высший военный совет принял решение о нейтралитете и приказал войскам возвратиться в казармы. Иранские генералы в последний момент решили перейти на сторону Хомейни, возможно рассчитывая сохранить свои позиции (впрочем, совершенно напрасно: все они были смещены, а многие расстреляны). Иногда, впрочем, подобные ожидания оправдываются (но в том случае, если армейское руководство едино и спо-

собно за себя постоять: на Филиппинах в 1986 г. Ф. Маркос был свергнут после того, как высшее армейское командование отказало ему в поддержке и признало К. Акино).

События последнего времени также показывают, что режим падает тогда, когда либо не решается прибегнуть к силе армии или когда решается, но армия его не поддерживает (как в Румынии в 1989 г.). В тех же случаях, когда власти решительно используют военную силу и армия при этом остается им верна (как в том же году в Китае) или когда правительство в условиях кризисного развития ситуации фактически передает власть армии, то карты оппозиции всегда бывают биты. (Пример последнего типа дают события в Бирме в 1988 г. Когда развитие событий там в результате массовых демонстраций и выступлений оппозиции вышло из-под контроля правительства и оппозиция уже контролировала целый ряд городов, власть взяла в свои руки непосредственно сама армия, и в кратчайший срок спокойствие было восстановлено, а оппозиция, уже торжествовавшая победу и даже сформировавшая свое правительство, потерпела полный крах.) Так или иначе, но позиция армии всегда является решающей (не случайно во время румынских событий советское заявление о поддержке «справедливого дела румынского народа» было сделано не раньше, чем стало очевидно, что это дело поддерживает румынская армия).

И вот в период кризисного развития вступила наша страна. Стали происходить вещи, казавшиеся невыносимыми всего год-полтора назад. Целые регионы, отказывающиеся признавать «московскую власть», сотни убитых в межнациональных погромах и резне, сотни тысяч беженцев, многотысячные отряды вооруженных боевиков, противостоящих друг другу на линии фронта, которых пытаются «разъединить» воинские части, уподобляясь войскам ООН где-нибудь в Ливане, соглашения «о прекращении огня» — таковы реалии последнего времени. Угроза гражданской войны, о которой недавно говорили как о самом страшном пугале (сами не очень веря в ее реальность) эмоциональные публицисты, стала фактом. А что же армия?.. А нужна ли нам армия?

Вопрос этот ставить, впрочем, довольно бессмысленно, и дискутировать на эту тему бесполезно, потому что он изначально решен разными силами в соответствии со своими целями. А цели, естественно, не могут быть из-

менены под влиянием каких бы то ни было аргументов. Для чего существуют вооруженные силы? Для защиты от вероятного противника. Понятно, что противник этот — не Финляндия. По крайней мере, так принято было считать. Однако в последнее время выяснилось, что не только финны, но и американцы (а вместе с ними и все западноевропейцы) являются чуть ли не лучшими друзьями нашей перестройки и жаждут всячески облагодетельствовать ее — то ли созданием совместных предприятий и допущением нашей страны в международные финансовые организации, то ли участием в борьбе с «врагами перестройки». Разумеется, без применения нацеленных на наши города ракет. И против этих-то благодетелей и помощников держать армию? Их-то считать «вероятным противником»? Да с этой точки зрения существование нашей армии не только бесцельно — оно просто преступно. Ну а, как известно, «с точки зрения внутренней политики Советский Союз не нуждается в армии» (уж коли десятилетиями нам это внушали, то сейчас, в «золотую пору» всеобщей демократизации, это, надо думать, и подавно справедливо), она была нужна, «пока существует мировой империализм»... Но раз оказалось, что и он на самом деле наш искренний друг, то необходимость содержания армии, да еще такой большой, по-видимому, вовсе отпадает.

Совершенно естественно, что политические силы, ожидающие часа, когда народы «в единую семью соединятся» под руководством мирового капитала во главе с каким-нибудь Бильдербергским клубом, полагают, что армия наша представляет величайший вред для дела «мирового прогресса» и, стало быть, чем слабее она будет и чем раньше деградирует, тем для этого самого дела лучше. Эти антигосударственные силы (а сильная национальная государственность есть главное препятствие для упомянутого дела), конечно, прекрасно осознают все те реальности, связанные с ролью армии в государстве, о которых шла речь выше, и всемерно способствуют ее разложению. Антиармейские силы — прежде всего силы антигосударственные, и любые антигосударственные силы не могут не быть антиармейскими.

Наступление на армию разворачивается по нескольким направлениям, и антиармейские проявления весьма разноплановы. Они проводятся очень разными людьми и течениями, многие из которых субъективно никак не связаны с упомянутыми выше силами, но существенно то,

что объективно они работают на результат, желанный этим силам. Пацифистское движение существует во многих странах, но нигде не представляет опасности для боеспособности армий, поскольку тем, кто определяет военную политику, не приходит в голову прислушиваться к его требованиям, а в условиях устоявшихся политических реалий оно не может повлиять на приход к руководству тех или иных экстремистских сил. Другое дело у нас: в обстановке анемии управленческих структур, истеричности «общественного мнения», склонности его бросаться из крайности в крайность и полной непредсказуемости результатов голосований (зависящих подчас от совершенно случайных обстоятельств) умело подогретые в нужный момент страсти (а поводом может быть любая крупная катастрофа или какое-либо ЧП в Вооруженных Силах) способны послужить толчком для принятия драматических решений.

В последнее время получила широкое распространение мысль о ненужности армии по причине провозглашения примата общечеловеческих ценностей, международного права, идеалов мира и гуманизма, вслед за чем должна будет неминуемо воцариться всеобщая дружба народов. А для приближения этого светлого часа необходима полная демилитаризация общества. При этом не имеет существенного значения то обстоятельство, что в других странах с этим как будто не спешат (и даже вопроса так не ставят): ведь должен же кто-то быть первым! Почему бы нашей стране не подать пример и не разоружиться первой — тогда и другие сделают то же самое, ведь их-то политика строится на приверженности демократии и гуманизму, и как им не последовать такому примеру? Но нет, не следуют...

Нет слов, принципы гуманизма, уважения международного права, неприменения силы в международных отношениях и т. п. хороши всем. Плохи они только одним: им никогда не следуют в реальной политике, когда речь идет о существенных национально-государственных интересах. Увы, именно эти презренные для либералов интересы оказываются всегда весомее каких бы то ни было абстрактных принципов...

Операции последних лет, проведенные США против Гренады и Ливии и совсем недавно — против Панамы (получившие полную поддержку всей американской демократии), должны были, казалось бы, открыть глаза даже самым наивным людям, если бы дело было в на-

ивности. А дело, конечно, совсем не в ней, а в том, что «демократия всегда права». Пример Панамы как раз наиболее подходящий: «демократическая» оппозиция утверждает, что на выборах победила она, правительство это отрицает; США же, как страна демократическая, склонны больше «верить» оппозиции — и с помощью войск приводят ее к власти, обеспечивая «торжество демократии». Допустим теперь, что и на наших выборах заявит о своей победе какая-нибудь партия, получившая реально неважно сколько голосов, но зато самая «демократическая», и тогда... Конечно, Россия — не Панама, но... только до тех пор, пока ее армия не распущена ввиду предстоящего торжества гуманизма.

Конечно, так просто армию не ликвидируешь. Но для начала можно лишить ее обученного резерва. Последнее время «общественность» стала весьма озабочена тем, что неразумные детишки по-прежнему питают порочную любовь к игрушечным пистолетам, танкам и т. п. и вопреки ослаблению международной напряженности продолжают играть в солдатики, а подростки — так и в военно-спортивную игру «Зарница» и, страшно сказать, носят военизированную одежду. Развернута целая кампания с требованием запретить производство «аморальных» игрушек (но тут, похоже, выйдет осечка: за свободу поездок-то «гуманисты» всей душой, а за границей таких игрушек тьма...). С этой точки зрения становится понятным, почему так усиленно внедряется идея о наемной армии, которая в некотором отношении вроде бы невыгодна «демократическим силам» (такая армия более надежный инструмент в руках командования, и ее почти невозможно разложить по причине отсутствия в ее рядах случайных лиц, внутренне чуждых или даже враждебных ей). Но зато резко сужается в стране круг людей, охваченных «милитаризмом», тогда как в настоящее время подавляющее большинство населения так или иначе проходит «военную школу». К тому же если удастся привить юношеству стойкое отвращение к форме и оружию, то и наниматься в «профессионалы» будет особенно некому.

Исходя из представлений о вторичности интересов Отечества по сравнению с «общечеловеческими», ставится под сомнение и смысл военной присяги. Наиболее удачно эта точка зрения сформулирована в одном из писем, публикуемых «Огоньком» (1989 г., № 48): «Военная присяга... указывает на неотвратимость кары за преда-

тельство. Предательство кого и чего? В свете нового мышления, приоритета общечеловеческих интересов над классовыми, в масштабах планетарного мышления бездумная и безоговорочная преданность сугубо интересам Родины становится узковедомственным подходом к идее выживания рода человеческого». Главный же вред «безоговорочной преданности сугубо интересам Родины» видится в том, что присяга «не позволяет воину своим умом и сердцем компенсировать моральную неполноценность вышестоящего командира. Вернее, позволяет, но только ценой своей собственной жизни по приговору военного трибунала за невыполнение приказа». Сей самодельный манифест бьет в самую точку: армия перестает быть армией именно тогда, когда в ней перестают исполняться приказы. Отдадим должное его огоньковским сочинителям и пропагандистам.

Для того чтобы приказы не исполнялись, следует прежде всего дискредитировать тех, кто их отдает, посеять рознь и недоверие между солдатами и офицерами, офицерами и генералитетом. Поводов и материалов для этого, увы, достаточно. Неспособность и нечистоплотность части высшего командования, аварии и катастрофы, гибель личного состава во время учений, злоупотребления по службе, пресловутая «дедовщина» — все это благодатная почва для журналистских упражнений в остроумии и «гражданском гнев». Причем возражать по существу действительно очень трудно. Отрицать? Бессмысленно. Сказать, что подобные явления существуют во всех армиях мира? Но это не оправдание... Обещать исправить положение? Но это невозможно при существующих условиях...

Да и вообще пререкаться с журналистами — занятие безнадежное и неблагодарное. Подобные попытки, как показывает хотя бы пример с недавним письмом маршала С. Ф. Ахромеева в «Огонек», служат только к вящему глумлению над их авторами. Это игра на чужом поле, и армия здесь абсолютно бессильна. Совокупный тираж военных изданий многократно уступает тиражу популярных органов массовой информации, ведущих антиармейскую пропаганду, и если учитывать, что военные газеты и журналы почти никто, кроме военных, не читает, то эффективность «самозащиты» армии измеряется ничтожно малой величиной.

Похоже, что армейская пропаганда не способна даже противодействовать разложению в рядах самой армии.

Военные издания, находясь под мощным прессом идеологических догм, пытаются ориентироваться на «народ» (который их все равно не читает), подавая материал с рекламным уклоном, чем вызывают неуважение военнослужащих, знающих истинную картину, и теряют их доверие. Отсутствие изданий и публикаций, обращенных не по форме, а по существу к самой армии, упорное нежелание понять, что то, как осознает себя сама армия, более важно, чем то, что о ней думают другие, может сыграть печальную роль в судьбе армии. Сплоченная и уверенная в себе армия непобедима — что бы ни думало о ней население. Но внутренне разложившуюся армию не спасет и самое благоприятное мнение о ней народа.

Поскольку это тоже вещь достаточно очевидная, то усилия «пацифистов» направлены не только на принижение престижа армии в глазах населения, но и на искоренение ее уважения к самой себе, тем более что военнослужащие не могут быть изолированы от «общественного мнения» (и если военные издания за пределами армии читают редко, то военные читают гражданскую прессу весьма широко). Объективно престиж военной профессии снижается уже от постоянных уверений в скорейшем всеобщем и полном разоружении и призывов таковое осуществить: если таково всеобщее намерение, полагает обыватель, то, наверное, так и будет, а раз так, то армия — явление временное и офицерская профессия бесперспективна, так сказать, в историческом плане. Советский человек вообще приучен мыслить глобально-историческими категориями, привыкнув жить в ожидании «светлого будущего всего человечества», когда и государства-то не будет, не то что армии. Сейчас, правда, о том светлом будущем, которое, по хрущевским прогнозам, должно было наступить еще в 1980 году, упоминать стесняются, но зато вместо него формируется образ другого столь же светлого будущего (в виде слияния с «мировой цивилизацией» под патронажем транснациональных корпораций), в коем места для армии также не усматривается. Естественно, что символом «прекрасного нового мира» видится профессия менеджера или мастера по ремонту видеомагнитофонов, а никак не офицера.

Мало кто вспоминает, что подобное ожидалось и тридцать лет назад. А речей о всеобщем разоружении и мире без войн на Гаагских конференциях начала века и вовсе никто не помнит. Вьетнамо-китайская и англо-аргентинская войны последнего десятилетия должны были,

казалось бы, развеять иллюзии относительно того, что необходимость армии исчезнет вместе с исчезновением капитализма. Столь же наивны были и надежды на прекращение войн с появлением ядерного оружия (которое не предотвратило, как известно, гибель многих миллионов человек в десятках больших и малых войн за последние полвека). Но человеку свойственно придавать исключительное значение в мировой истории именно тому времени, в которое живет он сам (это подсознательно способствует его самоутверждению), и, читая о деятельности какого-нибудь Г. Боровика и его организации, он думает: «Ну, уже теперь-то...» Увы, практика заключения договоров о «вечном мире» столь же стара, как само человечество.

К числу субъективных факторов, действующих в том же направлении, относится искоренение «военного духа» в обществе, создание устойчивого отрицательного рефлекса на такие воинские атрибуты, как дисциплина, порядок, форменная одежда. Средства массовой информации немало потрудились для того, чтобы отождествить эти атрибуты в общественном сознании с глупостью, примитивизмом личности, ограниченностью, невежеством и т. п., добившись в этом заметного успеха, несмотря на очевидную нелепость такого отождествления. В самом деле, достижения тех стран, на которые указывают обычно в качестве образца для подражания, повседневная работа их граждан основаны на самом твердом порядке, и любой свободный предприниматель менее всего склонен терпеть именно отсутствие дисциплины в своей фирме. Дисциплинированность и любовь к порядку составляют основу национального характера жителей таких наиболее процветающих стран мира, как Япония и Германия, — а что-то немногие «свободолюбцы» берутся рассуждать о свойственной им в связи с этим тупости и примитивности.

Что касается форменной одежды, то она, по идее, существует как раз для различия, а не «обезличения» и призвана именно отличать военнослужащих по различным критериям друг от друга и от служащих других ведомств и организаций. Кстати, собрание какого-нибудь гражданского «партийно-хозяйственного актива» в одинаковых костюмах представляет гораздо более унылое зрелище для глаза, чем разнообразие даже нынешней военной формы. Не говоря уже о том, что ношение едва ли не всем населением страны определенного возраста

абсолютно одинаковых джинсов, маек, кроссовок или иной добровольно принятой себе на период господства данной моды «формы» (и без всякой «производственной» необходимости, а только по стремлению «быть, как все») почему-то не принято считать проявлением примитивности мышления. Вершинным достижением «свободной мысли» этого толка может, наверное, считаться статья А. Куценко (в одном из осенних «Огоньков» 1989 г.) «Мундир административной системы», выдержанная в духе тотального отрицания всякого намека на форменную одежду, доходящего до полного идиотизма. Избрав своей мишенью такую элементарно необходимую и существующую в любом государстве вещь, как знаки различия государственных служащих, автор не вспомнил о том, что как раз в наиболее тоталитарных обществах при возведенной в принцип «всеобщей уравниловке» упраздняются всякие формальные знаки различия (в том же Китае в наивысший разгар «культурной революции» знаки различия были упразднены даже в армии).

Соответственно и человек, носящий мундир, представляется интеллектуально и культурно неполноценным. Именно такой взгляд на офицера формируется в нашем обществе. Довольно полно он выражен в одном из писем, поступивших в ответ на статью в журнале «Слово»: «Тов. полковник! Вы — апологет застоя, замалчивания, перестраховки, «патриот» армии, защищающий честь мундира, плохо разбирающийся в литературе (как и все офицеры), не знающий психологии и т. д. и т. п. В общем, вы — офицер, и этим все сказано». Судя по тому, что многие офицеры стали избегать носить форму, чувство собственного достоинства в военной среде оказалось более зависимо от либеральной болтовни, чем от уважения к своему жизненному выбору.

Что ж, чувство собственного достоинства и гордость принадлежностью к офицерскому корпусу, похоже, действительно не относятся к сильным сторонам сегодняшней армии. Да и откуда им взяться? Ни отношение к армии со стороны тех, кто должен о ней заботиться, ни отношения внутри самой армии, ни (что в значительной степени является следствием) сам состав офицерского корпуса не дают оснований ожидать проявления этих черт в офицерской среде.

В обществе, где статус и материальное обеспечение армии высоки, она имеет возможность отбирать в свои ряды его лучших представителей, что обеспечивает пре-

стиж как им, так и армии. Но какое чувство собственного достоинства может быть у неудачника, поступающего в военное училище лишь потому, что там меньше конкурс, или потому, что он не надеется успешно конкурировать со сверстниками в «гражданской» жизни (а в армии, по крайней мере, хоть на несколько ступенек он автоматически продвинется)? Каким самоуважением может обладать человек, которому за десятилетние скитания без собственного угла, за ненормированный рабочий день (часто без выходных), за ответственность за жизнь и здоровье подчиненных платят гроши да еще приходится терпеть всяческое хамство со стороны окружающих, усиленное социальной незащищенностью?

Взаимоотношения в офицерской среде не могли не отразить ситуацию во всем обществе. Согласно опросам более 60 проц. офицеров связывают эту незащищенность с получением от своих непосредственных начальников приказов и распоряжений, противоречащих уставным нормам и затрагивающих их личное достоинство. Недаром на II Съезде один из депутатов, рассуждая о девальвации понятия офицерской чести, говорил: «И я часто, когда думаю об этом, вспоминаю кинофильм, который прошел по телевидению, «Адъютант его превосходительства». Каковы были в русской армии традиции взаимоотношений военнослужащих между собой! Это далеко от того, что мы имеем сегодня». Но если раньше начальник, обращаясь к младшему офицеру, не мог игнорировать того, что его подчиненный — такой же дворянин, как он сам, и его невозможно унижить, не унижая самого себя, то в обществе, где в принципе отсутствует понятие сословной чести, было бы странным ждать какого-то особого уважения и к личности офицера.

В сущности, воспоминания о том, что некогда понятие офицерской чести стояло выше всех прочих понятий и ценностей (вплоть до того, что для его защиты одно время были узаконены дуэли), о том, как высок был когда-то статус офицера, обусловленный его профессией, — пожалуй, единственное, что могло бы поддержать ныне чувство собственного достоинства в этой среде. Но для того чтобы ощущать себя наследником носителей прежнего ореола благородства, надо быть продолжателем соответствующих традиций. Но если за плечами русского офицера стояла многовековая слава русского оружия, рожденная в боях за отечество и создавшая величайшую в мире державу, то на какие традиции может опираться

советский офицер? На традиции братоубийственной войны за мировую революцию, для которой его отечество должно было послужить лишь «вязанкой хвороста»? Во всяком случае, сознание именно такого «первородства» ему полагается исповедовать до настоящего времени.

Правда, когда идея мировой революции (во имя которой, кстати, и были уничтожены российские военные традиции вместе с их носителями) обанкротилась и стало ясно, что она — не более чем миф, а государство — реальность, армии стало уделяться внимание, но ее «бездородность» по отношению к тысячелетней истории страны (явление, невиданное нигде в мире!) не могла быть преодолена. Во время Великой Отечественной войны, конечно, этим пришлось заняться всерьез, и хорошо известно, какое огромное воздействие оказали даже чисто внешние проявления нового подхода на патриотическое сознание армии и народа. (Один из писателей говорил, что, «когда ввели погоны, мы особенно почувствовали себя корнями связанными с прошлым нашего государства, с его патриотической историей», другой — ныне популярный публицист — вспоминал, как в 1942 г. от врага бежали «бойцы и комиссары», а в 1944 г. наступали «солдаты и офицеры».) Было даже заявлено, что Советская Армия является носителем лучших традиций русской армии.

Однако традиции не такая вещь, которую можно присвоить. Носителем их можно или быть, или не быть. А сказать, что провозглашенное в годы войны соответствует действительности, я бы не рискнул. Во всяком случае, того, что в армейской печати изредка появляются заметки о русских военных деятелях, а перед ЦДСА стоит памятник Суворову, для этого явно недостаточно.

Важность традиций для армии, однако, понятна всем, и поэтому даже те немногие элементы, которые связывают современную армию с традициями российской государственности, подвергаются нападкам. В последнее время стали особенно часты выпады именно против того, что было возвращено в армию в годы войны, начиная с погон. В связи с выходом известного романа Гроссмана А. Бочаров и другие литературные критики стали зачислять эти явления по статье «сталинских преступлений»; не остался в стороне, естественно, и «Огонек», не преминувший на своих страницах возвести погоны чуть ли не в символ пресловутой «административно-командной системы». Или недруги армии просто хотят видеть своих

«противников» в возможно менее привлекательном виде? Это тоже по-человечески можно было бы понять, но за этим стоят, пожалуй, более существенные соображения.

Известно, в сколь тяжелом материальном положении находится ныне офицерский состав. В печати приводились данные комплексного исследования социального положения офицеров и их семей, согласно которым 91 проц. опрошенных признал, что их заработки не соответствуют затратам сил и нагрузкам, до половины и больше офицерского состава не имеют квартир и вынуждены в среднем платить до 100 рублей в месяц за найм жилья. В Прибалтике и других регионах к этому добавляется открытая враждебность к военнослужащим и их семьям, приняты дискриминационные законы, ущемляющие их гражданские права: право на получение жилья и прописки, избирательные права и др. Республиканские власти объявили недействующими общесоюзные законы о предоставлении жилплощади отставникам и других льгот им. Нежелание же центрального правительства должным образом реагировать на эти акции лишний раз убеждает военнослужащих в том, что они брошены на произвол судьбы; можно ли удивляться четко обозначившемуся «демобилизационному настрою»? В одном только Ленинградском военном округе, как сообщалось в «Известиях» (20.X.1989 г.), подано около двухсот рапортов об увольнении из армии, причем в основном от молодых офицеров. На основе результатов упомянутого исследования был сделан однозначный вывод: «Настроения значительной части офицеров создают кризисную ситуацию в армии», однако и это, видимо, не всех убедило в серьезности положения.

В условиях, когда в иных гарнизонах семьи молодых офицеров живут в железных бочках (из которых сделано нечто, напоминающее вагончики для строителей), и это не считается недопустимым (ведь обязались же они «стойко переносить тяготы и лишения»), трудно рассчитывать, что никто этим не воспользуется. Офицер тоже человек, и если о нем не заботятся власти, то вакуум доверия заполняют с успехом те, кто, хотя и не питает любви к офицерству как таковому, но власть сменить хочет. И вот в органах печати, известных антиармейской пропагандой, начинают появляться статьи, проявляющие трогательную заботу о военнослужащих, под названиями типа «Кто защитит офицера?». Противостоять этому невозможно, потому что все, написанное в таких статьях,

совершенно справедливо. Дело только в том, кто и для чего это пишет. Рассчитывать же на то, что замордованный тяжелым бытом, затравленный моральной незащищенностью, брошенный властями на произвол судьбы офицер сможет каким-то «социально-политическим чутьем» разобраться, откуда, из чьих уст звучит этот голос сочувствия и поддержки — не приходится.

Вынужденные думать о своих интересах сами, военнослужащие начинают создавать общественные организации, которые по самим обстоятельствам своего появления не могут не быть оппозиционными, а в качестве таковых начинают примыкать к соответствующим силам во всем обществе. В прошлом году стало известно о попытках создания «Союза ветеранов Вооруженных Сил СССР» вне Всесоюзного совета ветеранов войны и труда и организации военнослужащих «Щит». Если позиция «Союза ветеранов» пока не обозначилась, то «Щит» (Союз социальной защиты военнослужащих и членов их семей) примкнул к «демократическому блоку», оказавшись в одной компании с «Апрелем», Народным фронтом, Социал-демократической ассоциацией, «Московской трибуной» и т. п. организациями, некоторые члены коих возвещали о намерении весной — летом 1990 г. брать власть, сбросив «правящую клику» (см. газету «Советская Россия» от 9 февраля 1990 г.). Очень заметным явлением такого же рода стало поведение многих демократов-офицеров на I Съезде. Тот факт, что часть из них вошла в пресловутую «Межрегиональную группу», открыто провозгласившую себя оппозицией, имеет, пожалуй, гораздо большее значение, чем появление самой этой группы.

Заметно стало и еще одно явление в военной среде. Под влиянием либерально-интеллигентских настроений в офицерской среде появляется слой, представители которого выступают против своего руководства под девизом «я хоть в мундире — а тоже интеллигент». Желая называться интеллигентами, эти люди исходят из насаждаемых либералами представлений, что интеллигент есть именно человек, оппозиционный ко всякой существующей в данный момент власти (того факта, что в социальном смысле любой офицер — такой же интеллигент, поскольку, имея такое же образование, как инженер или учитель, относится к тому же социальному слою общества, для них явно недостаточно). Как бы ни казалась позиция этих людей смешной в субъективном плане,

объективно она полезна, ибо критика способствует развитию армии. Но это, как говорится, «в мирное время». В обстановке же кризиса государства и начинающейся гражданской войны такая позиция опять же объективно ложится в общее русло «смены власти».

Положение армии в настоящее время незавидно. С одной стороны, ее роль в жизни страны объективно возрастает, хотел бы этого кто-нибудь или нет. Весьма характерно, что не прошло и двух недель после рекомендаций комиссии по тбилисским событиям о недопустимости использования армии для разрешения внутренних конфликтов и многочисленных заклинаний на эту тему в печати, как она была использована в том же Закавказье, — жизнь снова внесла свои поправки в рассуждения «демократов», и даже самой радикальной прессе пришлось на время закрыть рот. С другой стороны, армии, вынужденной выполнять такие функции, навязан комплекс вины. Сколько бы ни делалось оговорок, что афганская кампания не должна ставиться в вину армии и военнослужащим, «честно выполнявшим свой долг», а все равно освещение «афганских» вопросов ведется так, что объективно носит антиармейский характер, и военные это остро чувствуют (будь иначе, собственно, и оговорок бы таких делать не приходилось). Освещение апрельских событий в Тбилиси тоже очень сильно ударило по армии. Тот факт, что даже после того, как комиссия Собчака сквозь зубы была вынуждена признать, что погибшие там женщины вовсе не были зарублены саперными лопатками, образ солдат, рубящих пресловутыми лопатками «безоружных людей», продолжает циркулировать в прессе, став почти «общим местом» в рассуждениях о «безобразиях в армии», свидетельствует о том, что цели, которые преследовала кампания вокруг тбилисских событий, достигнуты.

«Тбилисский синдром», как известно, в полной мере проявился в Ферганской долине: стоявшим там воинским частям ничего не стоило подавить мятеж в самом начале, но опасения подвергнуться остракизму, подобному тому, что был применен к войнам в Тбилиси, заставили начать стрелять не раньше, чем начались штурмы военных городков. Результат известен — пока ждали прибытия внутренних войск да пока еще эти войска стали применять оружие, десятки людей были перебиты. После такого результата даже в либеральной прессе зазвучали укоры в нерешительности. Но нет никакого сомнения,

что если бы тысячные толпы мятежников были бы самым суровым образом разогнаны армией в самом начале и многочисленных жертв среди невинных мирных жителей (которые невозможно замолчать) не было бы (а были бы только некоторые жертвы среди погромщиков), то в прессе поднялась бы новая истеричная кампания против злодеев-генералов, потопивших в крови «народное движение в поддержку перестройки и национального возрождения».

Но и кампании вокруг Тбилиси оказалось вполне достаточно. Когда затем последовали абхазские события и обострение карабахской ситуации, то движение на железных дорогах было на несколько недель парализовано. Такое положение дел должно было показаться удивительным. Ведь если правительство не в состоянии установить контроль над железной дорогой, то на что, спрашивается, оно вообще способно? Даже не вмешиваясь в сам конфликт, можно же было обеспечивать вооруженной рукой прохождение поездов и нейтрализовать всякого, кому бы вздумалось «блокировать» дорогу. Но пришлось бы когда-то и стрелять, а какой воинский начальник осмелился бы отдать такой приказ в созданной после Тбилиси вокруг армии общественной атмосфере? Поэтому уже ничему можно было не удивляться — ни наличию многотысячных отрядов вооруженных автоматическим оружием боевиков, вопрос о разгоне и разоружении которых даже не стоял (не говоря уже о какой-то ответственности за захват и ношение оружия), ни разгрому государственной границы.

Январские события в Азербайджане развивались в русле того же синдрома. Появление «линии фронта», использование боевой техники враждующими сторонами, захваты военнослужащих в качестве заложников, погромы — всего этого еще было недостаточно, чтобы ввести чрезвычайное положение. Даже когда оно кое-где вводится, стрелять по-прежнему нельзя. Войска, прибывающие для его обеспечения, оказываются «блокированными» и не в состоянии сдвинуться с места. Начинают вырезать семьи военных, погромщики врываются на территорию военных городков — и опять им все сходит с рук. Наконец на выстрелы разрешено отвечать, войска ценой потерь восстанавливают порядок и... сражавшихся с ними боевиков торжественно хоронят в городском парке, а глава азербайджанского руководства заявляет, что «азербайджанский народ никогда не простит Советской Ар-

мии»! Виновата, конечно, опять армия... «Огонек» помещает фотографию возмущенной толпы вокруг трупов убитых боевиков с надписью «Баку. Утро 20 января 1990 года после ввода войск» и пишет: «Еще узнаем на каком-нибудь очередном Съезде народных депутатов подробности осады города войсками... Нам еще доложит очередной генерал, кто отдал приказ о срочном призыве резервистов, как Советская Армия и граждане СССР стреляли друг в друга на улицах столицы Азербайджана... И, хочется верить, наступит день суда...»

События эти знаменуют новый этап безответственности по отношению к армии. Мало того, что полтора года играли в поддавки с «народными фронтами», пока не вспыхнул пожар, мало того, что заливали его солдатской кровью, но лишить тех, кому приходится расхлебывать последствия этих «демократических» игр, возможности защищать собственные семьи, позволить вырезать их безнаказанно, а вывезя кое-как, бросить на произвол судьбы, дав по сотне рублей в зубы и предоставив им собирать средства с помощью добровольных пожертвований, — можно ли представить большую меру издевательства над защитниками Родины?

Положение нашей армии, в сущности, глубоко трагично. Преданная теми, кого она обязана защищать, армия превращена в громоотвод для недовольства всех групп населения. Будучи естественным гарантом государственности, но традиционно лишенная самостоятельной роли и даже права голоса, она не способна осознать себя в качестве единственного защитника целостности и суверенитета державы и сплотить вокруг себя всех государственно мыслящих людей.

На что же можно надеяться?

Единственная надежда — на энергичное президентское вмешательство и принятие таких мер социального и нравственного свойства, которые помогли бы военному человеку поднять голову, возродить в Вооруженных Силах здоровые традиции и здоровый воинский дух, предупредить возможный разброд в армейских и флотских рядах. Сплоченная армия не даст воцариться хаосу и никому не позволит помыкать интересами безопасности страны. Для таких мер время пока еще есть. Однако придется ли рассчитывать на них всерьез?

ДОСТАТОЧНАЯ ОБОРОНА

Явления, захватившие сегодня наше внимание, — всеобщая мука, конвульсии, митинги, стачки, разрушение общественного порядка, социальный страх — суть внешние проявления фундаментального процесса передачи власти. Страна меняет кожу. Утомленные, полуразрушенные, утратившие волю к власти централистские структуры сдают ее без боя другим, новым, дееспособным, сформировавшимся в последние двадцать лет нашего иллюзорного благополучия.

Мы вдруг обнаруживаем, как в экономике, социологии, общественном сознании проявляет себя мощный упитанный пласт, условно именуемый «криминальной буржуазией» или «буржуазным социумом», накопивший в себе громадные жизненные силы, финансовые ресурсы, опыт управления этими ресурсами, сформировавший свою структуру, идеологию, методы выхода «на поверхность». Именно этот динамичный, агрессивный, знающий свои цели пласт принимает сейчас власть у одряхлевшего аппарата, еще недавно претендовавшего на выражение общенародных, общегосударственных интересов.

Экономических централистских структур практически не существует. Социальная справедливость погребена. Экономика антинародная. Государственный сектор тает на глазах, как весенняя льдина. Действует и развивается только буржуазный сектор. Он зажигает рекламы на площадях больших городов, закупает телеканалы, издает законы и уложения. Нарастает благополучие и преуспевание буржуазии, нищает народ.

Советские органы, и прежде выморочные и эфемерные, заявляют о себе только на Съездах народных депутатов, которые после всех ожиданий обернулись огромной говорильней, вязким болотом плохо переваренных концепций, лепкой непродуманных, часто бесполезных законов.

Поразительна трагичная судьба партии. За годы своего существования партия, утратив интеллект и теорию,

теряя из виду грядущее, многократно перерождалась, меняла сущность и сегодня по воле своих собственных лидеров приходит к драматическому финалу. Ныне партия напоминает хорошо проложенные по всей территории страны линии электропередачи, укрепленные на прекрасно сконструированных стальных опорах, однако вся эта грандиозная, многомерно разветвленная сеть отключена от источников тока, от электрических станций и не подключена к двигателям, электромоторам, моторам, «лампочкам Ильича». По этой опустевшей сети уже не идет стратегическая инициатива центра. В этих проводах нет тока, энергии идей, приказов и замыслов. Эта сеть мертва, на нее безбоязненно садятся черные птицы, каркая, расклеивают ее — от арматуры до повисших к земле проводов.

Коммунистическая партия, как я вижу, распадается на три разнородных фрагмента. Из ее рядов выламывается мощная социал-демократическая фаланга — вышедшие на поверхность буржуазные круги, предпочитающие не создавать свои политические структуры, а воспользоваться частью уже существующих, с их собственностью, кадрами, организационным опытом. Этой партии жить и цвести, владеть заводами, землей и культурой.

Второй, обреченный фрагмент партии — коррумпированный, ущербный, мыслящий эгоистично и кастово — не нужен уже никому. Он будет выдуваться, как легкая костная пыль исчезнувшего скелета.

Последний, третий фрагмент — та часть партии, которая мыслит себя централистски, все еще ждет инициатив из центра, готова стать партией единомышленников, взять на себя бремя власти в рассыпающейся, гибнущей стране. Она готова на жертвы, она чутко ищет созвучных ей лидеров, трагически ощущает свой удел. Она, крепкая, верящая в социализм, будет отдана на растерзание общественному сознанию, взвинченным народным фронтам, обездоленной публике, когда от коммунистов потребуют ответа не только за ленинский эксперимент в начале века, не только за кровь сталинизма, не только за стагнацию Брежнева, не только за дилетантизм и катастрофу первых лет перестройки, но и за то, что она, партия, заведя страну в тягчайший кризис, покидает штаб-квартиру управления, самораспускается, уходит с арены, предав поверивший ей когда-то трудящийся люд. Этот страшный и справедливый упрек будет предъявлен последним партийцам, необратимо устранив их от власти,

обрежет их самих на роль изгоев, заставит испытать чашу политических гонений.

Единственной, последней из всех централистских структур, сохранившей общенациональный идеал, действующей во имя всей страны, всего народа, остается армия. Она, армия, в силу этого тоже подвергается сегодня интенсивному давлению и нападкам. Ее разрушают как последний оплот соборного централизма, последнее вместилище народности.

Сегодня, в дни паралича и деградации власти, армия, как и десять лет назад, остается единственной силой, способной выполнять грозные, предельные функции, вмененные ей трагическим веком. В застойные годы, когда буржуазия наворовывала свой капитал, а бесконтрольный аппарат проедал национальный доход, когда изолгавшаяся интеллигенция тихо ныла, а рабочие и крестьяне молча саботировали распоряжения так называемой народной власти, лишь армия выполняла предназначенный ей исторический долг. К середине семидесятых годов был наконец установлен военно-стратегический паритет с противниками, достигнут тот баланс оборонительных сил, о котором мечтали вожди, создавая государство и армию. Армия, установив паритет, завершила им период конфронтации, открыла путь к осмысленному в недрах паритета разоружению.

Позднее армия воевала в Афганистане, в течение десяти лет принося кровавые жертвы, затыкая телами «афганцев» дыры в нашей неуклюжей восточной политике, беря на себя ответственность за фальшивые разработки наших востоковедов и американистов — нынешних витий перестройки.

Она же, армия, компенсируя безответственность энергетиков и технологов, беспомощность аварийных и спасательных служб, кинулась, как на амбразуры, на взорвавшийся реактор, голыми, по сути дела, руками выхватывала из зоны взрыва раскаленные угли смертоносного топлива.

Она же, единственная, подменяя собой гражданские силы и средства, бросилась в армянский эпицентр, вытаскивала из-под дымящихся развалин Ленинанкана раздавленные трупы. В последнее время, покрывая издержки национальной политики, ставя кровавые латки на дырявый кафтан демократических преобразований, армия появляется во всех зонах межнациональных кон-

фликтов. Оказывается в состоянии гасить, хотя бы ненадолго, блуждающие очаги гражданской войны.

И эту последнюю опору государства уничтожают у нас на глазах, делают нас свидетелями избиения армии.

Кто, почему заинтересован в истреблении обороны страны?

С одной стороны, существование в мире военной сверхдержавы Советов, оснащенной грозным оружием века, постоянная непредсказуемая угроза со стороны СССР были дискомфортом для бурно развивающихся цивилизаций Запада. С другой стороны, скопившийся внутри страны буржуазный потенциал развития стремится к слиянию с мировыми деньгами, и единственной преградой оставалась военная мембрана, стена конфронтации.

Мы — свидетели того, как второе по величине военное образование планеты разрушается и исчезает, как дым, словно выпаривается в каком-то чудовищном котле, повторяя судьбу своей предшественницы — армии русской империи.

Вот направления ударов и иссечений, направленных на Советскую Армию.

Направление первое.

На армию взвалили ответственность за атомный апокалипсис: утверждают — ее страшнейшее оружие грозит миру последним часом. Ее угрюмый милитаризм ведет к концу света. Под этим лозунгом началось стремительное разоружение, которое привело к уничтожению в одностороннем порядке целых классов новейшего оружия, доставшегося народу ценой огромных вложений, жертв, отказа от бытовых благ, сконцентрировавших в себе интеллектуальную мощь инженерии.

Считанные месяцы понадобились для изгнания наших соединений из стран Восточной Европы. Целые группировки наших войск — танки, самолеты, пехота — выдворяются из Европы ударами сухих кулачков новоявленных восточноевропейских политиков. Разрушены буферные зоны, сломан паритет, прогнулись границы, мы в нашем противостоянии отброшены к предвоенным временам, когда мощь Запада вкупе с нараставшей германской угрозой концентрировалась против наших оголенных рубежей.

Направление второе.

Армии предъявляется счет за опустошение национальной экономики. Утверждают на все лады: оборонная про-

мышленность высосала, как вурдалак, живые соки индустрии, опустошила прилавки, обескровила народное хозяйство. Пацифистски настроенные экономисты начали невиданное по масштабам иссечение из военного комплекса целых производств, направлений научно-технических разработок. Бестолковая, безответственная конверсия приведет не просто к деградации вооружений, но к исчезновению перспектив научно-технического развития. Закрываются не просто заводы — распускаются коллективы рабочих, ученых, разработчиков, на сотворение которых нация затратила десятилетия своих организационных усилий. Воссоздать такие коллективы будет невозможно. Разрушая эти единственные имеющиеся у нас очаги развития, мы раз и навсегда обрекаем себя на третьестепенную роль, на полное выпадение из технотронных вариантов развития.

Направление третье.

Мифом о деградации личности в армии, о царящих в ней повсеместно насилии и садизме, проблемой «неуставных отношений», и впрямь серьезной, общественному сознанию внушается ужас перед перспективой военной службы. Пропагандой посеян массовый антиармейский психоз. Уже сегодня солдаты в частях плохо управляемы, готовы дезертировать, уклониться от выполнения приказа. Матери, семьи видят в армии источник несчастий для своих сыновей и мужей. Армия отрывается от народа. Отсекается ее генетический корень. Она одиноко повисает в атмосфере нелюбви и подозрительности.

Направление четвертое.

Особым объектом психологической обработки стало младшее и среднее офицерство. Когда молодые лейтенанты, заброшенные на хребты и перевалы Севера, на локационные и ракетные «точки», оказываются в нечеловеческих условиях, в домах-бараках со свисающими с потолка ледяными люстрами, под которыми стынут их юные жены и грудные дети, они уже не способны ни выполнить боевую задачу, ни просто оставаться в нормальном морально-психическом состоянии. Недовольство офицеров, помещенных в скверные, а подчас и ужасные социально-бытовые условия, нарастающая напряженность в офицерской среде используются лукавыми «благодетелями» для отрыва офицерского слоя от остальной армейской структуры, сталкивают младших офицеров с высшими военачальниками, ловят их в тенета неформальных антиармейских организаций.

Направление пятое.

Генералитет, Генеральный штаб подвергаются воистину ураганному обстрелу. Генералов изображают как скопище чванливых, некомпетентных людей, не способных управлять военной машиной, не способных установить контакт с армией и народом. Образ генерала-шута стал излюбленным мотивом молодежных изданий и телепередач.

Направление шестое.

Особенно драматично складывается судьба афганского контингента. Этот бесценный фермент армии, обладающий реальным боевым опытом, проявивший свою способность воевать и проливать кровь за государство, последний контингент «государственников», погибавший во имя государственной идеи в ущельях и пустынях Азии, — этот контингент, вернувшись на Родину, был государством отвергнут. Государство не защитило его, испугалось его, отдало на откуп общественным и национальным стихиям. Государство предало этих людей, откупившись пустопорожними льготами, отрекшись от идеалов, которые само проповедовало. И афганское движение, пытавшееся на первых порах консолидироваться, сложиться в «афганское братство», сегодня являет собой противоречивый, рассеченный конгломерат враждующих между собой групп. В Закавказье афганский ветеран из Баку руководит подготовкой азербайджанских боевиков, а в это же время бывший «афганец» из Еревана, может быть, его сослуживец, кровный побратим, инструктирует армянские отряды ополчения. Они встречаются на перевалах Карабаха, стреляют друг в друга. А третий «афганец», русский офицер, вертолетчик или танкист, ставит между ними свою грудь-броню, в которую они стреляют оба. Пули, не нашедшие парней в Гиндукуше, настигают их здесь, под Степанакертом и Душанбе.

Направление седьмое.

Постоянное ввержение армии в национальные конфликты с последующим предъявлением ей моральных и юридических счетов — один из самых изощренных и безнравственных способов угнетения армии. Получившие ярлыки «палачей» и «мародеров» войска уже практически парализованы, отказываются выполнять приказы. Немудрено, что командованию становится все труднее заталкивать армию в хлюпающие кровью межнациональные раны. Армия отказывается верить своему комсоставу, политическому руководству страны.

Все эти методы и приемы, применяемые последовательно и одновременно, являются хорошо организованной службой по разложению армии противника, используют рекомендации военно-пропагандистских служб зарубежной военной разведки, и невидимые нами аналитики могут поздравить себя с успехом своих подрывных операций.

Итогом этого умного натравливания одних военных на других, армии на народ и народа на армию уже в ближайшее время может стать явление бастующей армии. Армия, выходящая на забастовку со своим боевым оружием, с танками, самолетами, зенитно-ракетными комплексами, — этот грозный фантом становится реальностью, возвращая нас к легендарным временам броненосца «Потемкина». Бастующие авианесущие крейсера и стратегические эскадрильи — ответ армии на травлю.

Необходимо немедленно, осознав эти грозные процессы, сформулировать программу защиты оборонных представлений народа, программу защиты армии от распада, сохранить эту структуру, все еще, несмотря ни на что, способную претендовать на выражение общенародных идеалов и целей.

Пора прозреть армейскому командованию, стратегам и «оборонщикам». Утопические мифологемы о вечном мире в XXI веке, об эре грядущего всеземного процветания обернутся угрюмой конфронтацией. XXI век грядет как век нарастающих кризисов и общемировой нестабильности. Распад СССР, выпадение его из мирового развития и мрачное сползание в «третий мир», уход СССР с арены военного противостояния приведут к мировому дисбалансу, способному пошатнуть хрупкие структуры всей цивилизации, о чем уже сегодня толкуют западные политологи. Разрушение сложившихся финансовых, экономических, геополитических связей приведет к нестабильности, на которую страны мира будут реагировать всеми возможными средствами, в том числе и военными. Перед лицом возможной военной активности, перед лицом нарождающихся экзотических видов оружия мы окажемся без оружия, без идей, без оборонного сознания, без геополитических военных поясов.

Армия, как ничто другое, нуждается сегодня в защите. Она скована своей субординацией, своим внутренним центризмом, своей присягой на верность государствен-

ной власти. Она не в силах сама заявить о своей проблематике, защитить себя невоенными, гуманитарными средствами. Наивно верит в государство и власть. Поэтому в нашем общественном движении необходимо отдельное направление, гражданская инициатива, быть может, военная партия, которая взяла бы на себя защиту оборонного могущества страны. Как любой сословный слой, как любая корпорация, армия должна иметь гражданский канал для выражения сугубо армейских интересов. А ведь армия не клан, не сословие. Наша армия — форма народной жизни, народной идеологии и сознания.

Военно-патриотическая инициатива должна решить ряд неотложных задач. Необходимо довести до народа правду о разрушаемой армии, об истинных политических целях ее разрушения. Армия, чувствующая себя сейчас изолированной, должна знать, что народ видит ее проблемы, ее муку и страдания, что народ не разобщен с ней, готов ее защитить. Армии, лишенной идеологии, включенной как марионетка во всесоюзную распрю, утратившей ценностные ряды и представления, необходимо вернуть ее идеологическое содержание — идеологию национального спасения и национального возрождения.

Надвигающийся, быть может, неизбежный хаос вменяет армии особую, не свойственную ей функцию — не карательную, как пытаются нас напугать тоталитаристы, не жандармскую, как пытаются нас обмануть либералы, но сберегающую, направленную на сохранение тех очагов развития, которые, возможно, еще не будут затронуты хаосом. По существу, армии надлежит выполнить ту миссию, которую когда-то выполняли монастыри в поры нашествий и экспансий. В казармах будут укрываться от смерти и побоищ, от разорений и голода. Туда придут, как турки-месхетинцы, как беженцы Баку и Степанакерта, — придут люди культуры, инженеры, ученые. Только армия в условиях гражданского хаоса будет в силах сбегать их, сохранить зерна будущего развития, оборонить ценности и святыни, чтобы потом, когда минует беда, они могли быть возвращены в жизнь. Армия должна готовиться к этой роли, осознать ее, перестать заниматься одними сугубо военными делами, резко включиться в общественно-политический процесс, заявить народу о том, что она готова исполнить сберегающую, общенациональную миссию. Армия не является слепым орудием власти, она — инструмент волеизъявления народа.

Вышла на общественную арену церковь. Церковь

больше не скрывается на своих амвонах, за оградой погостов и кладбищ. Помимо акций милосердия, проповедей добра и блага одна из миссий церкви в ее общественном деянии — обратиться к армии со страстным и ярким призывом защитить народ от крушений внутренней смуты. Это будет то долгожданное слияние церковного идеала нравственности с армейской действительностью, с ее оскуделой духовностью.

Сегодня борьба за сбережение армии является последней борьбой за государственность и народность. Разложение и истребление армии делает нас беззащитными перед хищниками, стремящимися расчлениить СССР на лакомые, быстро перевариваемые ломти, сломить сопротивление России, не желающей — из последних сил — стать подножием в экономической и культурной иерархии жестоких, псевдогуманных цивилизаций мира.

История станет судить о жизнеспособности и сопротивляемости народа по его нынешнему отношению к армии. Она станет судить о сегодняшних генералах по их способности вывести армию из жесточайшего окружения, из второго за двадцатое столетие котла, где перемалывается военная мощь России. Она, история, произнесет свой суд красному офицерству, трагически заступающему сегодня место белого офицерства. Она назовет имена предающих армию, ведущих ее на закланье.

Опасность столь велика, ее очертания столь тщательно маскируются, что долг интеллектуалов и аналитиков — пойти на предельный риск, вскрыть перед обществом конечные цели беспощадной антинациональной программы по истреблению армии.

Идеология национального спасения глубоко близка любому нашему гражданину, любому воину, будь то сдовласый генерал или безусый новобранец. Взамен унылой, догматической, изжившей себя пропаганды возникнет идеология национального возрождения. Нам, в наших горьких условиях, не нужна армия, покоряющая мир, готовая врываться на танках в горящие европейские столицы. Нам нужна армия для самосохранения, самозащиты. Нам нужна та достаточная оборона, без которой общегосударственная идея готова сегодня погибнуть, исчезнуть с лица земли навсегда.

Нет, не «большую казарму» готовит армия обществу, ратуя за поддержание в народе доблести, суверенности, мужества, уповая на достойную жизнь в грядущем, не отрекаясь от величия в прошлом. Идеал кооператора,

диск-жокея, политического лукавца не сможет вытеснить из народного сознания идеал ратоборца, заступника, мученика за народ и Отечество.

Армия поделится с индустрией своим опытом грандиозных свершений, поделится с культурой опытом жертвенности и стоицизма.

Будущее России — не казарма, не концлагерь, не концессия, не придаток олигархических империй мира, а целостное мобильное общество с общенародным идеалом истины, справедливости и добра.

ПРЕДАННАЯ АРМИЯ

Два образа одной войны

I

Слово, которое зачастую является пустым звуком для какого-нибудь крупного политического деятеля, становится грозной силой для солдата; то, что один произносит легкомысленно или с коварным умыслом, другой пишет на пыльной земле своею кровью...

Альфред де ВИНЬИ. Неволя и величие солдата

Война эта не могла быть осмыслена нами вовремя: цензурные преграды были почти непреодолимы, и разрушаться они стали лишь два-три года назад, когда вывод войск стал делом решенным. Действующая армия и застойное общество жили в разных измерениях. Армия годами вела тяжелые боевые действия, получая мизерное жалованье и испытывая недостаток во всем — в калорийном питании, современных медикаментах, удобной экипировке и т. п., — кроме, пожалуй, боеприпасов и терпливой доблести своих солдат и офицеров. Общество жило своими повседневными нуждами, мало заботясь о том, о чем оно не имело действительного представления.

Переломным в этом смысле стал 1989 год. Ответственность и прессы, и литературы резко возросла: на цензуру уже не спишешь собственные ошибки, собственное вранье и «липу». Я прекрасно помню, как только что вернувшийся с боевого выхода молодой офицер наших войск специального назначения, прогремевшего на весь мир спецназа, само существование которого, однако, не признавалось нашей военной цензурой еще в мае 1989 года, «восхищался» одной лишь фразой всесветно знаменитого Артема Боровика из его огоньковского отчета о пребывании в «учебке» американской армии. Фраза

должна была изобличить в советском репортере бравого ~~воину~~. Репортер так рассказывал о своем возвращении с занятия по изучению мин: «Глаза автоматически обшаривали простиравшуюся впереди грунтовку, прощупывали каждый ее метр. Эту бессмысленную привычку (или очередной комплекс?) я приобрел еще в Афганистане, но в Москве она, осознав свою ненужность, ушла от меня. А теперь вот воротилась» (!) Боевой командир весело недоумевал: «Полтора года здесь, а привычки такой что-то не приобрел. А этот, вишь, боец!...»

Представляю, как веселятся (или возмущаются?) те джелалабадские спецназовцы, что устраивали по приказу самого высокого (повыше командующего армией) начальства показуху залетному корреспонденту, разглядывая очередное экспресс-издание А. Боровика «Как я был солдатом американской армии» (М., 1989). Справка об авторе, помещенная на обложке этой книги, сообщает, что он «участвовал в ряде боевых операций. Награжден медалью «За боевые заслуги». Строго, без лишних подробностей. Потому что важен в данном случае сам ф а к т, пусть и фантастический. Кто теперь будет разбираться в том, что никаких «боевых операций» не было, что для скромного советского журналиста батальон спецназа — надежда «наших надежд, генштабовское идол-божество» (выражение ироничного А. Боровика) — организовал показательную пальбу, своеобразную пионерскую «Зарницу» на улицах заведомо пустого «вражеского» кишлака, с захватом липовых трофеев. Сам бесстрашный «летописец» наблюдал свои «боевые заслуги» из вполне безопасного места.

Зная об этом заранее, я, оказавшись зимой 1988 года в Кабуле, не удивился, когда старший офицер-спецназовец не сказал, а воскликнул: «Что Боровик?! На него же тогда напялили и каску, и бронежилет, хотя их сроду в спецназе не носили! А N.N. каждые полчаса справлялся о его здоровье!» Дело в том, что солдаты и офицеры войск специального назначения во время боевых выходов действительно не использовали каски и бронежилеты, предпочитая их весу вес лишних боеприпасов и фляг с водой. Так что корреспондент в этой амуниции выглядел рядом с простыми «боевиками» особенно «заслуженно». За то, видимо, и медаль получил боевую — и побыстрее иных ветеранов. Эти-то свои «За отвагу» месяцами ждали безропотно (и получали порой уже в Союзе).

Очередной свой «рассказ о том, что сам автор видел и испытал в Афганистане», А. Боровик начал печатать в «Огоньке» в ноябре 1989 года. К счастью, он сразу предупредил, что «Спрятанная война» хоть и «документальная повесть», но «вещь субъективная». Так что читатель не был особенно удивлен, прочитав «во первых строках» про «неистовую молитву здорового сержанта-спецназовца», свидетелем которой корреспондент стал в... нужнике. Понимая, что А. Боровик вряд ли улавливает смысловую разницу между истовостью молитвы и неистовостью, скажем, ругани, трудно обижаться на него за эту ошибку. А уж его готовность «еще одну ночь пролежать в засаде (обычное для нашего военного корреспондента занятие. — А. Ф.), лишь бы узнать», в чем дело, просто вызывает восхищение. (Если, конечно, сам мальчик, то есть сержант, был, если все это не помстилось субъективному документалисту.)

Ну да ладно, в конце концов не в этом эпизоде смысл «повести». Как и не в многочисленных сценах бесед нашего репортера с бывшими пленными, живущими в США (попытке косвенного оправдания непопулярной среди «афганцев» безоговорочной амнистии бывших военнопленных-преступников, в том числе дезертиров). Главное — стремление объяснить широкому читателю, что до тайны афганской войны ему не добраться, а вместо этого следует довольствоваться сознанием того, что «в Афганистане изначальная нравственность нации вошла в вопиющее противоречие с антинародными интересами государства». Советскому журналисту по понятным причинам далеко до спокойной объективности француза Оливье Руа, писавшего в «Монд» (24—25 декабря 1989 г.), что после убийства Н. М. Тараки Х. Амином вторжение стало «неизбежным, если Москве не хотелось наблюдать за созданием на своей южной границе «прогрессистского» режима (...) с кем-нибудь вроде Пол Пота во главе, который при случае может быть опрокинут мусульманской герильей. Две перспективы, равно нетерпимые для Москвы». Вместо подобного трезвого разбора возможных причин и следствий войны А. Боровик (по-своему совершенно резонно — зачем зря напрягаться?) предлагает читателю намеренно пеструю смесь, компот из разнообразных точек зрения на советское присутствие в Афганистане, где действительно важные, существенные вещи соседствуют с пошлыми анекдотами — этакий историко-политический «клип».

А стоит подробнее разъяснить политический смысл понятия «исламский фундаментализм», рассказать, что большая часть вооруженных афганских группировок начала войну с правительством еще до прихода к власти НДПА (некоторые воевали уже во времена правления короля Захир-Шаха), что пришедшие в соседнем Иране к власти как раз в 1979 году исламские фундаменталисты одной из главных своих целей ставили «экспорт исламской революции» (в том числе, естественно, и в Афганистан, и дальше, за Амударью), — легче понять то, почему Индия, настоящая «парламентская демократия», не спешила осуждать советское военное присутствие в Афганистане. Почему совершенно демократические США и относительно демократический Египет оказались в одной компании с военной диктатурой Пакистана и с коммунистическим режимом Китая в оказании военной помощи моджахедам. Почему мусульманские Пакистан и Иран сотрудничали со своим ярым «врагом» — сионистским Израилем, поставляя в Афганистан оружие и своих военных советников. А. Боровик, к сожалению, ничего не говорит о деятельности израильтян в этой стране — и до, и после ввода советских войск.

Я не имею в виду какие-то тайные сведения (хотя человек, запросто беседовавший в те времена с высокими чинами КГБ, МИД, армии, с близкими Л. Брежневу Г. Арбатовым и Б. Кармалем, должен был быть хорошо осведомлен). В открытой советской печати сообщалось о том, что в октябре 1985 года Иран перестал требовать исключения Израиля из ООН, а генерал Зия-уль-Хак вдруг призвал арабские страны признать Израиль. И Саудовская Аравия не «обиделась» на них за это. Известно, что в середине 80-х годов с севера Афганистана люди «непримиримого» Г. Хекматъяра тайно переправляли на выючных животных урановую руду в Пакистан и частично в Иран. Мятежники из Исламского общества Афганистана (ИОА — партия Раббани и Ахмад-Шаха) прекратили этот вывоз и заявили, что из зоны добычи удалены все иностранцы, потому что «урановая руда поставляется врагам мусульман в Израиль».

При всем том не было, разумеется, никаких причин для того, чтобы использовать самых надежных в мире солдат в заведомо безнадежном и ненужном деле — попытке достичь полной и окончательной победы социализма советского образца в одной, отдельно взятой исламской стране, победы всерьез и надолго. Не стоило во

всем полагаться на свои собственные идеологические догмы и на экстремистов разного толка из НДПА, несмотря на то что, как говорил в 1984 году академик Е. М. Примаков (на протяжении всех лет афганской эпопеи бывший директором Института востоковедения АН СССР — средоточия наших знаний о Востоке вообще и Афганистане в частности), «НДПА вобрала в себя лучшие традиции революционного и национально-освободительного движения Афганистана, стала подлинным авангардом афганских трудящихся, мужественно борющихся за проведение прогрессивных преобразований в стране» (Правда. 1984. 25 дек.).

С «прогрессивными преобразованиями» (как неоднократно доказано историей) торопиться, право же, не стоит: ни в Тамбовской губернии, ни в Гренаде, ни в Афганистане. Во избежание несчастных случаев. А если кому не терпится — то пусть такие «нетерпеливцы» преобразуют действительность сами, не вмешивая «постепеновцев». Афганистан еще раз показал, что не дело наших военных обеспечивать «претворение в жизнь» политических химер. Их дело — охранять равновесие в мире, защищать границы, свободный выход в Мировой океан, стабильность и преемственность государственной власти и т. п. Русская и Советская армии слишком дорого (как никто!) заплатили в XX веке за потворство генералитета амбициям политиков, оплачивая кровью чужие ошибки. Пора остановиться.

Тяжело дались нам опаматование и прозрение. Входила, как справедливо говорят сегодня многие, в Афганистан одна армия, а выходила хоть и та же, но иная. Грозная, сильная новым знанием и умением, уверенная в себе, несмотря ни на что. Выходила из тяжелой «охранительной» (по методам и задачам — охрана коммуникаций и защита государственных и общественных структур) противопартизанской войны — и возвращалась, втягивалась в страну, бурлящую «перестройкой и гласностью», страстно желающую мира и спокойствия, ужасающуюся собственной, вдруг официально признанной отсталостью. Страна, кажется, не желала слышать «о доблестях, о подвигах, о славе» своих сыновей — ее увлекала нынче не гордость, но самобичевание (нечто новое для великого народа). Глубокое миролюбие Советского правительства доказывалось тем, что руководители страны не сочли возможным встречать на границе возвращающуюся с войны сороковую армию.

Сегодня, когда девятилетний афганский поход перестал быть суровой действительностью жизни, он становится наконец действительностью духовной: начинается осознание афганского опыта. Не только теми юношами в солдатских бушлатах и с недетским выражением глаз, что запомнились мне в ночном вертолете, летевшем из Шинданда в Герат, но и всей страной. Можно было бы сказать, что пришло время литературы, театра, кино, если бы на протяжении всей войны журналистика достаточно подробно освещала ход военных действий и быт людей на войне. Мы же лишь теперь начинаем по-настоящему узнавать о перипетиях этого похода. То есть осознание, осмысление начинается почти одновременно с простым узнаванием: естественно, возрастает поэтому ценность самых простых и бесхитростных свидетельств об этой войне — писем, дневников, воспоминаний. Ныне эти свидетельства — не основа и подспорье для создания художественных произведений, мемуарная литература создается вместе и рядом с художественной. Профессиональные писатели, в любом случае лишь приехавшие (даже и часто) на войну, пытающиеся понять ее, исходя из своего жизненного и литературного опыта, взаимно дополняют ветеранов-мемуаристов, пробующих понять жизнь и литературу через свой военный опыт. В одной статье нельзя объять необъятное, поэтому я останавлиюсь лишь на немногих — чрезвычайно показательных, по-моему, примерах.

В 1989 году увидели свет (в двух номерах «Знамени» и в «Новом мире») короткие рассказы-воспоминания 28-летнего ветерана афганской войны Олега Ермакова — самое, пожалуй, интересное явление этого рода. Первые его литературные опыты воспринимались (и видимо, писались) просто как документальные зарисовки-очерки о неизвестной войне. Когда автор пытался писать «художественно», то, подобно многим, не выходил за пределы упрощенно понятой традиции Э.-М. Ремарка и Э. Хемингуэя (иногда опосредованной — через «Вот пришел великан...» К. Воробьева). Но последние рассказы О. Ермакова в «Знамени» указывают на несомненное литературное дарование, на психологическое чутье начинающего писателя, не избегающего самых сложных (во всех смыслах) тем и сюжетов.

Женщина, ждущая близкого возвращения любимого с войны, а вместо этого получающая похоронку: «сереющую кожу лица порвали морщины, на виске вспучилась

жила, под глазами расплылись темные полукружья, — женщина с обезьяньим лицом вскрыла конверт» («Занесенный снегом дом»). Безрадостная пирушка в городском сквере нескольких молодых бравых ветеранов полковой разведки, по пути из Афганистана домой застрявших в Ташкенте без билетов, — мгновенно забытых и правительством, и военным командованием («Пир на берегу фиолетовой реки»). Наконец, тяжелый поиск общего языка между молодым новобранцем-православным и воспитанными в добротном атеистическом духе сержантами («Зимой в Афганистане»). Вот о чем, в частности, пишет Олег Ермаков. Пишет сухо, чисто сюжетно, словно карандашные наброски делает. Лишь пытаюсь время от времени (и все более успешно) превращать репортажную графику в жанрово-психологическую живопись. И рука его бывает удивительно точна и тверда. Как, например, в описании в «Пире на берегу...» встречи новобранцев и «дембелей» в кабульском аэропорту: «...как бы грубо и бесстыдно они ни матерились, как бы ни хмурились и ни ерничали, было видно, что новобранцам страшно и что они и сами недоумевают, как это они будут делать два года то, что делали эти загорелые усатые мужчины в фуражках и кителях со значками и медалями».

Существенно иной образ войны возникает в новых рассказах известного писателя Александра Проханова, вышедших в начале 1989 года сразу в нескольких изданиях («Москва», «Литературная Россия», «Наш современник», «Молодая гвардия»). Профессиональные литераторы увидели здесь какого-то другого, действительно нового Проханова, но и широкий читатель, смею думать, запомнил эти рассказы. Кажется, что автор словно впервые вздохнул полной грудью, высказался «как на духу».

А. Проханов не столько рассказывает о войне, сколько пытается впечатать в память и душу читателя резкие, влажно-яркие, цветные образы военных трудов и дней: «Он увидел вдали в зеленке малую малиновую вспышку, словно зажгли сигарету. Из этой точки метнулась вперед легкая желтая нить. Оборвалась и исчезла. И через секунду над заставой на фоне черной горы рванул жаркий огненный клоч, будто лопнул шар света, и дунуло по земле, по каменным строениям, по пустым цистернам секущим громом и свистом» («Кандагарская застава»). В его новых рассказах почти отсутствует публицистичность, зато много живописности и прямой эмоциональности, почти чувственности (заставляющих вспом-

нить — одновременно — Верещагина и Дали). Внимательный глаз писателя, вглядывающегося в войну, замечает, оказывается, такие подробности природы и быта, на которые не обратит должного внимания ни утомленный рутинной ветеран, ни прилетевший на несколько дней в действующую армию журналист (сам Проханов в течение всей войны проводил в Афганистане по несколько недель в год и в Кабуле не отсиживался). Потому, возможно, столь достоверно выглядят и долго будоражат память читателя персонажи этих рассказов, несмотря на откровенную и намеренную «художественность» литературного стиля А. Проханова.

Кого только нет в их галерее! Начальник разведки, привычно и профессионально воюющий в чужой ему «средневековой Азии», и влюбленный в эту Азию молодой переводчик-востоковед в офицерских погонах («Мусульманская свадьба»). Случайно оказавшийся в плену и страшно изуродованный прапорщик-интендант, до этого как сыр в масле катавшийся («Родненький»). И интендантский же подполковник-трудыга, не позволяющий своей охране убить захваченного ею в плен «духовского» минера («Бабушкина гора»). Юный солдат из спецназа, впервые попавший в пылающую войной пустыню из московской профессорской квартиры («Караван»), и умудренный боевым опытом командир взвода, оберегающий дорогу («Кандагарская застава»). А еще — афганцы: офицеры правительственной армии и мятежники, мусульманские интеллигенты и безграмотные крестьяне — друзья, соседи, враги.

Ясно, что воспоминательная проза ветерана ценна именно безыскусной простотой и достоверностью. От профессионального же литератора ждешь осмысления (не обязательно логического, рассудочного, но художественного, литературного) войны в целом — не столько истоков (это обязанность, скорее, историков и политологов), сколько ее течения и следствий. Именно поэтому А. Проханов — одна из ключевых фигур в «афганской» прозе.

Я сам не часто готов согласиться с его мнениями и объяснениями. Но не могу не оценить его постоянное страстное стремление проникнуть в заповедный смысл и этой войны в частности, и жизни и смерти вообще. Отсюда, мне кажется, его стиль: прозрачно-голубое азиатское небо, песок и пыль, кровь и мертвые тела, автоматные очереди и разрывы снарядов, геометрия мусульманской архитектуры и воспоминания о российских заснеженных

просторах, все — рядом и вперемешку. (Но это не абстрактный экспрессионизм, а мозаика — с четким, выверенным рисунком в основе.) Отсюда и его синтаксис — нервный, упругий, напряженный, так сказать, иступленно-романтический.

«Батурину вдруг стало страшно. Он испытал почти ужас. Цепящее, пронзившее грудь, остановившееся в сердце знание. Будто холодный свет звезд вошел в него тысячью тонких игл, впрыснул холод и смерть. Он вдруг понял, узнал, что будет убит. Непременно будет убит на этой войне. Не сегодня, не завтра, а позже, но будет убит. И оно, это знание, прилетев от звезд, замерло в нем. Он стоял, не в силах просить о спасении» («Мусульманская свадьба»).

Война и культура, солдат и художник, лед и пламень — что может быть противоположней? Но именно здесь, на границе мысли и смерти, искусства и разрушения, только и можно если не понять философию войны, то хотя бы ощутить, почувствовать ее духовный смысл.

Наши афганские ветераны не похожи ни на европейское «потерянное поколение» 20-х годов нынешнего столетия, ни на американское послевьетнамское «потерянное поколение» (как нам их представили литература и кино). Они деятельны и целеустремленны (как правило — хотя нет правил без исключений). Почему? Вместо разочарования, уныния, пацифизма (ведь само правительство отрешивается, как может, от этой войны) — сознательный патриотизм и гордое сознание своей причастности традициям русской (!) армии. Почему?

Таких «почему» много. И найти ответы на них без обращения к литературе об афганской войне (два не противоречащих, но взаимодополняющих полюса ее — те же О. Ермаков и А. Проханов) нельзя. Не получится.

II

Армия, в том виде, в каком она существует, — это книга, которую полезно открыть, если хочешь узнать человеческую природу; там поневоле соприкасаешься со всем — и с самым низменным, и с самым возвышенным...

Альфред де ВИНЬИ. Неволя и величие солдата

В пору сегодняшней пацифистской истерики большинства средств массового общения и нашей либе-

ральной интеллигенции как-то «не принято» говорить о величии солдата. Боюсь, что и сам А. де Виньи, появившись его книга сейчас, не избежал бы обвинений во всех мыслимых и немыслимых грехах. Несмотря даже на его французский паспорт и литературное реноме — это вам не 1835 год! Помимо чисто политических целей, обусловленных борьбой за власть (армию как государственный институт нашим либеральным революционерам необходимо ослабить возможно сильнее и в возможно более короткий срок), антиармейский «поход» имеет весьма важную причину, которая кроется в самой психологии левой интеллигенции. После долгих лет вынужденно искреннего поклонения возвышенному ей так хочется забыться в «свободном» проклинании низменного, что она вновь готова довольствоваться эрзацами. Потому-то с такой радостью схватились иные читатели и критики за «Стройбат» С. Каледина. Потому-то так дорожит редактор «Московского комсомольца» «чернухой» М. Пастернака об армии. Причем Пастернак М. становится странно похож на тех гонителей Пастернака Б., что говорили: «Я роман не читал, но скажу...» Комсомольский журналист тоже — «в армии не служил, но говорит».

Репетиловщина («шумим, братец, шумим») ныне процветает, но мало кто из обладающих влиянием работников пера действительно стремится к установлению истины в «армейском вопросе». Да и наших депутатов хватило лишь на нервное решение досрочно возвратить студентов с военной службы — в целях, надо думать, борьбы за повышение обороноспособности, за социальную справедливость и против каких-либо привилегий для кого бы то ни было. Вместо простой отмены дальнейшего призыва студентов, как такового, Съезд уволил из армии почти в полном составе корпус младших командиров (сержантов) — совершенно неожиданно как для военного командования, так и для самих солдат — среди них вдруг резко обозначилась «белая кость». То есть вместо терапии была применена хирургия.

Конечно, ознакомившись с репортажами того же А. Боровика об американской армии, какая-нибудь взбалмошная барышня вполне может потребовать введения у нас «правильной» профессиональной армии по «демократическому» образцу — взамен нашей «неправильной» (коей всегда недоставало европейского «порядка» — и гренадерам Суворова в Италии, и казакам Платова в Париже).

Ведь барышни не знают о всем том низменном, что есть в армиях даже и самых «демократических» стран. Барышни не читают ведь Алексиса де Токвиля (весьма почитаемого в Штатах до сего дня), который еще в 1840 году писал: «...из всех армий в войне больше всего заинтересованы демократические армии... Война проливает свет на тайную связь между воинственностью и демократией» («О демократии в Америке»). Возмущаясь «афганской авантюрой», барышни (даже и в брюках) не задумываются над тем, что американские вооруженные силы со времени окончания Гражданской войны применяют-ся только за пределами своих границ. Их армия в за-океанском Вьетнаме, например, была в 5 раз больше, нежели советская — в Афганистане. Правда, в большие европейские войны американцы ввязывались ближе к концу, к дележу добычи. Ведь война против таких солдат, как немцы, — это не поход за скальпами. Здесь нужно было драться с врагом, а не «охотиться».

Американский солдат под знаменами британской короны (1609—1775), а в последующее столетие поборник и защитник «демократии» методично и беспощадно уничтожал коренное население Америки — индейцев. Возникшие «свободные земли» — результат не ассимиляции, а поголовного уничтожения индейских племен. «Именно в процессе начала английской, а затем американской колонизации родилось понятие «геноцид», — пишет в книге «Война и мир по-американски» (М., 1989) видный историк-американист Н. Н. Яковлев. Именно «демократические армии» стали пионерами в создании концлагерей — американцы использовали их против индейцев на Дальнем Западе и англичане — против буров в Южной Африке; Гиммлеру и Дзержинскому с Ягодой было у кого поучиться. Именно «демократы» опробовали методы тотальной войны против мирного населения, стратегию террора — во время американской Гражданской войны Севера с Югом, а не Тухачевский, не Шкуро и не гитлеровские генералы.

Когда мы с трудом и осторожностью пытаемся избавить государственное тело страны от струпуев нашей собственной гражданской войны, стоит призадуматься — традиции каких армий нам предлагают сегодня поддерживать? Помня о «марше по Джорджии» генерала У. Шермана, когда «борцы с рабством» — северяне ровняли с землей цветущие города и поместья, сегодня особенно внимательно нужно прислушаться к словам героя

книги Альфреда де Вивьи капитана королевской гвардии Рено: «Мы-то ведь гражданской войны не ведем. Мы кладнокровны, как пожарные, долг которых — затушить огонь. А там пусть себе объясняются друг с другом, это уже не наше дело» (на дворе — 1830 год). И мне лично такая «психология пожарного» больше по душе, нежели психология «сознательного борца» за светлые идеалы (У. Шермана, истребителя индейцев, или М. Н. Тухачевского, истребителя тамбовских крестьян).

Даже если тебе не нравится тот или иной пожар, не стоит швырять в пожарных камни. У них и так незавидная судьба.

Преданная политическим руководством — кем-то, без внятного объяснения причин брошенная в горы и пустыни Афганистана, Советская Армия не сломалась, но показала и в неволе свое величие. В который уже раз она честно и безропотно искупает ошибки и преступления политиков многих поколений, вопреки всему выполняя предназначенную ей историей роль.

Когда возникают чрезвычайные трудности, даже самые ретивые либералы и пацифисты вспоминают об армии — требуя от нее защиты (как это было с началом конфликта в Нагорном Карабахе). Но когда тучи рассеиваются или хотя бы удаляются на время — благодарности как не бывало: такие-сякие военные, заелись, ату их! Профессионализировать немедленно! И вот уже «пошла писать губерния»: все кому не лень бросились в «военное строительство». Что ни профессор или журналист — то и «генерал».

Так, весьма уважая деловую хватку хирурга Св. Федорова, я все-таки не могу считать истиной в последней инстанции его мнение о необходимости перехода к наемной армии. Как и его мнение о том, что нас якобы ожидают десятилетия мира, потому что война, дескать, сегодня экономически никому не выгодна. Хорошо, если я ошибаюсь. А если ошибается хирург-миротворец? Ведь в случае если (не дай Бог) через 30—50, допустим, лет изменения климата, среды обитания, самого, наконец, человеческого организма окажутся слишком вредными для его, Федоровского, метода, то последствия обрушатся лишь на людей, доверившихся магии его имени. Если же через 10—20 лет не оправдаются его политологические прозрения — пострадаем от собственной близорукости мы все без исключения.

Сегодня мало кто вспоминает про почти всеобщую после первой мировой войны уверенность в том, что «это не повторится», про рассуждения о бессмысленности войны после появления на вооружении пулеметов, авиации и т. д. Мало кто желает прислушаться к тем западным ученым-футурологам, кто прямо указывает на опасную возможность возникновения военных конфликтов в будущем из-за акваторий, сфер влияния, месторождений тех или иных ископаемых и т. п. Так что, стремясь к чаемому всеми нами миру, не стоит забывать и о том, что наши чаяния не всегда сбываются. Надеясь на лучшее, лучше на всякий случай приготовиться к худшему. Пусть сие и трудновато сегодня.

Это в начале века у царской России хватало средств, чтобы постоянно развивать сельское хозяйство, промышленность, образование и культуру (см.: Шипунов Ф. Великая замятня//Наш современник. 1989. № 9—12) и не забывать об обороне (см.: Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986). Тогда мы в темпах развития (хозяйственного, а не нравственного, конечно) опережали остальной мир, вызывая зависть конкурентов. Ныне положение наше в 1990 году не то, что в 1913-м. Но это не значит, что от мощных Вооруженных Сил нам следует отказаться из-за их дороговизны.

Не нужно забывать о том, что сегодня наше место в мире и в Совете Безопасности ООН обеспечено именно и только нашей военной мощью (в хозяйственном отношении мы — экспериментально развивающаяся страна). Нам предстоит еще не один год быть, так сказать, «банановой республикой», стремящейся достичь уровня Японии. А то, что было позволено маленьким Сингапуру и Тайваню, не будет позволено нашему колоссу. Их экономическое и финансовое процветание — для геополитики — фактор не сравнимый с возможным выздоровлением и укреплением России. И если в 1915 и 1919 годах наши и враги, и союзники равно опасались возрождения нашей мощи, не стоит думать, что в 1985 и 1989 годах они перестали ее опасаться. И белогвардейцам в 1919-м, и большевикам в годы концессий и нэпа Запад помогал лишь настолько, насколько это было выгодно ему. Вряд ли и сегодня «Запад нам поможет» стать по-настоящему великой державой: у него, в конце концов, свой понятный и естественный интерес — национальный и континентальный, хозяйственный и политический.

Отказавшись от поддержания своей военной мощи, мы не облегчим России путь к вершинам процветания, не нужно напрасно тешить себя химерой. Достичь этих вершин мы сможем, будучи хорошо вооруженными и потому сильными, способными самостоятельно выбирать удобный нам путь.

ВОЕННЫЕ АРСЕНАЛЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В связи с публикацией в журнале «Огонек» (1989. № 50) письма Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева и редакционного комментария к нему мы, офицеры Генерального штаба, решили изложить свою точку зрения на обсуждаемые в этих материалах проблемы. По нашему мнению, редакция «Огонька» вводит в заблуждение своих читателей. В этой связи мы подготовили и в декабре 1989 года отправили в «Огонек» письмо, в котором высказали свои соображения по поднятым в письме С. Ф. Ахромеева и в редакционном комментарии проблемам.

К сожалению, нам заявили, что журнал не намерен предавать гласности нашу точку зрения. В то же время появившиеся в последующих номерах «Огонька» отклики на письмо С. Ф. Ахромеева свидетельствуют о том, что журнал тенденциозно подходит к их отбору, публикуя только те из них, которые поддерживают позицию редакции. Таким образом, вместо обещанного «Огоньком» обсуждения военных проблем происходит целенаправленное создание у читателей неверного представления о сущности и характере той военной угрозы, которая, к сожалению, все еще существует и с которой каждый здравомыслящий политик и гражданин должен считаться.

Отнюдь не стремимся нагнетать атмосферу страха и недоверия между СССР и США, однако считаем, что в строительстве качественно новых отношений, основанных на доверии и равной безопасности обеих стран, следует исходить из существующих в настоящее время реалий, а не из того возможного в будущем и, конечно, желаемого уровня двусторонних связей, который наши некоторые журналисты и издания считают уже достигнутым и на этом основании призывают чуть ли не к одностороннему разоружению.

Публикуя письмо С. Ф. Ахромеева, «Огонек» заявил, что ему трудно было бы обсуждать факты из письма

маршала на уровне имеющейся у журнала информации, но тем не менее берется их обсуждать и делает это хотя и с реверансами, но, как представляется, излишне самоуверенно.

Считаем своим долгом к имеющейся у «Огонька» информации по военным вопросам добавить еще некоторые немаловажные факты и цифры.

Итак, *первое*. «Огонек» задает вопрос: «...какие страны вынашивают план завоевания Советского Союза? кто спешит вторгнуться в страну с очень неупорядоченной инфраструктурой?..»

Вопрос как будто риторический, но на деле подразумевающий, даже подсказывающий читателю совершенно определенный ответ: никто.

Что можно сказать в этой связи? Ни один компетентный политик и военный ни в Соединенных Штатах, ни в любой другой стране НАТО не ставит подобным образом вопрос, планируя обеспечение безопасности своей страны и Североатлантического союза в целом. Аналогичную постановку вопроса можно встретить разве что в определенного толка западных кинофильмах, телесериалах, беллетристике.

Страны Североатлантического союза содержат так называемую «триаду НАТО», включающую стратегические наступательные силы США, ядерные силы театра войны, обычные вооруженные силы.

Стратегические наступательные силы США, по данным американской прессы, — это 1000 пусковых установок МБР, 36 атомных ракетных подводных лодок с 656 баллистическими ракетами, свыше 630 стратегических бомбардировщиков. Всего около 2300 стратегических носителей, способных поднять в одном пуске/вылете около 16 тысяч ядерных боеприпасов. Они нацелены прежде всего на объекты на территории Советского Союза и способны достигнуть их в течение нескольких десятков минут. Способы нанесения массированных ядерных ударов по нашей территории отрабатываются руководством США ежегодно, в том числе на учениях «Глобальный щит», в ходе которых по маршрутам к границам СССР реально направляются десятки стратегических бомбардировщиков, оснащенных дальнобойными ядерными крылатыми ракетами.

Великобритания и Франция также обладают (хотя и в значительно меньших размерах, чем США) стратеги-

ческими ядерными силами, включая 10 атомных ракетных подводных лодок.

Натовские ядерные силы театра войны — это (не считая более 250 ракет средней дальности «Першинг-2» и крылатых ракет наземного базирования, подлежащих ликвидации по договору РСМД) свыше 1100 самолетов — носителей ядерного оружия тактической авиации, размещенной в непосредственной близости от границ СССР, и авианосной авиации, крылатые ракеты морского базирования «Томагавк», оперативно-тактические ракеты «Ланс» и «Плутон», артиллерия наземных сил, тактическое ядерное оружие военно-морских сил. Только одни Соединенные Штаты имеют более 8600 средств доставки ядерного оружия оперативно-тактического и тактического назначения и около 20 000 ядерных зарядов для них. Более 1600 ядерных зарядов «поля боя» имеют Великобритания и Франция.

Применение такого ядерного оружия также отрабатывается ежегодно на различных крупномасштабных учениях и маневрах объединенных вооруженных сил НАТО.

Уместно напомнить, что ни США, ни блок НАТО в целом не отказываются от применения ядерного оружия первыми, в отличие от СССР, который это сделал уже давно.

Третий компонент «триады НАТО» — это обычные вооруженные силы Североатлантического союза. По количеству личного состава они составляют подавляющую часть общей численности вооруженных сил стран НАТО, насчитывающих 6 миллионов 523 тысячи человек. В их составе 244 общевойсковых соединения (дивизии, бригады), свыше 14 100 боевых самолетов ВВС и ВМС, из них 8570 являются ударными, почти 14 000 боевых вертолетов, 38 400 танков, 249 подводных лодок (не считая 46 атомных ракетных подводных лодок), 673 крупных надводных корабля (водоизмещением 1200 тонн и более), в том числе 396 кораблей с крылатыми ракетами различного назначения.

Вся эта военная мощь уже в мирное время сведена в крупные стратегические объединения со своими штабами и другими органами управления, находящимися в постоянной готовности к руководству войсками (силами) в ходе военных действий.

В непосредственной близости от границ Советского Союза систематически проводятся крупномасштабные учения и маневры вооруженных сил стран НАТО. В от-

дельные периоды в таких учениях участвуют до полу-миллиона войск, многие сотни боевых кораблей и боевых самолетов. На учениях отрабатываются реальные планы ведения военных действий — различных по масштабам, пространственному размаху и применяемому оружию.

Таковы реальности. Разумеется, будет ли запущена в ход вся эта военная машина, зависит от политических условий, от обстановки в мире, с одной стороны, а с другой стороны — от того, в какой мере поддерживает свою обороноспособность тот, против кого может быть использован созданный военный арсенал.

Второе. «Огонек» ставит под сомнение приведенные в открытом письме данные о численности вооруженных сил США — 3,3 миллиона человек.

В 1989 году в вооруженных силах США состояло 3 миллиона 289 тысяч человек. В это число входят 2 миллиона 130 тысяч человек регулярных сил (сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил) и 1 миллион 159 тысяч человек так называемого организованного резерва.

Организованный резерв вооруженных сил США представляет собой главным образом созданные уже в мирное время воинские формирования. Он включает национальную гвардию сухопутных войск (457 тысяч человек, 10 дивизий, 20 отдельных бригад, два отдельных полка), национальную гвардию ВВС (116 тысяч человек, 18 авиационных крыльев) и резервы видов вооруженных сил (586 тысяч человек, три общевойсковые бригады, дивизию морской пехоты, три воздушные армии, части боевого и тылового обеспечения).

Укомплектованность формирований организованного резерва военной техникой составляет 60—80 процентов от штатов военного времени. С учетом обученности личного состава это обеспечивает приведение резервных компонентов в готовность к ведению военных действий: сухопутных войск — через 5—10 суток, ВВС — 3 суток, ВМС — 1—3 суток.

Таковы действительные данные о численности вооруженных сил США.

Третье. Журнал усомнился и в том, что у Соединенных Штатов есть 15 авианосных ударных соединений.

Авианосное ударное соединение представляет собой оперативное формирование сил флота в составе 10—12 боевых кораблей, включая один авианосец.

В настоящее время в боевом составе ВМС США имеются 16 авианосцев, в том числе шесть атомных. Кроме того, Соединенные Штаты имеют в консервации еще четыре авианосца.

Военно-морские силы Великобритании, Франции, Испании и Италии имеют в общей сложности семь авианосцев в составе флотов, а также один французский атомный авианосец сейчас строится.

В отношении журнальной ссылки на сообщение газеты «Вашингтон пост» о том, что в США «до середины 90-х годов останется всего 12 авианосных ударных соединений». Если бы такое сокращение и было произведено, то авианосцы были бы поставлены на консервацию с реальными планами их быстрого ввода в строй (как, в частности, это произошло с четырьмя американскими линкорами постройки времен второй мировой войны, которые были сняты с консервации, перевооружены на крылатые ракеты «Томагавк» и сейчас находятся в боевом составе ВМС США). Но важно то, что, по заявлению самого Р. Чейни в интервью газете «Лос-Анджелес таймс» (27.11.89), «Соединенные Штаты обладают и намерены в дальнейшем обладать превосходящей других военно-морской мощью».

Четвертое. Цитируя положения открытого письма, в котором характеризуется степень оснащенности и боевой готовности вооруженных сил НАТО, а также обращается внимание на то, что «эти вооруженные силы не сокращаются», «Огонек» спрашивает: «Но как же тогда быть с недавним заявлением министра обороны США Р. Чейни, который распорядился подготовить план сокращения военных расходов?..»

Это заслуживает особого рассмотрения.

Во-первых, «Огонек» говорит о будущем, в письме же маршала речь идет о том, что вооруженные силы НАТО не сокращаются. Они действительно не сокращаются в настоящее время.

Во-вторых, министр обороны США Р. Чейни в ноябре 1989 года распорядился подготовить не «план сокращения военных расходов», как утверждает журнал, а лишь предложения видов вооруженных сил США о возможном снижении ранее намечавшихся ассигнований на предстоящие пять лет, начиная с 1991 года.

Обратите внимание, что не с 1990 года, как это уже сделал Советский Союз. Соединенные Штаты утвердили официальный военный бюджет на 1990 год в размере

305,5 миллиарда долларов, что на 6,7 миллиарда больше, чем в 1989 году.

В-третьих, какие конкретно сокращения военного бюджета США могут быть в случае, если соответствующие решения администрацией Соединенных Штатов будут приняты? По некоторым американским публикациям, ранее предусмотренные ассигнования на предстоящие пять лет (в размере 1 триллион 615 миллиардов долларов) Р. Чейни якобы имел в виду сократить в общей сложности на сумму от 150 до 180 миллиардов. Правда, сам шеф Пентагона в интервью газете «Ди Вельт» (5.12.89) заявил: «Нам поставлена задача спланировать военные расходы до середины 90-х годов. Уменьшение их может начаться с 1991 года. Но сокращение на 180 миллиардов долларов, как об этом пишет пресса, — нереально и сильно завышено».

Разъяснения по этому вопросу дает «Уолл-стрит джорнэл» (30.11.89): «Сокращения, о которых широко говорят, — это не урезание существующего бюджета министерства обороны, а сокращение планов наращивания военного потенциала».

Вице-президент США Д. Куэйл, выступая в редакции газеты «Вашингтон пост» (8.12.89), заявил: «СССР остается противником номер один для Соединенных Штатов. Администрация рассматривает предложения видов вооруженных сил по сокращению вооружений и личного состава, снижению расходов на военные программы для корректировки военных бюджетов в 1991—1995 финансовых годах... Любые решения по будущим программам военного строительства, военным бюджетам, численности вооруженных сил Белый дом намерен принимать только после подписания соглашения о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе».

Таким образом, вопрос о возможных сокращениях в будущем масштабов военных приготовлений США ставится американским руководством в зависимость от достижения соглашений между СССР и США, НАТО и ОВД. Аналогично обстоит дело и с упоминаемым в журнальном комментарии намечаемым в перспективе сокращением бундсвера ФРГ. Речь в данном случае идет о том, что после заключения соглашения, к 1995 году, численность вооруженных сил ФРГ может быть уменьшена с 495 тысяч до 420 тысяч человек. Однако при этом количество дивизий не уменьшится (останется 12), а количество бригад даже увеличится — с 36 до 42. Количест-

во танков в мотопехотных дивизиях увеличится на 40 процентов.

Так в действительности обстоит дело с современным состоянием вооруженных сил и уровнем военных расходов США и НАТО и возможными их изменениями в перспективе.

К сожалению, мир еще далек от того, чтобы полностью ликвидировать военные арсеналы. И коль скоро сохраняется военная мощь у одной стороны, другая обязана иметь достаточный оборонный потенциал.

ГИБЕЛЬ «КОМСОМОЛЬЦА»: КАКИЕ ПОДВОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ОНА ОБНАРУЖИВАЕТ!

Уважаемая редакция! Вынуждены обратиться к вам, военной газете, так как с недоумением и даже растерянностью обнаружили, что во времена гласности гласность дается далеко не всем. Оказывается, она может урезаться или искажаться — и не кем-нибудь, а средствами массовой информации, которые вроде бы более всего борются за нее. Мы убедились в этом, направив письмо в «Комсомольскую правду», которая, взявшись защищать интересы моряков-подводников в связи с гибелью атомной подводной лодки «Комсомолец», на самом деле вводит читателей в заблуждение и стремится переложить вину за все, что произошло с нашим кораблем, на экипаж, погибшего командира, флот.

Почти все публикации «Комсомольской правды», а также выступление ее корреспондента В. Юнисова в «Огоньке» грешат не просто некомпетентностью, не только отсутствием попытки досконально разобраться в сути дела, но и грубыми фактическими ошибками, ничем не обоснованными домыслами, ссылками на бывших и действительных офицеров флота, которые имеют представление об этой аварии из печати, по слухам и предположениям.

Нас особенно озадачила беседа В. Юнисова с капитаном 1 ранга запаса А. Горбачевым, опубликованная «Комсомольской правдой» под заголовком «8 месяцев спустя» 17 декабря 1989 года. В ней тов. Горбачев не только дал волю своим ничем не подтверждаемым вымыслам, но прибегнул к прямой клевете, обвинив, например, суда Севзапрыбы в торге с Северным флотом за спасение подводников.

Не укладывается в сознании то, что мы, оставшиеся в живых подводники, вынуждены защищать себя и наших погибших товарищей — моряков, честно исполнивших свой долг. От кого? От журналистов, которые преподносят эту трагедию через призму своего личного отношения не только к данному факту, но и к Вооруженным Силам страны в целом.

Вот мы и попытались защититься в письме, отосланном в «Комсомольскую правду» после публикации беседы с А. Горбачевым. 8 февраля с. г. оно было опубликовано. Вернее, краткая, выхолощенная выжимка письма. Редакция заявила нам, что считает своим правом подобным образом, не уведомляя авторов, обращаться с их письмами.

Что же нам в таком случае делать? Погибшие товарищи себя защитить не смогут, нас же, по сути дела, лишают голоса. Своим многомиллионным тиражом «Комсомолка» рядом со «скелетом» нашего письма представила еще одну новую «точку зрения» (теперь уже заместителя главного редактора еженедельника «Собеседник» А. Емельяненко), буквально подавляющую читателя обширностью очередных предположений, домыслов, мнений.

Чего же добивается «Комсомольская правда»? Под каким флагом она пытается вести борьбу за истину в причинах гибели «Комсомольца»? Какие «подводные течения» приводят в действие ее необычайную активность антифлотского настроя?

Мы все более приходим к выводу, что «Комсомольская правда», не дожидаясь выводов Государственной комиссии, а скорее предваряя их, пытается оказать давление на общественное мнение.

По поручению оставшихся в живых членов экипажа подводной лодки «Комсомолец»

Капитан 1 ранга Б. КОЛЯДА,
капитан 3 ранга С. ДВОРОВ,
капитан 3 ранга А. ВЕРЕЗГОВ,
капитан-лейтенант И. ОРЛОВ,
старший лейтенант А. ЗАЙЦЕВ.

(Письмо в газету «Красная звезда»)

«Подводные течения»

Нельзя не согласиться с заголовком, под которым «Комсомольская правда» 8 февраля 1990 года в очередной раз выступила по трагедии подводной лодки «Комсомолец»: «Подводные течения. Сегодня они мешают установить истинные причины аварий наших подлодок». Действительно, «подводные течения», видимо, есть. И есть необходимость попытаться их исследовать. Хотя дело это непростое, ибо здесь сплетены интересы и проблемы многих мощных министерств и ведомств.

Сам по себе факт гибели атомной подводной лодки «Комсомолец», впервые сразу ставший достоянием гласности, вызвал бурную реакцию средств массовой информации, а с их помощью — общественности. Как и бывает в таких случаях, наряду с полноценной информацией появилось множество ошибочных, ложных, непроверенных сведений. И это объяснимо. Не все газеты, журналы, как и телевидение, радио поначалу имели возможность получить исчерпывающие данные о происшествии. И потому что Военно-Морской Флот, созданная Государственная комиссия не сразу сами ее имели в должном объеме, и потому, что честно сказать, что поставлять волнующие общественность сведения в таких случаях у нас раньше просто не было принято. Первый опыт открытости давался не сразу и с трудом.

В конце концов очень многие вопросы были сняты. Многие, но не все. Остались и поныне продолжают оставаться одними из главных вопросы о причинах, как

«глобальных», так и конкретно-частных, приведших к аварии этого атомохода, о существующей аварийности в ВМФ вообще. Государственная комиссия, занимающаяся расследованием аварии на «Комсомольце», призвана ответить на них. Более полного, досконального расследования на данный момент представить никто не сможет. И наверное, самым благоразумным было бы дожидаться результатов работы комиссии, чтобы, ознакомившись с ними, попытаться (если возникнут такое стремление и возможность) осмыслить, дополнить или подвергнуть их сомнению.

На заседании Госкомиссии, где докладывались промежуточные результаты работы ее секций и куда были приглашены журналисты, высказывались предложения воздержаться от выступлений в печати до подведения окончательных итогов. Наверное, это только способствовало бы появлению более обстоятельных и объективных публикаций. Но «Комсомольская правда» посчитала необходимым еще раз высказать свою точку зрения, которая сводится в конечном счете к тому, что виноваты в трагедии недостаточно подготовленный экипаж, флот с его системой (цитирую А. Емельяненко) «подготовки личного состава подплава, начавшей давать сбои, и устоявшийся, но крайне неэффективный порядок межпоходового обслуживания ПЛ, обусловленный слабым техническим вооружением и низким профессиональным уровнем базовых технических служб, и нарастающий комплекс социальных проблем в местах базирования...».

В поддержку своей точки зрения А. Емельяненко призывает высказывания многочисленных лиц. Здесь и кораблестроители Д. Романов, В. Чувакин, Э. Леонов, бывшие командиры кораблей Ю. Зеленский, Е. Селиванов... «Суть их требований, если коротко, сводилась к тому, чтобы продвинуть расследование от полупризнаний к установлению реальной картины развития аварии и действий экипажа в экстремальной обстановке», — резюмирует автор. Тоже коротко, но надо сказать, что все эти лица, с помощью которых создается точка зрения «Комсомольской правды», принадлежат к одной заинтересованной стороне. Д. Романов — заместитель главного конструктора ПЛ «Комсомолец», В. Чувакин — ответственный сдатчик этого проекта, Э. Леонов — сдаточный механик, выходивший на испытания корабля вместе с Чувакиным. Капитан 1 ранга Ю. Зеленский — командир первого экипажа «Комсомольца», принимавший лодку у

промышленности, и поэтому также несущий ответственность за качество корабля. Капитан 1 ранга Е. Селиванов — бывший командир атомной подводной лодки, горевшей в 1984 году по его вине, привлеченный за это к строгой ответственности.

В качестве оппонента упоминается один человек — контр-адмирал О. Ерофеев, командующий флотилией. Но его доводы не только не приводятся, но весьма эффективно девальвируются априори.

Можно ли при таком раскладе сил говорить о всесторонности и объективности исследований автора, который, по его словам, пытается разобраться в этой весьма непростой ситуации уже более полугода?

Впрочем, хоть и мимоходом, но вынужден был сказать А. Емельяненко следующее: «Тогда с другого конца стола (речь идет о совещании в ЦК, куда были приглашены и те, кто проектировал первую глубоководную лодку, и кто ее строил, кто на ней плавал, кто участвовал в последнем походе. — Авт.) посыпались упреки в адрес конструкторов и строителей: здесь не учли, там недосмотрели. Получалось — не боевой корабль, а изъян на изъяне... Говорили это командиры атомоходов, и была в их словах своя правда. Конструктивные недостатки, отказы оборудования на подводных лодках все чаще стали давать о себе знать...»

На чем моряки плавают

Правда командиров кораблей заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее. А. Емельяненко мимоходом коснулся этой проблемы, продолжая линию «Комсомольской правды» на обвинение в недостаточной выучке личного состава. Однако справедливость требует приоткрыть завесу и над другой стороной — конструктивных и технических недостатках материальной части, которые обусловили и причину аварии, и ход ее дальнейшего развития.

Не первый год флот получает корабли, которые не отвечают утвердившемуся в нашем представлении имиджу совершенной, безупречной, высшего качества боевой техники.

Здесь, думается, уместно привести слова академика А. П. Александрова, рассказывавшего в моем присутствии о создании нашей первой атомной подводной лодки,

получившей впоследствии наименование «Ленинский комсомол»:

— Договорились, что лодку флоту сдаем не просто, а в опытную эксплуатацию. Это была страшная тяжба, чтобы найти такую формулу, по которой флот согласился бы принять первую лодку.

Участвовавший в этой беседе главнокомандующий ВМФ адмирал флота В. Н. Чернавин заметил:

— Анатолий Петрович, вы, видимо, эту формулировку «в опытную эксплуатацию» ввели с легкой руки. До сих пор существует такая передача кораблей. Самые плохие корабли у нас так сдаются. Когда у строителей горит план, все возвращаются к этому термину.

К чему еще один участник той беседы, бывший министр среднего машиностроения Е. П. Славский добавил:

— Первый атомный ледокол у нас Министерство морского флота не принимало, пока наши же товарищи не обкатали все... А вот военные моряки храбро все осваивали.

И продолжают храбро осваивать, испытывая мучения, ибо их трудности промышленности, как правило, не только не облегчает после сдачи кораблей, а еще более усугубляет.

Вот несколько примеров за 1985—1989 годы.

Одна из атомных подводных лодок более половины времени своей службы простояла в ремонте и на доработках. Она была зарекламиривана в целом, иск ВМФ Минсудпрому СССР был удовлетворен Госарбитражем СССР. Такая же участь постигла не только эту лодку.

В целях предотвращения аварий из-за несоответствия отдельных элементов электрооборудования техническим условиям в 1989 году запрещена эксплуатация двух кораблей, а еще четыре не могут быть использованы для выполнения задач боевой службы.

За последние годы предприятиям Минсудпрома за поставку некачественной техники на атомные подводные лодки было предъявлено 529 рекламаций с принудительным взысканием штрафов на сумму более 3 млн. рублей.

За это же время случилось столько отказов ядерных паропроизводящих установок (ППУ), что стоимость их восстановления обошлась более чем в 10 млн. рублей.

Перечислять можно еще. Но ведь почти каждая неполадка, возникающая на корабле, является предпосылкой к аварии. Наши «плохо обученные моряки», как пытается-

ся утверждать «Комсомольская правда», ставятся в таких случаях в те нештатные, то есть не предусмотренные инструкциями по эксплуатации ситуации, когда от них требуются не только умение, навыки, а истинное мастерство, изобретательность, инженерная смекалка и мужество.

«После апрельской трагедии на Северном флоте произошло еще три аварии, — пишет А. Емельяненко. — Но вот что характерно: о последней, декабрьской, руководство ВМФ решило не сообщать в прессу». Раз автора «Подводных течений» это не устраивает, сообщим, что декабрьская авария при испытательном (а не учебном) пуске баллистических ракет произошла не по вине флота, а вследствие все той же низкой надежности испытуемого изделия. И немалый урон, нанесенный акватории моря и прилегающим территориям, флоту приписать никак нельзя.

А теперь, коль поводом возникших споров является «Комсомолец», резонно привести некоторые соображения командиров подводных лодок, имеющих представление о технической надежности этого корабля.

Переборки на «Комсомольце» не обеспечивали герметичности между отсеками по масляной системе, переборочным сальникам главной линии вала на ходу корабля. Но даже с остановкой линии вала невозможно было обеспечить герметичность при давлении в отсеках более $1,4 \text{ кг/см}^2$. В горящем же 7-м отсеке давление было раз в десять выше.

Часть цистерн главного балласта подводной лодки «Комсомолец» не имела кингстонов, что само по себе снижает запас плавучести лодки при волнении моря или при возникновении дифферентов в аварийных условиях.

Система пожаротушения на этом корабле лишена централизованного управления, что является шагом назад в проектировании систем пожаротушения на подводных лодках. Да и вообще фреон как огнегаситель не эффективен при сильных пожарах, так как сам начинает гореть при температуре выше 580°C .

На лодке вместо красномедных были применены полиамидные уплотнения в воздушных системах, что даже при локальных пожарах приводит к разгерметизации арматуры воздуха высокого давления.

Отсутствие информационной системы и ненадежность внутрикорабельных средств связи не позволяли на главном командном пункте иметь достоверные данные о фак-

тическом состоянии кормовых отсеков для принятия необходимых решений.

Отдельные электрические сети оказались незащищенными от токов короткого замыкания, что привело к возгораниям в других отсеках, потере контроля за общекорабельными системами и значительно осложнило борьбу за живучесть корабля.

Система шлангов дыхательных аппаратов вместо спасения жизни подводников в загазованном отсеке явилась убийцей людей, пользующихся ею по прямому назначению.

При эксплуатации «Комсомольца» в ряде документов был отмечен повышенный коррозионный износ некоторых конструкций из-за низкого качества изоляции разнородных металлов (титан — сталь).

Перечисление недостатков можно продолжать. А ведь по большому счету все опи — не что иное, как факторы повышенного риска. И с возникновением аварии эти факторы способствовали значительному усложнению обстановки на корабле, создавая те редчайшие ситуации, к которым личный состав не готовился, да и не должен был готовиться.

Почему случаются пожары

Если кратко, то по двум причинам: по вине личного состава и не по вине личного состава.

В 1984 году на подводной лодке, которой командовал капитан 1 ранга Е. Селиванов, пожар произошел по вине личного состава. В электротехническом отсеке этого корабля на установке РДУ, которая обогащает отсеchnый воздух кислородом, корабельные умельцы установили нештатное электроточило. На нем из металла и эбонита вытачивались различные сувенирные поделки. Командир это знал и благословлял. По сути дела, пожар был просто неминуем, так как при попадании на регенеративную пластину любого жиросодержащего вещества происходит воспламенение.

Лодку удалось спасти, но от удушья в аварийном отсеке погибли тринадцать человек. Долгое время командир корабля стремится доказать, что, якобы, возникающие на атомных подводных лодках зоны с повышенным содержанием озона являются предпосылками к самовозгораниям. Его гипотеза пока не получила подтверждения при практических исследованиях. Но флот продолжает

ее проверку. Если теория Селиванова все же получат подтверждение — это пойдет на пользу, ибо будут приняты соответствующие меры. Но это все равно не снимет вины с командира: он разрешил на корабле пожароопасные работы, не имеющие никакого отношения к служебной деятельности экипажа, за что расплатились жизнью его подчиненные.

Е. Селиванов на страницах «Комсомольской правды» заявляет: «Человеку, не способному в течение минуты понять, что происходит на лодке, в подводном флоте делать нечего».

К сожалению, ему не хватило целого похода, чтобы понять: на его подводной лодке идет откровенная провокация пожара. Как свидетельствуют материалы расследования, в гораздо более простых условиях Селиванов не обошелся без ошибок в борьбе с пожаром. Это не мешает ему сегодня безапелляционно судить о действиях командира Ванина, допуская грубые ошибки. Так, Селиванов удивлен, что командир «Комсомольца» не воспользовался для немедленного всплытия корабля пороховыми газогенераторами. Но, во-первых, ни один командир в случае пожара не рвется мгновенно на поверхность, да еще с застопоренным ходом. В этом нет необходимости, а существующие инструкции и морская практика требуют осуществлять всплытие в подобных случаях с использованием хода. Это и быстрее, и надежнее. Во-вторых, инструкция по использованию пороховых газогенераторов предусматривает их применение для продувания цистерн главного балласта при поступлении в прочный корпус забортной воды в больших объемах, а не при пожарах, так как применение пороховых газогенераторов сопровождается большим выделением водорода.

В 1979 году мне довелось (во второй раз) участвовать в плавании на атомной подводной лодке подо льдом Арктики. Возглавлял поход в то время еще командир дивизии подводных лодок капитан 1 ранга, а ныне контр-адмирал И. Налетов. Мы оба, находясь в центральном посту, оказались свидетелями возгорания, случившегося не по вине личного состава. У кромки льда лодка всплыла. Из-за несовершенства дренажной системы часть забортной воды, проникшей в лодку через сальники подвижных устройств, оказалась не в трюме, а на средней палубе центрального отсека. Прежде чем ее успели убрать, она просочилась вниз и струйкой прошла через ни-

чем не защищенный электропит генератора. В результате произошло короткое замыкание. Щит был тут же обесточен, но последствия возгорания устранялись тридцать часов.

Статистика свидетельствует, что по непосредственной вине личного состава возгорания случаются значительно реже. Каждый подводник знает, чем ему лично и экипажу грозит пожар. Почему возник пожар на «Комсомольце», к сожалению, установить не удастся. Единственный свидетель возгорания — вахтенный седьмого отсека старший матрос Н. Бухникашвили даже не успел ничего доложить: видимо, сразу погиб. Сейчас лодка лежит более чем на километровой глубине. Но даже если бы была возможность ее поднять, начисто выгоревший седьмой отсек вряд ли сохранил какие-либо «вещественные доказательства». (Государственная комиссия определила лишь наиболее вероятную причину — короткое замыкание электрооборудования седьмого отсека.)

Да, к гибели «Комсомолец» привела целая цепь причин. Но первопричина одна — возгорание. Все остальное — вторично.

Отчего же случаются возгорания на подводных лодках?

Анализ причин пожаров как на советских подводных лодках, так и на подводных лодках ВМС США показывает, что 70 процентов возникло из-за коротких замыканий в электрических щитах и кабельных трассах. Скажем, анализ 16 пожаров, имевших место в последние годы на наших атомных подводных лодках, свидетельствует, что они связаны с короткими замыканиями в главных распределительных щитах и вызваны производственно-техническими дефектами автоматических выключателей (низким качеством их сборки).

Почему возгорания превращаются в пожары? В нарушение требований соответствующих документов на атомных подводных лодках в качестве конструктивных применяются многочисленные горючие материалы. Существующие противопожарные системы недостаточно эффективны. Эффективных средств тушения электрооборудования, находящегося под напряжением, нет. При пожаре электрические щиты и пульты практически невозможно обесточить. Отсутствует система раннего предупреждения, оповещения об аварии и контроля за развитием пожара...

Можно ли ставить это в вину флоту, промышленности? И да и нет. Для создания соответствующих систем надежности нужны средства. Большие. Их не хватает даже у куда более богатых американцев.

Анализ аварий за период с 1985 по 1989 год в ВМС США, проведенный американскими военными специалистами, показывает, что их основными причинами являются, в частности, недоработки при проектировании, производстве и монтаже оборудования. За этот период на подводных лодках произошло 37 аварий, часть из которых обусловлена пожарами.

Флот платит трижды

За что? За поставляемую ему технику и вооружение. Причем трижды — это минимум. Сначала платит, скажем, за корабль. Затем — за его техническое обслуживание, ремонты. И за устранение конструктивных, производственных дефектов.

На крейсере «Баку» еще во время госиспытаний начали выходить из строя трубы котлов. Едва корабль пришел на флот, возникла необходимость менять трубы. Несколько месяцев командир крейсера, флот ведут тяжбу с директором завода. И это во время гарантии. Кончается гарантия — и здесь уже промышленность безо всяких церемоний за свои же грехи востребует деньги с флота.

Многострадальным в этом отношении оказался наш первый атомный ракетный крейсер «Киров». На нем вышел из строя главный редуктор. Механизм, который обычно переживает корабль. Поскольку он герметично закрыт, списать его преждевременную порчу на обслуживающий личный состав невозможно.

Ремонт главного редуктора не предусматривается, поэтому не предусматривается и его извлечение из корабля. Промышленность предложила вырезать над ним все палубы с огромным количеством боевых постов. Можно представить стоимость таких работ. Специалисты ВМФ предложили вырезать редуктор снизу, вместе с днищем — это быстрее и дешевле.

Крейсер поставили в док. Вырезали днище, выгрузили редуктор, загрузили на железнодорожную платформу, отправили на завод, отремонтировали, привезли, опять поставили корабль в док, снова вырезали заваренное было днище, поставили редуктор... Деньги деньгами, но в

результате непланового использования дока в нем не смогло пройти плановое докование целое соединение подводных лодок.

Когда «Комсомольская правда» тиражировала слухи о политических волнениях в экипаже «Кирова», экипаж крейсера волновала его подготовка к дальнему походу. В ядерной паропроизводящей установке левого борта потек первый контур, которому положено служить и служить. Снова дорогостоящие работы, связанные с разрезанием корпуса. Сделали. Крейсер ушел в Средиземное море, чтобы... вдвое сократив срок плавания, вернуться в базу: потек первый контур ППУ правого борта. Все эти неприятности случились по одной причине — низкое качество техники.

Но непосвященному трудно представить, во что обошлось это флоту и государству! И был бы «Киров» редким исключением...

Более молодой крейсер этого же проекта «Калинин» уже эксплуатирует активную зону не в рабочем, а в допустимом режиме, так как эта зона плохого качества. Видимо, скоро она выйдет из строя. Это знает флот, еще лучше — промышленность. И ни под каким соусом не хочет принимать рекламу.

Таких фактов, примеров больше чем достаточно. Флот их не скрывает, о них докладывают по инстанции. Принимаются решения по доработке, по повышению качества и надежности, но кому не известно, как выполняются в наше время решения, тем паче если они не подкрепляются экономическими мерами.

Позвольте, но зачем же флот принимает такие корабли? — напрашивается сам собой вопрос. Приведу всего лишь один, уже исторический эпизод, связанный с этой проблемой. О нем как-то в разговоре вспомнил адмирал флота Н. Сергеев, с 1964 по 1977 год возглавлявший Главный штаб ВМФ:

«...Дмитрий Федорович Устинов, будучи секретарем ЦК, вызвал меня на совещание, где начал упрекать в том, что я дал указание не подписывать акт сдачи нескольких кораблей в конце года.

— Дмитрий Федорович, — отвечаю, — я знаю, какой корабль вы имеете в виду. Так у него, разрешите доложить, пушки не стреляют.

— А при чем же здесь тот рабочий класс, который дни и ночи работал, делая корпус, делая дизели, делая турбины, делая всю электронику? — Это уже пошла

атака. — При чем этот рабочий класс?! Значит, люди не получают никакой премии, и они останутся в таком тяжелом положении? Следующий год они не будут так работать!

— Дмитрий Федорович, никто же не скажет, когда будет война. Но если вдруг будет и наш корабль не сможет стрелять, вы же первый скажете: расстрелять всех тех мерзавцев, которые подписывали акт. Так примите решение: таким-то, таким-то выдать премии. За то-то и то-то. Все будет правильно. Мы даже можем завизировать. И за корпус, и за дизели, и за все остальное. А за пушки — не можем, за корабль — не можем...

— Ты вот что, ты со своим Горшковым свяжись, я никак не могу его по телефону поймать. — (А Горшков в конце года всегда так делал, чтобы избежать давления промышленности). — Ты ему скажи, что я требую. Нельзя так, слушай, нельзя так! Пойми, ты же коммунист!

Ну, я докладываю главному. Сергей Георгиевич:

— Ни в коем случае не подписывать. Ни в коем случае.

Но что вы думаете? Старым числом потом все же подписывали. Вот так и дожимали.

В общем-то всем нам известно, как умеют у нас дожимать строители. Жмут они на заказчиков, жмут на военпредов, на командиров кораблей. Кто из строившихся командиров не испытал это на себе? Нынешний главноком ВМФ адмирал флота В. Н. Чернавин через такой прессинг в начале 60-х годов прошел лично, принимая от промышленности свою атомную лодку. Тоже любопытная история.

-- Испытания нашего атомохода после его постройки проходили непросто, а порой и драматично, — рассказывал мне Владимир Николаевич. — Руководство завода принимало все меры по ускорению работ, и здесь подчас допускались поспешность, стремление выдать желаемое за действительное. Личный состав корабля делал все, чтобы обеспечить качество работ, проявляя при этом и твердость, и волю, и компетентность, и высочайшее чувство ответственности.

При проведении проверки лодки на максимально возможном ходу случилось непредвиденное: внезапно большие горизонтальные рули заклинило в положении «на погружение». Лодка с нарастающим дифферентом устремилась на глубину, неумолимо приближаясь к грунту.

В такой ситуации все решают буквально мгновения и действия экипажа. И экипаж сработал предельно точно. Опасность миновала. Вернулись в завод, прервав испытания.

Временно исполнявший обязанности директора завода Вашанцев, несмотря на нашу обеспокоенность случившимся, стал настаивать на очередном выходе в море утром. Я заявил, что пока не будет выяснена причина заклинивания рулей и не устранена неисправность, лодка в море не выйдет.

— А я сказал — выйдет, значит, выйдет! Вы сорвете нам выполнение плана.

Я возразил еще настойчивее.

— Если вы отказываетесь, — не принимал мои доводы Вашанцев, — лодку выведет другой командир.

— Ищите и устраняйте неисправность ночью, — предложил я. — Иначе экипаж в море не пойдет.

— Обойдемся и без вашего экипажа, — отрезал директор.

Вернувшись на корабль, я приказал старпому снять с лодки экипаж и отправить в казарму.

Едва моряки ушли с причала, примчался Вашанцев:

— Ну, командир, я не думал, что ты такой сумасшедший!

— А я не думал, что можно так обращаться с кораблем и людьми.

В конце концов директор вынужден был признать, что так рисковать атомоходом и экипажем нельзя. Даже ради выполнения плана».

«Голуби мира»

Обстановка со сдачей кораблей мало чем изменилась за последние три десятка лет. Но, думается, далее она просто не может не измениться. Изменилась наша внешняя политика. Стала не просто иной, а реалистической. И требует реалистического взгляда как на все Вооруженные Силы, так и на флот.

Сейчас кажется поразительным, но некачественные корабли поступали на флот с ведома и при одобрении самых высоких инстанций. И в этом была, как ни странно, своя целесообразность. Ведь решались не только задачи реального повышения боеготовности ВМФ, но и задачи политического престижа, достижения видимости стратегического паритета.

Да, корабль с нестреляющими пушками не мог выполнить в случае войны боевую задачу, но произвести впечатление на просторах Мирового океана мог вполне. И такой политический блеф всегда имел место в международных отношениях. Даже в военные времена.

Кроме того, нельзя не учитывать и особенности кораблестроения.

На проектирование, строительство головного корабля нового проекта уходит до десяти лет. И конструкторы с согласия руководства ВМФ стараются оснастить корабль не только имеющимися новейшими оборудованием, оружием, техническими средствами... но и тем, что существует пока на бумаге или в идеях. Иначе моральное устаревание корабля может обогнать его физическое создание. Конечно, здесь велика доля риска. И, увы, не редкость ситуация, когда корабль построен, а вот что-то к нему не поспело.

Что делать? Допустим, не принимать. Значит, кораблю придется еще неизвестно сколько времени стоять в заводе. Техника не эксплуатируется, экипаж не тренируется. Все рассыпается потихоньку и разваливается. Хорошо ли?

Другой вариант: корабль принимается с соответствующими обязательствами промышленности довести его до кондиции в уточненные сроки. В этом случае корабль приходит на флот, плавает, экипаж отрабатывает задачи боевой подготовки, поддерживая определенную боеспособность...

Какой вариант выбирать — зависело от многих конкретных факторов и решалось самыми высокими инстанциями страны.

Безусловно, куда как лучше, если кораблестроительная программа сразу выполняется набело. Флот в другом виде ее воспринимать не хочет. Но политические цели в какой-то мере может удовлетворить и черновая работа с последующими доделками. Так у нас появилась целая серия кораблей, прозванная на флоте «голубыми мира». Ибо приняты они были с «нестреляющими пушками».

Более всего на таких компромиссах терял флот, расплачиваясь за это и боеспособностью, и материально. Ведь недостаточно высокое качество боевой техники и оружия в конце концов оплачивал он, передавая промышленности в качестве платы и переплаты львиную долю средств, выделяемых ему из государственного бюд-

жета, и вынужденно экономя на всем остальном. Если бы, скажем, средства, пошедшие на упомянутые ремонты «Кирова», можно было использовать на решение социальных проблем экипажа, на повышение боеготовности корабля, обученности личного состава — сколько неразрешенных пока проблем было бы решено!

В свое время на флоте поговаривали, что отказ от строительства только одной атомной подводной лодки дал бы средства для обеспечения жильем всех бесквартирных офицеров и мичманов ВМФ. А это, как ни что другое, способствовало бы повышению качества плавсостава. Бесквартирье и поныне не позволяет достойно укомплектовать экипажи кораблей полноценным мичманским составом, бесквартирье и поныне угнетающе действует на офицерский состав кораблей. Не надо проводить сложных расчетов, чтобы убедиться, что еще больший эффект дало бы не сокращение кораблестроительной программы, а повышение качества ее реализации. Но прежде это все относилось лишь к проектам. Перестройка военно-промышленного комплекса (без которой невозможна перестройка армии и флота), если она изменит механизм расходования отпущенных на оборону средств, может способствовать эффективному решению большого комплекса пока не поддающихся решению проблем. Во главу угла экономических интересов промышленности должно быть поставлено качество. Та огромная энергия, настойчивость, изобретательность в «узаконивании» некачественной продукции, которую проявляют ныне промышленники, обращенная на достижение качества, обещала бы общую выгоду. Выгоду государству, флоту и самой промышленности. Ибо нет ничего более выгодного, как качественно работать. И наоборот.

Вот один пример. На заводе, производящем котельные трубы, был заказан комплект таковых для одного из крейсеров. Прежде чем принять заказ, военпред вынужден был полностью забраковать пять комплектов трубок. Разве может быть выгодна кому-нибудь такая разорительность?

Мы всегда считали, и еще по сей день полагаем, что оборонные предприятия у нас являются образцом производительности и качества. Конверсия поколебала этот миф. Как только предприятия переходят на обеспечение, снабжение, оплату, свойственные всей нашей промышленности, они начинают испытывать большие трудности,

а то и нести убытки. Неужели товары для народа, пользующиеся огромным покупательским спросом, делать менее выгодно, чем даже те технику и оружие, в которых страна уже не нуждается? А дело в том, что оборонные предприятия привыкли обеспечивать производительность и качество высокой и очень высокой ценой. Без мощных финансовых вливаний их экономика расстраивается.

Конечно, было бы неверным видеть «крайних» в тех же предприятиях Минсудпрома. Их сложный труд вбирает огромное количество простого труда бесчисленного множества предприятий, в том числе и других министерств. И если кто-то поставил даже одну ненадежную комплектующую деталь, она оборачивается потерей качества всего сложнейшего изделия, каковым, скажем, является корабль. Это азбука. Все это понимают. Но почему принимаемые меры по повышению качества, обычно выраженные в создании указующих и обязывающих документов, не дают желаемого результата? Потому что существуют механизмы, «сбрасывающие» ответственность исполнителей или сокращающие ее.

Монополизм тоже выгоден только предприятиям. Флот лишен выбора, а значит, вынужден принимать все, что ему дают.

Гибель «Комсомольца» обнаружила противоречие между флотом и промышленностью. Обнаружила природно. А раз так, вопрос виновности вышел за рамки межведомственных отношений и споров. Общественное мнение требует ясности. И ясность должна быть определена.

Очень впечатляюще звучат «открытия» средств массовой информации по поводу аварийности на флоте. При чем инкриминируется флоту вина уже хотя бы потому, что он прежде свои аварии скрывал. Но, как ни странно, он был в этом меньше заинтересован, чем промышленность. По своему двадцатидвухлетнему опыту работы в военной печати знаю, что в крайнем случае можно было «пробить» информацию об аварии по вине личного состава. И ни в коем случае — по вине промышленности. Ибо существовала установка: наша техника самая лучшая, самая надежная, она ломаться не может. Как хорошо жилось за занавесом молчания промышленности! Гибель «Комсомольца» пробила брешь в этой завесе. И как же соблазнительно в таком случае всю вину возложить на флот!

Велико ли мастерство моряков?

Оно безусловно оставляет желать лучшего. Отрицать это невозможно, и флот не заинтересован это скрывать, ибо иначе сдвигов в решении проблемы не добиться. Достаточно полистать подшивку «Красной звезды», чтобы убедиться: вопросы профессионального мастерства военных моряков — одна из главных тем в освещении деятельности ВМФ. Причем ставятся эти вопросы куда как более остро, чем в любых сенсационных публикациях гражданской печати.

Что же мешает повышению выучки военных моряков? В первую очередь — ограниченность средств. Наш подводник-атомник, как и надводник, если произвести хронометраж его служебной деятельности, отдастся своей профессиональной подготовке скорее эпизодически, чем систематически. Он вынужденный мастер на все руки, занимаясь самообеспечением — от строительства до тылового обеспечения и различных приборочных работ. Во имя оплаты поставок и содержания техники, оружия флоту приходится экономить на инфраструктуре. Атомники миллионы тратят на ремонты и не имеют тысяч, чтобы обеспечить себя транспортом, снегоуборочной техникой, механизированными средствами. Даже заменить пылесос на подводной лодке новым — проблема. А материально-техническая база обучения личного состава? Нередко это прошлый, позапрошлый день, к тому же созданный своими же руками.

Если же принять во внимание, что качество контингента, призываемого на флот, в том числе атомный, имеет тенденцию к ухудшению, то можно ли, реалистически мысля, не видеть тупиковости проблемы? Да, профессиональная подготовка военных моряков требует решительного совершенствования. Да, флот имеет здесь резервы, которые далеко не всегда используются эффективно. Но все-таки безоглядно винить моряков в недостаточности мастерства, не давая себе отчета в том, что для его повышения нужны средства, деньги, время, — значит, заниматься досужими словопрениями вместо конструктивных разговоров. Это рефлекс того административно-командного мышления, когда «давай, давай» заменяет расчеты, прогнозы, экономическое обеспечение.

(Кстати, оставшиеся в живых члены экипажа «Комсомольца» были придирчиво опрошены Государственной комиссией, в которую входят и представители конструктор-

торского бюро, промышленности. Все единодушно отметили высокий уровень специальных знаний подводников.)

И все-таки, говоря о каких угодно величинах, надо видеть их в определенных системах отсчета, в сравнении. Та же выучка личного состава не может быть определена без сопоставлений.

А. Емельяненко в своей публикации приводит такие слова ответственного сдатчика «Комсомольца» В. Чувакина: «Но и бороться с огнем, если пожар случится, надо уметь... пожары на подводных лодках — это не только наш бич, американцы теми же проблемами маются...» Вот и любопытно сравнить наших моряков с американскими.

Свыше 20 крупных аварий на подводных лодках и надводных кораблях ВМС США произошло только за 1989 год. В них погибло более 60 и ранено около 90 человек. Наиболее значительные аварии связаны с пожарами. 9 октября в ходе работ по подготовке к выходу на боевую службу в Средиземное море на борту авианосца «Форрестол» произошел пожар в результате короткого замыкания в одной из электросетей силовой установки подъемника авиатехники правого борта. В результате пожара, который продолжался более 3 часов, авианосцу нанесен ущерб на сумму 1,3 млн. долларов.

Наибольшее количество жертв принесла авария на линкоре «Айова», где произошел взрыв пороховых зарядов во 2-й башне главного калибра, в результате чего погибло 47 человек.

Примером аварии, обусловленной нарушением требований безопасности и халатностью личного состава, явилось происшествие на авианосце «Эйзенхауэр», где при перевозке с палубы в ангар управляемых ракет класса «воздух — воздух» были смыты волной 3 матроса и 38 ракет.

Четыре серьезные аварии произошли с подводными лодками.

Из-за всплеска аварийности 6 октября 1989 года начальник штаба ВМС США адмирал К. Трост принял решение о прекращении боевой деятельности сил флота в течение двух суток.

В конце 1989 года специалистами ВМС США были выработаны предложения, реализация которых, по их мнению, будет способствовать снижению аварийности. К основным из них относятся: повышение теоретическо-

го уровня подготовки личного состава, улучшение практических навыков военнослужащих в обслуживании боевой техники, внедрение в процесс обучения тренажеров, базирующихся на ЭВМ, ужесточение контроля со стороны ВМС за постройкой и ремонтом боевых кораблей.

Заслуживает внимания очередность перечисления: проблемы повышения выучки личного состава занимают первые три позиции. И это на профессиональном американском флоте! Наши моряки срочной службы столько аварий, сколько американские профессионалы, не допускали.

А вот то, что у американцев стоит по влиянию на аварийность на последнем месте, — надежность техники, у нас играет первостепенную роль.

Нет слов, проблем у нашей промышленности существует немало. Прежде всего надо иметь в виду, что строительство кораблей — это всегда создание нового. Даже в одной серии корабль от корабля отличается в результате внедрения конструктивных, технологических изменений... При этом надо, чтобы корабль отвечал требованиям мировых стандартов. И это получается. Газета «Бостон глоб» в частности отмечала:

«Хотя Советы ликвидируют устаревшие корабли, они продолжают строить современные крейсера класса «Киров», почти бесшумные и очень хорошие подводные лодки класса «Акула» и «Оскар», вооруженные ракетами, и другие современные боевые корабли, а также множество хороших самолетов».

Признание заслуг нашей оборонной промышленности неоспоримо. И это при том, что она испытывает, как и вся наша экономика, серьезные трудности. Падение дисциплины, качества труда, эффективности производства не могли обойти стороной и оборонные предприятия. И вопрос сейчас не в том, чтобы перевалить на кого-то вину. Нужно объективно во всем разобраться и принять действенные, экономически обеспеченные меры. Прежде всего это повышение конструктивного совершенства, технической надежности, качества наших кораблей, эффективности средств борьбы с авариями, спасательных средств, повышение качества обучения личного состава. Каждая из этих фраз, реализованная в действительности, будет означать огромные перемены. Наверное, о них пора вести речь и на парламентском уровне. Ведь пока все благие пожелания на разных уровнях уходили в пе-

сок. Потому что не находили должного экономического и финансового обеспечения.

Да, для решения насущных проблем повышения качества, надежности флота требуются многомиллионные средства.

Вопрос, где их взять, сегодня очень острый вопрос. Конечно, самый простой путь — взять из средств, выделяемых Военно-Морскому Флоту. Но при существующих «неэквивалентных» экономических взаимоотношениях с промышленностью это означало бы новые ограничения в том, в чем флот постоянно бедствует: во всестороннем обеспечении деятельности боевых кораблей, совершенствовании условий базирования, в социальных вопросах. Так что самое простое решение вряд ли можно назвать качественным. За некачественность же всегда приходится платить и расплачиваться. И расплачиваться опять будет флот. Как всегда, деньгами, неустроенностью, жизнями.

Трагедия «Комсомольца» не может быть предметом межведомственной перепалки, в которой интересы флота, военных моряков уходят, при всей кажущейся заинтересованности в их судьбах, на второй план. Прежде всего это должно быть, на мой взгляд, доступно пониманию журналистов. Если, конечно, этому не мешает тенденциозность. Так, желание «Комсомольской правды» помочь флоту можно было бы только приветствовать. Но в последнее время из множества публикаций центрального органа ВЛКСМ на флотскую тему только одна была в полном смысле доброжелательной, от 18 января с. г.: «Наутилус» продолжает поход...», посвященная первой атомной подводной лодке ВМС США. Все же остальные, посвященные ВМФ, укладываются в небезуспешную линию некоторых средств массовой информации по дискредитации Вооруженных Сил.

АРМИЯ И ДЕМАГОГИ. К ВОПРОСУ О «РАЗУМНОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ»

Идеологами и организаторами разрушения Армии и обороны выступает политически весьма активная, спаянная корыстными интересами группа деятелей прозападной ориентации — наших доморожденных компрადоров, захвативших ключевые позиции в международно-политической науке, официальных общественных организациях, ведающих международными делами, большинстве средств массовой информации. Эти деятели тесно смыкаются — а в ряде случаев прямо-таки срослись — с рядом политических руководителей и высших функционеров в партийных и государственных органах, через которых и оказывается пагубное влияние на военную политику, на положение и деятельность Армии. Параллельно через средства массовой информации и иными способами ведется обработка общественного мнения в духе формирования негативного представления об Армии. Все это ведет к падению ее авторитета в народе, снижению престижности военной службы, деморализации солдат и офицеров, а в конечном счете — к снижению боеспособности Вооруженных Сил.

Это же вызывает большое удовлетворение в политических кругах США и других стран НАТО, которые всегда рассматривали советскую военную мощь как главный ограничитель для «свободы» своих действий, то есть произвола на международной арене.

В качестве «идейной» базы для наступления на Армию используется прежде всего произвольная трактовка нового политического мышления. Оно преподносится как уже реально наступившая эра всеобщего равноправного международного сотрудничества, отказа всех основных государств от ставки на военную силу. Людям внушается мысль, что в результате ослабления междуна-

родной напряженности и улучшения отношений СССР с США и другими странами Запада Армия становится не очень-то нужной, а с точки зрения внутренних проблем — и вредной: как тяжелое экономическое бремя и как угроза для развития демократии. Более того, на Армию, прямо или в завуалированной форме, пытаются свалить вину за прошлые и недавние политические ошибки (участие СССР в афганской войне, в событиях в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968 году, в Тбилиси в апреле 1989 года и даже в военной конфронтации и гонке вооружений с США и НАТО).

Крупнейший удар по Армии наносится тем, что внешняя политика СССР в последние годы строится на совершенно иных основах, чем раньше и чем те, на которых ее строят большинство государств мира и сегодня: не на укреплении собственных военно-политических позиций, а на последовательном одностороннем отказе от них. Возникла опасная ситуация, когда советские внешнеполитические решения стали основываться порой не столько на учете реальностей, особенно неприятных для нас, сколько на «идеальной» концепции, практическое осуществление которой, по меньшей мере, проблематично, то есть на утопии. Эта ситуация имеет сходство с той, которая возникла после Октября 1917 года, когда советская политика многие годы базировалась на утопической идее мировой революции. Пагубные последствия этого для страны и народа хорошо известны.

Многие важные внешнеполитические акции СССР последних лет связаны с односторонним сокращением его военной деятельности. Среди них — мораторий на ядерные испытания, сокращение Вооруженных Сил и вооружений, военного бюджета и производства военной техники, сокращение советских войск на территории стран — членов ОВД и вывод с их территории ядерных боезарядов, принятие оборонительной военной доктрины, предусматривающей сокращение численности, функций и боевой подготовки Вооруженных Сил, и другое.

Ряд мер по сокращению военной деятельности СССР осуществляет на основе межгосударственных договоров и соглашений. Однако это такие договоры, заключение которых еще недавно было немыслимо для нас, так как они не отвечают требованиям соблюдения равенства и одинаковой безопасности. Таковым является Договор по РСМД, по которому СССР должен уничтожить в два с лишним раза больше ракет и в три с половиной раза

больше ядерных боеголовок, чем США, в результате чего соотношение военных сил в Европе серьезно изменится в пользу США и НАТО.

Переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений, в которых СССР участвует сегодня, чреваты появлением новых неравноправных для нас договоров, дальнейшим изменением военного баланса не в нашу пользу и снижением уровня нашей обороноспособности. Стремясь к достижению соглашений любой ценой, СССР отказывается от своих принципиальнейших позиций.

Так, одной из краеугольных основ нашего подхода к переговорам с США о сокращении стратегических наступательных вооружений всегда было положение о том, что такое сокращение должно осуществляться в неразрывной связи с прекращением (позже — с замедлением) работ по американской программе «звездных войн» — СОИ («стратегической оборонной инициативы»). Почему? Да потому, что СОИ, преподносимая Вашингтоном как «оборонительная система», — это важнейший компонент американского арсенала «первого удара», предназначенного «обезоружить» и «обезглавить» нашу страну и ее Вооруженные Силы путем выведения из строя стратегических сил ответного удара, центров государственного и военного управления. При сокращении стратегических наступательных сил, но сохранении СОИ относительное значение и потенциальная эффективность последней, естественно, резко возросли бы и стратегическое равновесие было бы нарушено в пользу США. Отказ от требования такой увязки — это фактическая капитуляция перед Вашингтоном.

Переговоры, которые СССР вместе со странами ОВД ведет с США и их союзниками по НАТО, о сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе с самого начала базируются на неравноправном принципе: их объектом является лишь часть элементов военного баланса, прежде всего те из них, где позиции Советского Союза сильны, поэтому другая сторона заинтересована в их сокращении. Это в первую очередь советские сухопутные войска. По некоторым же видам военной мощи, где США имеют явное преимущество, они категорически отказываются вступать в переговоры, так как хотят сохранить свое превосходство. Это касается прежде всего военноморских сил. Но, как справедливо заметил обозреватель В. Овчинников, «чем активнее осуществляется сокраще-

ние на суше, тем опаснее становится дестабилизирующая роль боевых средств морского базирования». Поэтому, делает он вывод, «бессмысленно говорить о переходе к оборонительной доктрине, игнорируя возможности военно-морских сил». Но мы тем не менее, игнорируя здравый смысл, перешли-таки к этой доктрине!

Осуществление новой военной доктрины, принятой нашей страной и ОВД в 1987 году, стало одним из главных направлений наступления на Армию, на обороноспособность. Для этой доктрины характерна уникальная черта: она основывается не на реальностях, а на благих пожеланиях. Так, основополагающей посылкой доктрины является утверждение того, что в современных условиях война и военная сила якобы перестали быть средством политики.

Иначе говоря, наша военная доктрина (а значит, и военная политика) базируется на опасной страусиной позиции: наше стремление к миру, основанному на отказе от военной силы, мы пытаемся выдать за то, что такой мир якобы уже существует. Руководство же США и НАТО не собирается даже декларативно признать необходимость и возможность создания мира без военной силы, не говоря уже о соответствующем изменении своих военных доктрин и политики.

Весьма сомнительным является принятый в нынешней советской военной доктрине принцип разумной достаточности для обороны. Тем более если учесть, что этот «принцип» изобретен в США, а к нам экспортирован с помощью деятелей ЦРУ. В соответствии с ним Армия не только сокращается, но приспособливается и готовится только или преимущественно к оборонительным боевым действиям. А это в военном отношении равносильно тому, что обрекать себя на поражение.

Военные доктрины США и НАТО по-прежнему предусматривают возможность ведения всех видов боевых действий, в том числе наступательных, а также применения ядерного оружия первыми, от чего Советский Союз уже давно отказался.

Характерно, что все новшества, узаконенные в военной доктрине 1987 года, впервые были выдвинуты представителями монопольной группы гражданских «военных теоретиков», интеллигентно пропагандировались ими, а затем закулисным образом, втайне от народа и его выбор-

ных органов власти, были навязаны политическому и военному руководству страны.

Согласно же официальным трактовкам (а других оценок внешнеполитической деятельности правительства на страницах нашей печати фактически нет) все вышеупомянутые и подобные им меры имеют однозначно положительное значение — они якобы существенно уменьшают военную угрозу для СССР и укрепляют его безопасность.

Таким образом, в обществе утверждается самая опасная политическая иллюзия наших дней, которая может обернуться для страны большими бедами, возможно, новым 41-м годом, но уже ядерно-космической эпохи, то есть по своим последствиям несоизмеримым с прошлым. Или же полной политической капитуляцией, утратой национальной независимости. Такие выводы вытекают из следующих суровых реальностей.

Во-первых, благосклонность официальных кругов Запада, проявляющаяся к нашей стране в связи с перестройкой, пока ограничивается преимущественно риторикой, одобрением тех процессов, которые устраивают их, но далеко не всегда радуют нас. Возможные же практические меры в области экономического и научно-технического сотрудничества с СССР Запад ставит в жесткую зависимость от дальнейших экономических и политических изменений в СССР в нужном им направлении.

Во-вторых, сами страны Запада отнюдь не собираются руководствоваться в политике принципами нового мышления, идеями приоритета общечеловеческих ценностей, а действуют в соответствии со своими национальными и классовыми интересами, достижение которых обеспечивается всеми средствами, в том числе военной силой (интервенция США в Панаме в декабре 1989 года, агрессия в 1986 году против Ливии и др.).

В-третьих, они используют наши трудности для усиления своего превосходства над СССР во всех сферах, и особенно в военной, продолжают неснижающимися темпами развивать и наращивать свой военно-технический потенциал с целью создания непреодолимого отрыва от СССР и низведения его на положение второразрядной державы. Уже сейчас США, заявляя на словах о симпатиях к СССР, на деле нередко позволяют себе не считаться с Советским Союзом, осуществлять действия, затрагивающие его интересы и достоинство, не встречая с его стороны должной реакции (недружественные заявле-

ния официальных лиц, вмешательство конгресса во внутренние дела СССР, игнорирование соглашений, подписанных с Советским Союзом, нарушения морских и воздушных границ СССР американскими военными кораблями и самолетами и тому подобное).

В-четвертых, в США и НАТО по-прежнему официально считают Советский Союз своим главным противником. Вся их деятельность по созданию новых систем оружия, развертыванию и подготовке вооруженных сил, стратегическому и оперативному планированию ориентирована на ведение войны в первую очередь против СССР.

Возникают вопросы: может ли изменившаяся риторика, слова западных деятелей (да и они нередко звучат в прежнем недружелюбном нам духе) перевесить реальные военные дела, на которые затрачиваются сотни и сотни миллиардов долларов и которые однозначно направлены против нашей страны? И можем ли мы быть уверены в том, что в какой-то момент, когда наше поведение не очень понравится в Вашингтоне, нам тоже не устроят «Панаму» — только соответствующую масштабам нашей страны и степени неприязни к ней мировых «блюстителей демократии»? Ведь там, например, уже сегодня кое-кому приходится не по вкусу процессы, связанные с началом российского и русского возрождения. Так, в письме молодым людям в России первоиерарх Русской Православной Церкви за границей митрополит Виталий предупреждает: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона и Гитлера».

Ответ на эти вопросы вправе дать только народ. Однако он до сих пор отстранен от решения вопросов, касающихся обороны и безопасности страны, судеб Армии и разоружения.

Так, важнейшее из таких решений — об одностороннем сокращении Советских Вооруженных Сил на 500 тысяч человек, 10 тысяч танков, 8,5 тысячи артиллерийских систем и 800 самолетов — было объявлено в декабре 1988 года Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым на сессии Генеральной Ассамблеи в Нью-Йорке. Советский народ узнал о нем после того, как оно стало известно во всех столицах мира. Представите-

лям иностранных государств, а не советским людям впервые было сообщено также о сокращении военного бюджета СССР на 14,2 процента и производства военной техники и вооружения в стране на 19,5 процента.

Не будут ли эти и другие подобные решения, ослабляющие оборону нашей страны и разрушающие Армию, через какое-то время признаны такими же — а скорей всего более пагубными — ошибками, какими сегодня признаются ввод наших войск в Афганистан или просчеты Сталина накануне 1941 года?

Советский народ должен знать: почему Договор по РСМД был заключен на столь неравноправных условиях (уже к 1 ноября 1989 года Советскому Союзу пришлось ликвидировать 1444 ракеты, в то время как США — только 385)? Как это реально повлияло на безопасность нашей страны? Что вытекает из действий США, направленных на обход Договора по РСМД, какие в связи с этим предпринимаются ответные меры? Наконец, кто конкретно является творцом этого Договора и несет за него персональную ответственность?

Ответы на эти вопросы тем более необходимы для страны, что вырисовывается перспектива получить новые неравноправные договоры о сокращении вооружений и вооруженных сил, а кое-кто готовит новое прямое кровопускание Армии — очередное одностороннее ее сокращение.

Главным идеологом и апологетом одностороннего разоружения сегодня является директор Института США и Канады АН СССР Г. А. Арбатов — ставленник Брежнева, многолетний «советник Кремля», как его именуют на Западе. Выступая на втором Съезде народных депутатов СССР, Г. А. Арбатов изображал американских политиков миролюбцами и миротворцами (а они в эти дни готовили вторжение в Панаму), а наших военных — поборниками гонки вооружений, то есть валил все с большой головы на здоровую. На этом основании он потребовал дальнейшего одностороннего сокращения советского военного бюджета, вооруженных сил и вооружений и даже попытался доказать, что СССР якобы тратит на военные цели больше, чем США. Другие депутаты тут же дали отповедь безответственной демагогии Арбатова, уличив его в подтасовке цифр и фактов. Так, депутат А. И. Овчинников напомнил, что советский военный бюд-

жет составляет 71 миллиард рублей, в то время как американский — 305,5 миллиарда долларов. Не нужно быть академиком, чтобы понять разницу между этими цифрами: сегодня каждый знает, что за доллар платят 6 рублей, а не наоборот. Однако ни то, что его уличили во лжи, ни вооруженное вторжение США в Панаму не переубедили «принципиального» академика, который с неослабевающей энергией продолжает кампанию за одностороннее сокращение нашей Армии с помощью благосклонных к нему (но не к его оппонентам) телевидения, журнала «Огонек», других подобных же средств массовой информации.

Что за этим стоит? Может быть, ученому-американисту стало известно из неведомого другим депутатам источника (например, от бывшего заместителя директора ЦРУ А. Кокса, с которым Арбатов на паритетных началах возглавляет «совместное предприятие» — советско-американский исследовательский проект по проблемам стабильности) о том, что Пентагон встал на «тропу мира»? Нет, он лучше многих знает, что это не так. Ведь уже в середине 80-х годов Арбатов авторитетно сообщил, что Пентагон получил задание разработать «планы для нанесения поражения Советскому Союзу на любом уровне вооруженного конфликта, от повстанческих операций до ядерной войны».

Недавно в США официально объявлено, что и в 1991 году американский военный бюджет вновь возрастет и в нем сохранятся все основные военные программы. При этом расходы на программу СОИ возрастут сразу на 30 процентов! А как справедливо предупреждал нас тот же академик Арбатов, «с развертыванием работ по СОИ ядерная угроза не исчезнет, а усилится». Кроме того, четыре года назад он сообщил примечательный прогноз: «На следующие восемь или больше лет США даже и не планируют всерьез вести переговоры, рассматривают их, скорее, как пропагандистский прием, как инструмент... всеобщего надувательства... Но неужели там думают, что и Советский Союз будет участвовать в этих недостойных и опасных играх?» В подтверждение того, что этого никогда не будет, Арбатов сослался на одно из заявлений М. С. Горбачева. Тем не менее с тех пор мы как раз и вступили в эти опасные и унижающие наше национальное достоинство игры. А «советник Кремля», который еще недавно гневно обличал надувательство, стал главным идеологом и лоббистом этого надувательства.

Арбатов — один из авторов и главных инициаторов внедрения у нас концепции «разумной достаточности». Он и его группа заимствовали ее у деятелей ЦРУ и Пентагона, а возможно, она была подсунута американцами умышленно. В рекомендациях упомянутого выше советско-американского исследовательского проекта по проблемам стабильности, рожденного в 1985 году, сказано, что «США и СССР следует принять концепцию «разумной достаточности» в своем военном планировании. В соответствии с этой концепцией им следует сократить свои вооруженные силы до гораздо более низких уровней при сохранении стабильного баланса на каждом уровне». Сегодня эта рекомендация принята лишь нами, и наша военная доктрина представляет собой, как это ни парадоксально, воплощение арбатовско-американской рекомендации. Причем среди американских авторов последней помимо упомянутого выше А. Кокса также бывший директор ЦРУ У. Колби, бывший заместитель министра ВВС Т. Хупс, бывший заместитель госсекретаря Дж. Болл и другие, а среди советских помимо Г. Арбатова В. В. Журкин, Ф. М. Бурлацкий, В. М. Фалин и другие. Такие вот гримасы перестройки и нового мышления.

На Съезде народных депутатов СССР Арбатов выразил с трибуны «благородное негодование» по поводу высказанного в его адрес мнения о том, что он регулярно выступает с безответственными заявлениями, и даже пригрозил привлечь народного депутата СССР В. И. Матюхина к суду «за клевету», если тот не представит соответствующие доказательства. Но что может быть более убедительным доказательством безответственности Арбатова, чем его откровенно флюгерные заявления по жизненно важным проблемам безопасности?

Эта черта Арбатова уже отмечалась в печати. Так, кандидат юридических наук Н. П. Колдаева подчеркивает, что сокращение нашей армии, судя по освещению его на страницах нашей печати и на телевидении, проводится на недостаточном профессиональном уровне. Это проявляется в том, что в этой области, особенно на переговорах с США, слишком широко представлены взгляды Г. Арбатова, который решает эти важные вопросы, не будучи компетентным в них. Главное для него, как пишет Колдаева, «попасть в струю», ради чего он постоянно «перестраивается на марше», приспособляясь к конъюнк-

туре, в зависимости от которой может «с равным успехом обосновать как необходимость сокращения вооружений, так и их наращивание» *.

В том же духе действуют духовные и кровные «дети Арбатова»: его бывшие замы В. В. Журкин (ныне директор Института Европы АН СССР) и Р. Г. Богданов (ныне первый заместитель председателя Советского комитета защиты мира), нынешний заместитель А. А. Кокошин, бывший ученый секретарь Института США и Канады И. Е. Малащенко (ныне сотрудник Международного отдела ЦК КПСС), сын академика — заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Г. Арбатов и другие. Кое-кто из них в своих «изысканиях» договорился до того, что рекомендует сократить наши стратегические силы в одностороннем порядке аж на 95 процентов! И это предложение с серьезным видом обсуждается в нескольких номерах «Московских новостей», в основном сотрудниками, нынешними и бывшими, все того же Института США и Канады.

Но дело не просто в их некомпетентности и не только в конъюнктурщине. Сегодня Арбатов и его сподвижники впервые открыто делают то, чем они фактически занимаются уже многие годы: выступают проводниками интересов Запада в нашей стране. На это указывал и американский советолог Дж. Хаф. Он считает, что за то, что Арбатов разрушал советскую военную доктрину и сдерживал рост военного потенциала СССР, он достоин Нобелевской премии мира.

Да, в Армии сегодня немало больных мест и проблем. Большинство из них — проблемы, которыми больно все наше общество или которые корнями уходят в него.

Общество длительное время знало слишком мало о том, как несут свою многотрудную службу, нередко на краю земли, его сограждане в военной форме, как живут их семьи. Оно в большом долгу перед Советской Армией.

* Коммунист Вооруженных Сил. 1989. № 13. С. 4.

МЫ ДОЛЖНЫ СКАЗАТЬ ПРАВДУ

Многие месяцы Закавказье, где мне довелось служить с 1985 года, лихорадит. Пульс общественно-политической жизни здесь бьется все более учащенно. Применение сил охраны общественного порядка из вынужденной, чрезвычайной меры «хирургического вмешательства» для снятия эмоциональной напряженности в межнациональных отношениях стало обыденным явлением. Особое положение, комендантский час, многотысячные митинги, шествия, погромы, беспорядки на националистической почве превратились в своего рода атрибуты местной действительности.

«Военным командованием было принято единственно верное решение — не допустить разгоряченную толпу в армянские кварталы (Кировабада). У всех мостов через реку Гянджачай встали армейские патрули... Воины держались стойко, но понимали, что долго так продолжаться не может. Толпа все прибывала, провокаторы кричали о «зверски убитых братьях». И тогда было принято решение отодвинуть толпу от моста. Воины шеренгой пошли вперед. Толпа подалась, отступила. И тут сзади, из переулка, выскочил грузовик... Убийца, сидевший за рулем, не дрогнул, не нажал в последний момент на педаль тормоза. На полной скорости он сбил нескольких человек. Машину занесло на бордюр тротуара; но водителю удалось выровнять грузовик. И все же короткого замешательства было достаточно, чтобы лейтенант Виктор Попов вскочил на подножку. Саперной лопаткой он отбил нож, пацеленный ему в грудь. Лезвие полоснуло по руке... Лейтенант удержался на подножке, и убийцы, уже казалось, не уйдут. Но тут сзади посыпались камни...

Как можно было допустить гибель ни в чем не повинных людей? Почему командование, зная о положении в городе, не отдало приказ выйти к мостам с оружием?» (Бакинский рабочий. 1988. 25 дек.)

«Воинскими подразделениями наряду с дубинками были применены саперные лопатки и химические отрав-

ляющие вещества... Эта невиданная по своей жестокости акция вызвала глубокое возмущение и негодование всей нашей общественности». (Перестройка в опасности: Обращение АН СССР к Пленуму ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР//Заря Востока. 1989. 23 апр.)

Итак, центральной фигурой событий становится армия. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что счет раненым, травмированным, пострадавшим военным из состава сил охраны (наведения) общественного порядка сейчас исчисляется уже сотнями.

27 февраля 1988 года в первые часы после ввода войск в Сумгаит (куда они прибыли из мест постоянной дислокации в Баку спустя 2—3 часа после получения соответствующего приказа, прорываясь через беснующиеся толпы на подступах к городу) положение военнослужащих было крайне тяжелым. Противопоставить заостренным пикам, арматуре, цепям, ножам и просто дубинам они могли только кулаки и сплоченность подразделений, ставших на охрану жизни людей.

В конце ноября — начале декабря 1988 года в Баку и Ереване, Кировабаде и Нахичевани, в Степанакерте и других городах военнослужащие опять приняли на себя вспышки националистических страстей, были вынуждены оборонять горком, райисполкомы, прокуратуры, вызывать заложников, охранять обезумевших от горя и ужаса женщин и детей. Ружейные обстрелы воинских патрулей и целых подразделений, применение самодельных гранат, широкое распространение бутылок с зажигательной смесью — все это серьезно подогревало атмосферу. В Кировабаде было сожжено 5 единиц бронетанковой техники (благо, в городе это очень удобно), в том числе одна БМП при обороне горкома КП Азербайджана. Спасавшийся от огня механик-водитель был зверски избит толпой.

И вновь единственной броней солдат были каски и бронежилеты, а их единственным средством самозащиты и оружием — малые саперные лопатки.

В октябре 1988 года в Степанакерте при пресечении попыток массовых беспорядков, вызванных задержанием лидера националистического движения «Крунк» Манучарова, от полуторатысячной толпы методом вытеснения освобождалась центральная площадь города. В госпиталь поступили несколько военнослужащих, раненных стилетами в руку — в левую руку, державшую щит. Жизнь их спасал бронежилет, оставляющий открытыми руки.

Таков был один из первых опытов «вытеснения безоружной, мирной демонстрации», который на обиходном языке можно определить как выталкивание с использованием исключительно щитов, состоящих на вооружении ВВ и МВД. Вскоре этот метод был более успешно применен 5 декабря 1988 года в Баку при вытеснении пятитысячной толпы с площади В. И. Ленина. И опять при этом действовали подразделения ВВ и МВД, имеющие для таких действий не только специальное вооружение, но и специальную подготовку.

Центральные и республиканские газеты приводили аналогичные упомянутым выше примеры из опыта применения сил охраны общественного порядка в Армении. В то же время там применялись и другие, более решительные методы, в том числе и с участием войск Советской Армии. Необходимость диктовалась нападением так называемых отрядов «национальной самообороны» на колонны с беженцами, оперативными мерами по обеспечению пропуска колонн с техникой, направлявшихся в район стихийного бедствия, задачами по недопущению столпотворений на дорогах и улицах в то время, когда вся страна чем могла помогала жертвам стихии.

Однако рассказ о позициях лишь двух сторон, втянутых в конфликт, — толпы и армии — сделал бы картину неполной, ущербной и далекой от действительности. Нет, ведь участвовали в этом конфликте и местные органы охраны общественного порядка (сказанное выше о действиях по охране общественного порядка к ним, к сожалению, не относится), и местные правоохранительные органы, и, наконец, местные органы власти, местные средства массовой информации.

«Представитель прокуратуры СССР Валерий Владимирович Василенко, временно исполняющий обязанности прокурора НКАО, согласился со мной, что информация в прессе об убийстве двух азербайджанцев в столкновении жителей Агдама и Аскерана без дополнительных пояснений была в той взрывоопасной ситуации неуместной. Многие считают, что именно это сообщение послужило спичкой, поднесенной к пороховой бочке, которая взорвалась в Сумгаите» (Василевский А. Туча в горах Аврора. 1988. № 10).

«В сложившейся острой ситуации крайне высока ответственность средств массовой информации и пропаганды... Плодом политического недомыслия и беспечной близорукости явился ряд передач республиканского те-

левидения и радиовещания... Имели место отступления от взвешенной и трезвой позиции, ряд публикаций способствовал нагнетанию страстей, обострению обстановки... В газете «Азербайджан пионеры» была допущена публикация репортажа с призывом к школьникам участвовать в несанкционированных митингах. Выступления некоторых деятелей культуры по телевидению и радио носили идеологически вредный, конъюнктурный характер, в отдельных теле- и радиопередачах, по существу, поддерживались ультимативные требования, прозвучавшие на несанкционированных митингах. Грубые ошибки были допущены рядом отраслевых и многотиражных газет» (Бакинский рабочий. 1988. 23 дек.).

Несколько слов о деятельности (или бездеятельности) местных правоохранительных органов и органов охраны общественного порядка. В очерке А. Василевского «Туча в горах», к которому я уже обращался, приводятся свидетельства очевидцев событий в Сумгаите по этому поводу:

«После тех трех дней неделю дрожали руки. Спали по два-три часа. Работали в толпе в штатском и без «стволов» (то есть без оружия) — не давали, боялись, что оружие может попасть к бандитам. Ходили в толпе. Чтобы нас не вычислили, в руке носили ремень или палку. Самых отъявленных бандитов брали хитростью. Отзовешь в сторону: «Есть подходящая квартира», заводили в тихое место и — запихивали в машину. Но мы взяли не самую крупную рыбу. Главные заводили и зачинщики всего, думаю, успели уйти».

Вот такая «мелкоячеистая сеть», оказывается, была раскинута по городу. А военные, войдя в город, все недоумевали: «Откуда столь многотысячные толпы погромщиков и где же милиция?» Оказывается, милиция тоже была в толпе. Ловила рыбу в мутной воде.

Последний вывод полностью относится практически ко всем «горячим точкам» Закавказья.

И вот — Тбилиси. ДО, В ПЕРИОД И ПОСЛЕ ТРАГИЧЕСКОЙ НОЧИ.

«К катастрофе привели равнодушие части общественности, подстрекательство отдельных лиц, которыми двигали безнравственность, коррупция, карьеризм, личные амбиции, личные обиды. В течение пяти дней в Тбилиси перед Домом правительства проводились несанкционированные митинги и демонстрации, вследствие чего практически была парализована жизнь столицы, всей респуб-

лики. В последнее время организаторы митингов, манифестаций все чаще открыто призывали к беспорядкам и забастовкам, что создавало угрозу общественной безопасности, открыто звучали призывы к отставке правительства, лозунги явно антисоветского, антигосударственного, антикоммунистического и антисоциалистического содержания, оскорбляющие наш государственный и общественный строй. На митинге была попытка создания так называемого «национального комитета» с функциями временного правительства. Организаторы митингов и манифестаций, лидеры-экстремисты неформальных объединений прямо призывали не повиноваться властям, правоохранительным органам, к кровопролитию, к свержению существующего строя. Создалась реальная угроза захвата экстремистами жизненно важных объектов народного хозяйства республики... Под систематическим шантажом оказались трудовые коллективы... была парализована работа городского транспорта. В течение нескольких дней объектом постоянных атак экстремистов стало здание Грузинского телевидения. Практически прекратилась учеба в высших учебных заведениях, в значительной части общеобразовательных школ. ...Драматизм положения усугубляло и то обстоятельство, что десятки молодых людей, подстрекаемых экстремистами, объявили голодовку перед Домом правительства» (из сообщения Центрального Комитета Компартии Грузии, Президиума Верховного Совета и Совета Министров республики, опубликованного в республиканской печати 10 апреля).

«Давайте мысленно прокрутим назад кадры трагической хроники. На улицах появились первые манифестации. Это было принято за приметы нового времени, рожденного демократией, и потому не очень встревожило. На фасадах зданий вузов расклеивают лозунги. Некоторые из них носят явно антисоветский характер. «Издержки гласности», успокаивали мы себя, думая, что назавтра они исчезнут. Не исчезли. Мы настолько внутренне ослабились, что упустили момент, когда события, набрав обороты, стали быстро и уверенно приближать нас к трагедии. А вот кадры из той же хроники, которые следует прокрутить в замедленной скорости, чтобы лучше взглянуть в них и запомнить. За колонной демонстрантов идут дети — с ранцами, портфелями. Подражая взрослым, они выкрикивают лозунги, естественно, не понимая их смысла. Ребята радостны и возбуждены от того,

что ощущают свою причастность к событиям, о которых имеют едва ли даже самое смутное представление. Они не ведают об опасности, которая подстерегает их». Н. Жордания, директор средней школы № 128 (Вечерний Тбилиси. 1989. 12 апр.).

«Впрочем, полагаю, что кто-кто, а «лидеры» наверняка представляли себе истинное положение дел, понимали, что, к великому нашему стыду, республика не в состоянии одеть, обуть и накормить свой народ, не говоря уже о большем — об экспорте наших изделий в другие страны, об их конкурентоспособности на мировом рынке. Знали. Но «дипломатично» молчали, толкая к пропасти молодежь, которая, естественно, в силу своей неопытности и, увы, недостаточной информированности не в состоянии оценить всю сложность ситуации. Знали о неприемлемых, антисоветских лозунгах, под которыми выступали митингующие. Знали, но... Не успели верно сориентироваться, при помощи веских аргументов доказать: ни с политической, ни с экономической точки зрения выдвинутая платформа несостоятельна». Г. Куртанидзе, стержневщик завода «Центролит», Герой Социалистического Труда (Вечерний Тбилиси. 1989. 13 апр.).

«Ситуацией на площади целиком владели лидеры неформалов, или, как они себя называют, «радикалов». У них даже были свои дежурные — с зеленой повязкой на руке. По моей просьбе один из таких дежурных подвел ко мне сопровождаемого двумя дюжими молодыми людьми Ираклия Батиашвили — одного из лидеров неформалов. Уединившись в медпункте, развернутом в Доме художника, мы мирно беседовали. Батиашвили подробно рассказал мне о политических платформах «радикалов» в Грузии. Слушая его, я понимала, какую непростительную оплошность допустили все мы, работники идеологического фронта, не вступив своевременно с этими лидерами в диалог. Разумеется, никто из нас не мог и предвидеть, какой жуткой трагедией обернется эта, мягко говоря, оплошность. Нашу беседу прервало выступление Д. Патнашвили, транслируемое по радио на площадь. Мы вышли послушать. Слова выступающего звучали настолько вяло, что найти отклик у митингующих, взбужденных речами лидеров «радикалов», они не смогли. Едва смолк выступающий, раздался голос Церетели. Мне не доводилось видеть его когда-либо, я, естественно, не одобряла его позиции, его призывов, возмущалась бес-

кардонной антисоветчиной, однако отдаю должное его ораторским способностям, умению владеть аудиторией, а это немаловажный фактор для контакта с нею. Главное же — лидеры «радикалов» постоянно находились здесь же, с митингующими, в глазах которых они, не боясь правоохранительных органов, произносили «жутко» смелые речи и, естественно, выглядели героями. А руководители республики, ее уважаемые, знатные люди в то время, когда значительное число тбилисской молодежи находилось на улице, выступали, уговаривали ее разойтись по... телевидению. Кого они уговаривали — бабушек, дедушек? Почему никто из них не встал у микрофона на площади, не повел диалога — непосредственного, обоснованного, доказательного, умного — с молодежью? Почему организаторы митинга оказались подготовленными к этому диалогу с молодежью, а мы, работники идеологического фронта, партийные и советские руководители республики, многие представители интеллигенции и рабочего класса, — застигнутыми надвигавшимися событиями врасплох, в результате чего и стали возможными трагические события 9 апреля?» (Вечерний Тбилиси. 1989. 25 апр.)

В той же статье и тот же автор: «Я была на площади седьмого вечером. Видела, как мальчишка-старшеклассник, безусловно чувствовавший себя героем, приклеивал к статуе перед Домом правительства лозунги. Чтобы паренек не свалился, товарищи сзади поддерживали его. А рядом взрослые спокойно глазели на происходящее: шутили с девушками работники правоохранительных органов, которым уже сутки спустя, рискуя жизнью, пришлось спасать тех же девушек».

И вот Тбилиси, проспект Руставели, 4.00:

«В четыре утра без предупреждения четыре бронетранспортера, выстроившись в линию, двинулись по улице со скоростью километров десять в час. К этому моменту мостовая была очищена самими демонстрантами. Пропустив машины, толпа сомкнулась. Следом за бронетранспортером шли солдаты в бронежилетах со щитами и дубинками. Оказавшись перед линией людей, они остановились. Я был метрах в пяти от противостояния, слышал крики. Какая-то женщина бросила в строй туфлю. Возможно, кто-то из собравшихся проявил несдержанность, хотя на митинге призывали к непротивлению. Камней, палок в этой фазе драмы я не видел. Затем, словно по команде, взметнулись дубинки. Из боковой улицы

вышли другие группы солдат. У кого не было дубинок, пользовались саперными лопатками. Солдаты стали теснить демонстрантов, которые активно сопротивлялись. В ход пошли камни, палки, выломанные тут же из ограждения, дубинки, отобранные у солдат. Кто, не успев добежать, остался за линией цепи и спрятался в кустах, надеясь спастись, оказались ранеными. В убегающую толпу полетели гранаты со слезоточивым газом. Одна граната упала рядом со мной. Резкая боль в глазах, слезы не давали снимать. В возникшей панике толпа бежала по тем, кто не смог оправиться от сильных ударов по голове, и по тем, кто не смог выдержать гонки и упал. Не успев увернуться от удара, я получил по спине дубинкой и побежал... В течение часа проспект был очищен от демонстрантов, на мостовой остались камни, разбитая видеокамера, вещи и несколько автобусов и грузовиков, которыми демонстранты закрыли основные улицы и проспект, защищаясь от возможной танковой атаки» (Рост Ю. Трагическая ночь в Тбилиси//Молодежь Грузии. 1989. 13 апреля).

«Наше подразделение начало свое выдвижение с площади Ленина в направлении Дома правительства. До его траверза мы дошли спокойно. Толпа расступилась на две части. А затем перед нами оказались женщины, девушки. Они сидели. Когда мы стали их поднимать, чтобы пройти дальше, в нас полетели металлические предметы, камни. Я четко слышал четыре хлопка взрыв-пакетов, брошенных из толпы в глубину нашего строя. Несколько моих товарищей упали. Они были ранены. Я из подразделения внутренних войск. В мае этого года увольняюсь. Приходилось участвовать в наведении порядка не раз. Но никогда у нас не было столько раненых, сколько оказалось в ту ночь. И тем не менее мы контролировали себя. Все чаще использовали защитный прием. Когда дошли до большого здания с колоннами (гостиница «Тбилиси». — *Ред.*), сильный удар в голову свалил меня с ног». Младший сержант Игорь Поляков (Ленинское знамя (газета ЗакВО) 1989. 18 апр.).

«О многом вам рассказать не смогу. Дело в том, что я успел лишь встать в строй да сделать несколько шагов. Тут же получил удар. Что было потом — не помню. Уже в госпитале сказали, что в себя я пришел только через двое суток». Рядовой С. Н. Пряхин (Ленинское знамя. 1989. 16 апр.).

«Я не сгущаю красок. Всему тому, о чем я говорю,

я был свидетелем, очевидцем и участником. Я сам спасал от ударов испуганных маленьких девочек (4 часа утра. — А. А.), приводил в свой дом юношей с разбитыми головами. Их кровь была у меня на лице, одежде, потому что они обнимали меня, когда я нес их, раненых, и, наверное, поэтому в народе распространился слух — убили Вахушти Котетишвили. Нет, люди, я жив, но для чего мне такая жизнь!» (Коммунисти. 1989. 11 апр.).

«Дело в том, что из толпы в нас полетели камни, доски. О щит моего соседа удрилась и разбилась бутылка. Запахло спиртным. Из толпы выскакивали парни и, подпрыгивая, ногами били нас по щитам. Но, видя, что за щитами мы практически неуязвимы, стали бросать камни в ноги. Я получил сильный удар по ноге. В какой-то миг увидел высокого парня с ломом в руках. Все это время толпа приближалась к нам. Удар доской, я упал. И тут началось...» Рядовой В. Королев (Ленинское знамя. 1989. 18 апр.).

Заведующий отделением Института усовершенствования врачей А. И. Цинцадзе: «Среди тех, кто поступил к нам в ту ночь на рассвете, многие отслужили в армии, двое из них — «афганцы», еще двое — самбисты. Крепкие ребята, легко их не сваляешь. Они сказали, что когда солдаты почувствовали их сопротивление, опрыскивали каким-то веществом» (Заря Востока. 1989. 29 апр.).

«Демонстрантов не разгоняли, а избивали, перекрыв выходы с площади. Тех, кому удавалось вырваться, преследовали, продолжали избивать. Почему в ход пошли саперные лопатки? Почему применили слезоточивые и еще какие-то неизвестные химические средства? Почему до сих пор все это отрицается, несмотря на очевидность, и даже не желают точно назвать тбилиским медикам данные о составе примененной химии, чтобы облегчить эффективность лечения пострадавших? Задумался ли кто-нибудь о том, как от всего этого меняется отношение к армии, советскому солдату? Даже комендантский час не удосужились объявить заблаговременно, а сделали это за считанные минуты перед его введением, в результате чего похватали сотни людей, а одного тбилисца убили, когда он, проезжая на машине, не остановился по требованию патрулей» (Запрос народных депутатов СССР от Союза кинематографистов СССР//Вечерний Тбилиси. 1989. 20 апр.).

Уважаемые народные депутаты, народные избранные

ки! Описывая свое пребывание в Тбилиси, вы сообщаете о широком спектре контактов в поисках истины о событиях 9 апреля. Здесь и представители творческой интеллигенции (свидетели событий), и депутаты Верховного Совета СССР, и грузинские медики и журналисты, и семьи погибших, и представители МВД СССР. Вот только с нами не удосужились встретиться, с военными, об отношении к которым со стороны общества вы так радеете. Возьму на себя смелость ответить на некоторые поставленные вами вопросы.

Вначале о замысле операции, как я его себе представляю. Вслед за первым эшелон — основной группировкой войск МВД и ВВ, которая должна была расчистить площадь перед Домом правительства и весь проспект Руставели, — должны были выдвигаться пожарные и санитарные машины. Войска ВВ, МВД, находившиеся в резерве, а также десантные части, замыкавшие порядок, должны были по мере продвижения закрывать боковые улицы от проспекта Руставели с целью не допустить повторного скопления людей. Таким образом, подразделения ВДВ, в полевую экипировку которых входят малые саперные лопатки, по замыслу операции прямого контакта с митингующими НЕ ИМЕЛИ. Что касается подразделений ВВ и МВД, то у них малых саперных лопаток в экипировке нет, да и предназначение этого шанцевого инструмента совсем другое, чем то, которое вы приписываете ему в запросе.

Что касается применения ОВ против демонстрантов, то вы уже, вероятно, знаете, что на вооружении войск округа таковых нет. Кроме того, подразделения ВДВ, находясь в резерве, то есть вне прямого соприкосновения с участниками митинга на площади, никак не могли иметь задачу применения каких-то газов и аэрозолей.

С другой стороны, такая настойчивость в выдвижении общественной комиссией требований к Министерству обороны СССР открыть тайну ОВ свидетельствует лишь об уровне компетентности комиссии и отношении ее к армии.

Возвращаясь вновь к замыслу операции, сошлюсь на заявление журналиста Ю. Роста, объективность которого у общественности сомнений не вызывает. Он указывает, что боковые улочки, отходящие от проспекта Руставели, были преднамеренно блокированы организаторами митинга тяжелыми автобусами и грузовыми автомобилями. От себя замечу, что грузовые автомобили были загруже-

ны щебнем, используемым и как балласт, и как метательный снаряд. Заметьте — не песком, а щебнем.

Такие же машины и автобусы преграждали въезды на проспект Руставели как со стороны площади Ленина, так и со стороны площади Республики. Эти «меры» исключили возможность применения пожарных машин. Бронетранспортеры выходили с площади Ленина через высокие бордюры, чего от заполненных водой пожарных машин ожидать было нельзя. Так что общественность не должна рассматривать этот факт как стремление военных «ожесточить противоборство».

На это указывают и некоторые другие факты, вокруг которых ходили народные депутаты СССР. Позволю себе задать несколько вопросов и им. Почему республиканская ГАИ не выполнила задачу по подготовке и обеспечению операции и допустило скопление автомобилей и автобусов на въездах на проспект Руставели и в боковых улочках? На вопросы руководителей операции руководство ГАИ лишь смущенно разводило руками: виноваты, мол. Почему к началу операции в пункт сбора не прибыли более 2,5 тысячи представителей МВД ГССР, на которых и была возложена задача оповещения демонстрантов о предстоящей операции, склонения их к прекращению митинга во избежание столкновений и жертв? Почему, наконец, министр внутренних дел ГССР сам не возглавил эту операцию и предпочел роль наблюдателя? Почему к нему, присутствовавшему на площади Ленина, не обратились с вопросом: «Когда, как, в связи с чем и какие средства применялись силами охраны общественного порядка?»

Я не берусь оценивать уровень военной подготовки того, на кого было возложено общее руководство операцией (а может быть, навязано), само прохождение им службы и его нынешняя должность говорят сами за себя. В тех академиях, где обучался генерал-полковник И. Н. Родионов, не преподают искусство разгона митингов и демонстраций. Приемы, принципы и тактика таких действий находятся в сфере МВД, но никак не входят в подготовку и функции Советской Армии. Тогда почему же в событиях той ночи, да и не только в них, все это, как будто нарочно перепутанное в одном клубке, преподносится как «военные», «армия»?

Еще одно «почему». Почему в митингах, предшествовавших той ночи, перед рассветом на площади оставалось

не более тысячи человек (что и предопределило выбор времени операции), а в ту трагическую ночь собралась десяти тысячная толпа? А может быть, состав и количество войск, привлекаемых для участия в операции, и были рассчитаны на 1,5—2 тысячи человек? Тогда уже вопрос к народным депутатам, что называется, в лоб: не противостоял ли замыслу операции по очистке площади какой-нибудь другой «сценарий»?

А теперь подытожим все эти «почему». Руководство операцией было возложено на должностное лицо без учета его готовности и способности руководить такими действиями. Ведь были более подходящие кандидатуры — начальник управления ВВ МВД СССР генерал-майор ВВ Ю. Ефимов (кстати, объяснить прибытие подчиненных ему частей только решением республиканского руководства затрудняюсь), кроме того — министр внутренних дел республики (причина отсутствия его подчиненных на площади в ту ночь неизвестна). Силы охраны правопорядка, привлекаемые к операции, были ослаблены отсутствием местной милиции, пожарных машин, бронетранспортеров. Отсутствие местных сил МВД и пожарной охраны на площади и стало той почвой, на которой произрастают слухи и домыслы об «антидемократической, антиперестроечной направленности военных», взявших якобы на себя функцию защитников «консерваторов» и исполнявших их волю столь перестроечными средствами. Силы противоположной стороны были во много раз увеличены. Оцепление из непонятно как появившихся груженых щебнем грузовиков и автобусов создало пусть и довольно просторное, но замкнутое пространство, что потребовало применения более жестких мер, остававшихся в арсенале ВВ, превратило всю операцию в ожесточенное столкновение, смешало порядок «войск», вынудило вторые эшелоны и резервы принять непосредственное участие в противостоянии, вывело их на прямой контакт с толпой, поставило фактически безоружные части ВДВ в положение обороняющихся.

О том, что такая необходимость возникла, свидетельствуют видеокадры и публикации местных журналистов. В частности, кадр, где «обезумевший от горя парень лупит древком от флага по броне проезжающего БТР». Поверьте, а лучше проверьте: любое древко разлетелось бы в щепки от первого удара по броне. А ударов в кадре было несколько. Моя версия этого сюжета — удары наносились ломом. Объяснить его присутствие на площади

желанием голодающих вскрывать с его помощью консервные банки — не решаюсь. А вот нанесение с его помощью тяжелой черепно-мозговой травмы в открытой форме рядовому С. Пряхину — допускаю. Так же как допускаю применение «камней, палок, выломанных тут же» (Ю. Рост) из отсутствующего ограждения. Так же как допускаю применение этих «мирных, парламентских» средств «дюжими молодыми людьми», сопровождавшими лидеров «радикалов».

И вот теперь уже ваша очередь допустить, что эти средства, неведь откуда занесенные на мирный митинг, могли обрушиться на десантников. Имей вы в подобной ситуации при себе только малую лопатку, вам было бы, наверное, неприятно. Излагая вам свое видение обстановки, выводов не навязываю, однако прошу писателя Б. Васильева учесть и мой взгляд и не чураться его при оценке событий 9 апреля.

Но это еще не весь мой рассказ. Остается еще ПОСЛЕ.

«Даже комендантский час не удосужились объявить нормально, заблаговременно, а сделали это за считанные минуты перед его введением, похватали сотни людей, а одного тбилисца убили...» (из того же обращения народных депутатов СССР, где ранее предлагалось задуматься, «как от всего этого меняется отношение к армии, советскому солдату»).

«Обстановка в Тбилиси, как и в целом по республике, остается крайне сложной. В мирное время, в период обновления и демократизации в столице Грузии введен комендантский час. На улицах стоят десятки танков и бронетранспортеров. Это создает взрывоопасную ситуацию. Из отчета о встрече Э. А. Шеварднадзе с представителями научной и творческой интеллигенции, общественности республики (Заря Востока. 1989. 11 апр.).

Ох уж эти военные! Ведь получили же Указ Президиума Верховного Совета ГССР в 22.15 9 апреля, а зачитали на тридцать минут позже. И откуда они вообще взялись, зачем вошли, кто их звал, в конце концов? (Красная звезда. 1989. 27 апр.). Ведь в республиканских газетах за 10 (!) апреля нет Указа, есть только обращение генерал-полковника И. Н. Родионова со ссылкой на этот Указ, как нет Указа и в газетах за 9 апреля! Вошли незвано-непрошено и сделали обстановку взрывоопасной. Вот в этом лучшие представители научной, творческой

интеллигенции, общественности СССР, ГССР единомышленны.

Через неделю после «военного переворота» общественность наконец обрела силу. собралась с мыслями и «свергла» военных. С ходатайством о снятии комендантского часа выступило Бюро ЦК КП Грузии, принят и опубликован Указ Президиума Верховного Совета ГССР. Но имидж «военных — бандитов и антиперестроечников» был уже создан. И хотя Э. А. Шеварднадзе заявил о сопротивлении «военных» выполнению не свойственных им функций, образ этот стал успешно и спешно насаждаться средствами массовой информации, своей и заезжей общественностью. «Травили, били лопатками, гонялись по всему проспекту Руставели за детьми и старушками, комендантский час ввели с тайным умыслом на провокацию, постреляли, похватали тьму людей» — вот такой тон и фон всех публикаций и сообщений. Робкие сообщения центральных средств массовой информации об истинном положении дел принимаются в штыки: клевета, необъективность!

Косвенным, но очень сильным и «долгоиграющим» упреком в адрес этих «некоторых военных» стало отсутствие какой бы то ни было информации об их чувствах и переживаниях, об их положении и жизни в период до и после событий, вообще полное игнорирование их существования местным и заезжим руководством и общественностью. Все, кто приезжал, встречались со всеми «видами» общественности и интеллигенции, священнослужителями, людьми, призванными блюсти общественный порядок, но почему-то забывшими об этом, медиками и т. д., и т. п. А чтобы прийти и протянуть руку военным, спросить о их житье-бытье, их горестях и трудностях, — такого не было. Из чего «общественность» делала вывод, что военные — это «кроважадные изгои, патологические убийцы», на которых и смотреть противно, и вела себя соответствующим образом. За три недели было 50 случаев (это, видимо, еще не все) моральных и физических оскорблений офицеров и членов их семей. Арсенал опять же весьма разнообразен: от нунчак и «йоко-гири» в голову до площадной брани. Позиция «блюстителей порядка» также не вызывает сомнений. Они сейчас на коне, «друзья народа».

Зато наконец-то активно заработали идеологические органы. Тут и брифинги, и пресс-конференции, и экспресс-анализы, и встречи, и показы. Вот только военные

никак не могут заявить о себе. В пору комендантского часа трое суток прорывались на Гостелерадио СССР ребята-десантники. Наконец прорвались, дали им 20 минут вне программы, в 3 часа дня, в рабочий день. Вот спасибо. Окружная газета «Ленинское знамя» попыталась в двух специальных номерах дать интервью с участниками событий, распространила часть тиража среди населения. Так, одна из деятельниц общественной комиссии по расследованию случившегося 9 апреля, грузинская поэтесса Иза Орджоникидзе пригрозила подать в суд на диффамацию и «создание помех в работе общественной комиссии», хотя сама дает интервью, делает заявления, не дожидаясь окончания расследования. Стоило по ЦТ обмолвиться, что положение военных в городе далеко от благополучного, — через 15 минут по местному телевидению последовало опровержение и обвинение в адрес Центра в клевете и необъективности. Стоило «Советской России» написать о необходимости взвешенного подхода к оценке событий — газета «Молодежь Грузии» тут же обвинила Карханина в предвзятости и необъективности под предлогом того, что лозунг «Русские оккупанты, вон из Грузии!» был изменен и переделан автором статьи в «Советской России» на «Русские, вон из Грузии!» (здесь, видите ли, совсем иной, политический, а не национальный подтекст, — замечает «Молодежь Грузии»), и этот лозунг не развеивался, как написано у Карханина, а был прикреплен к фасаду Дома правительства. Вот такие две «совсем разные разницы». А кто-то из общественности на пресс-конференции по телевидению построил свое обвинение на том, что в «Советской России» искажена фамилия погибшей на площади 16-летней девочки.

Поэтому мне понятны благородный гнев и эмоциональная окраска обращений в ЦК КПСС, к Съезду народных депутатов со стороны научной и творческой интеллигенции. К сожалению, их представители в Тбилиси сработали по принципу римских кесарей: «Пришел, увидел, обвинил». Из их программы был исключен немаловажный пункт: «разобрался». Этим «грязным делом», мол, пусть другие занимаются.

А «пасынки общественности» — военные вот уже полтора года устраивают «особые положения» и вводят комендантские часы, оставляют семьи, чтобы выполнить неизвестно чье и неизвестно как принятое политическое решение и пойти туда, куда пошлют отцы-командиры, этим решениям активно сопротивляющиеся. Обществен-

ность об этом даже и не догадывается, но продолжает печатать о «дедовщине», прислушиваться к сплетням о том, что землетрясение в Ленинакане было вызвано взрывом ядерной бомбы на Новой Земле.

Прошу извинить меня за, может быть, излишнюю эмоциональность этого письма. Несколько лет прослужив в Закавказье, я, прошу верить, с глубокой симпатией и уважением отношусь к населяющим его народам, к их национальным традициям. А за моими эмоциями — многие месяцы и недели в «особом положении», горе Сумгаита, Степанакерта, Кировабада и Тбилиси, ужасы Ленинакана и Спитака, режущий ухо голос комбата в телефонной трубке: «С площади выбит толпой. Отхожу с потерями. Вынужден оставить первый этаж. Прошу подкреплений, не могу отбить раненых». Где, вы думаете, это было? Нет, не в Афганистане. В советском городе Кировабаде. За этими эмоциями — глаза сослуживцев тех десантников, которые собою прикрыли мост и людей за мостом. В моих словах — моя личная боль за события во всех этих «горячих точках», где мне довелось побывать. В этих словах — моя личная боль о том, что теперь уже поздно доискиваться, кто принимал решение о вводе войск в Афганистан. В этих словах моя личная боль за то, что если такое отношение к армии будет продолжаться, то нам, военным, прикрывавшим собой костры национализма в Закавказье, не по газетным заметкам знающим, что такое Ленинакан и Спитак, — нам останется последовать примеру подводной лодки «Комсомолец», поднять сигнал «Погибаю, но не сдаюсь» и медленно погружаться в пучину общественного презрения под залпы возбужденной общественности.

Что касается событий в Тбилиси, то они напоминают мне вот такой эпизод из прошлых времен. Край села. Колхозный амбар. Лето. Солнце, полдень. Спящий на своем посту колхозный сторож, опирающийся на двустволку. Вблизи от него ребята что-то затевают со спичками. Легкий дымок. Запах заставляет деда встряхнуться. Еще не придя в себя, не очнувшись (со сторожами такое бывает), он хватается за ружье, гремит выстрел и... И вот подбежавшая деревенская общественность, задев деда по шапке, начинает пинать ружье. Дрянью сюжет, я вам скажу. И для жертвы, и для ружья, тоже ставшего жертвой. А для деда? Дед после случившегося присягает стоять на посту с большой совковой лопатой. И все?..

ДОВОЛЬНЫ ЛИ ВОЕННЫЕ ГЛАСНОСТЬЮ?

В интервью газете «Московский комсомолец» народный депутат СССР, член Комитета Верховного Совета СССР по вопросам гласности, прав и обращений граждан Михаил Полторанин заметил мимоходом, что существует у нас «категория людей, недовольных гласностью, не заинтересованных в ней. Например, очень недовольны военные — те, кто привык жить в потемках безвластия. И когда, допустим, «Огонек» пишет о дачах генералов, начинаются бесконечные жалобы... Но низшие и средние армейские чины очень довольны, что проблемы их жизни пробиваются в печать».

1

Вниманием общества и, в частности, прессы наша армия никогда не была обойдена. Долгое время о ней писали и говорили главным образом в романтических, возвышенных, песенных тонах. В двадцатые — тридцатые годы каждый школьник знал, что от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее. В сороковые, военные — тут и говорить не о чем: в справедливой, Отечественной войне действующая армия не может не быть любимицей народа. Ну и после войны армию, озаренную отблеском Победы, мы называли не одно десятилетие не иначе, как несокрушимая и легендарная...

Сегодня, когда в отношении общества к армии многое изменилось в худшую сторону, поневоле задумываешься о причинах этой метаморфозы. Где, когда, в чем провинилась армия? Была ли кристально идеальной в прежние годы и стала ли ущербной в нынешние?

В Центральном государственном архиве Советской Армии мне доводилось читать приказы довоенного наркома обороны маршала К. Е. Ворошилова. Разные приказы — по боевой подготовке, по личному составу. И не

раз возникала мысль, что, если бы некоторые из них не были помечены датой, их вполне можно было бы принять за сегодняшние. То есть речь в них — о вполне аналогичных и сопоставимых с нынешними событиях. Те же ЧП, те же взыскания... Разве только упоминаний о «дедовщине» нет. Даже о таком, казавшемся мне исключительно нынешним, пороке, как незаконное дачное строительство, есть авторитетные наркомовские свидетельства. Вот, к примеру, приказ № 64 от 23 апреля 1937 года об объявлении строгого выговора командующему Черноморским флотом флагману флота 2 ранга И. К. Кожанову и начальнику инженерного управления РККА комкору Н. Н. Петину — «за незаконную постройку дачи личного пользования».

Так вот из какого далека тянутся в наши дни иные из ставших ныне весьма распространенными пороки. Только в былые времена они фиксировались лишь в приказах наркома и знал о них очень ограниченный круг лиц. А ныне о фактах такого рода можно прочесть в любой газете — от районной до центральной. И это, конечно, невольно бросает какую-то тень на армию. Хотя, строго говоря, при чем тут вся армия? Кто нарушает закон или мораль, тот пусть за это и отвечает.

2

Широкая гласность вошла в жизнь армии как-то стремительно и неожиданно. Много лет любой пустяк считался секретом, и вдруг, едва ли не в одночасье, все стало открытым, гласным. Гласный — это, как толкует словарь, доступный для общественного ознакомления и обсуждения. Благодаря этой доступности за последние два-три года не только страна, но и сама армия узнали о жизни и быте войск немало удивительного. Многое из того, что изображалось ранее как отдельные, частные недостатки, оказалось весьма распространенным и болезненным. Та же, к примеру, «дедовщина». Или, скажем, жилищная проблема офицеров, их жизненный уровень. В общественном сознании утвердилось мнение, что офицеры в материальном и бытовом отношении вполне благополучны. А иные из них, между тем, живут на грани бедности, ютятся в неблагоустроенных жилищах, маются без квартир. Шутка ли — число бесквартирных семей офицеров и прапорщиков превышает сегодня 173 тысячи и имеет тенденцию к росту!

Гласность помогла привлечь к этим и другим острым проблемам армейского бытия внимание не только Министерства обороны, но и правительства, а теперь уже и Верховного Совета СССР, о чем свидетельствует рассмотрение в парламентском комитете вопросов воинской дисциплины, правовой и социальной защищенности военнослужащих.

Но некоторые газеты и журналы так сосредоточились ныне на имеющихся в армии недостатках, что получился явный перекося: положительных публикаций о ее жизни сегодня столь мало, что каждая из них воспринимается, как глоток свежего воздуха в душной комнате.

«Ленинградская правда» опубликовала корреспонденцию о только что уволившихся в запас братьях-близнецах младших сержантах Вадиме и Дмитрие Смирновых, основной мотив которой — армия нам много дала, мы не жалеем, а гордимся тем, что два года носили погоны. Читатель В. Стариков, приславший нам эту публикацию, считает, что такое мнение о службе характерно для большинства воинов, и недоумевает, почему оно так редко попадает нынче в печать. Было время, когда именно оно не сходило со страниц газет. А теперь — что ни заметка об армии, то с знаком минус. Такое шараханье из одной крайности в другую никому не делает чести. Даже информация о подвигах, совершенных воинами в мирное время, появляется теперь довольно редко, а иногда и просто игнорируется. Вот один любопытный пример.

В августе прошлого года случилось наводнение в Забайкалье. Были затоплены многие дома сельских жителей, выведены из строя мосты, линии связи, энергоподстанции. Как всегда в таких случаях, на помощь пострадавшим пришли воины. Они устанавливали понтонные мосты, наращивали дамбы, укрепляли дороги, налаживали связь. Корреспондент ТАСС передал об этом 50-строчную информацию «Удар стихии». Но только «Советская Россия» напечатала ее полностью. В ряде других центральных газет она не появилась вовсе. А в «Комсомольской правде» и некоторых других изданиях ее опубликовали, выбросив... единственный абзац о воинах.

Хотелось бы, конечно, отнестись к этому, как к простой случайности. Да что-то многовато нынче подобных случайностей... Выстроенные в ряд, они весьма недву-

смысленно свидетельствуют о наметившейся тенденциозности в отборе материала для публикаций об армейской жизни. Четко просматривается это, в частности, в подходе к редакционной почте. Читательские письма об армии нередко печатаются без элементарной сверки их с действительностью. Вот еженедельник «Аргументы и факты» публикует письмо читателя А. Ананишина: «Сейчас мы много говорим, что в армии и на флоте процветает «дедовщина», но почему-то умалчиваем, с чьей подачи были лишены дисциплинарной власти младшие командиры, вплоть до командира роты». Тут почти каждое слово взывает о возражении. Ну, во-первых, командир роты — это отнюдь не младший командир. Во-вторых, ни он, ни другие командиры дисциплинарных прав никогда не лишались — достаточно раскрыть ныне действующий Дисциплинарный устав Вооруженных Сил СССР, утвержденный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1975 года, чтобы убедиться в этом.

Может быть, тов. Ананишин имеет в виду то обстоятельство, что в оные времена шире был круг командиров, обладавших правом подвергать подчиненных солдат и сержантов аресту с содержанием на гауптвахте? Но и тут оп, во-первых, не точен, потому что командир роты такое право и сегодня имеет, а во-вторых... Чего-чего, а арестов у нас больше чем достаточно. Не хватает чего-то другого — может быть, внимания к людям, заботы о них, наконец, педагогической культуры, которую никаким уставом, к сожалению, не предпишешь.

4

Поколение ветеранов армии, к которому я имею честь принадлежать, вспоминает годы былого, скажем так — песенно-романтического, отношения страны к армии не без некоторой доли ностальгии. Армию и флот любили, воспевали, лелеяли. И воинская служба воспринималась молодежью — без всякой натяжки — как действительно почетная обязанность. Я думаю, что, если б тогда, перед войной или вскоре после нее, кто-нибудь поставил вопрос о переходе к наемной армии, общественное мнение очень дружно, принципиально его бы отвергло: чтоб не превратить почетную обязанность в выгодную сделку.

Сегодня мы смотрим на многое в нашем прошлом совсем другими глазами. Понимаем, что романтический оре-

ол вокруг армии создавался отчасти и за счет сокрытия от общественности правды о ее реальных проблемах, об уровне боеспособности. Обещанные Ворошиловым победы над врагом малой кровью оказались мифом. Поэтому вторжение гласности в войсковую жизнь было встречено армейским большинством с энтузиазмом и даже некоторой эйфорией. Возникла надежда на реальную помощь общественности в решении наиболее острых проблем. И печать поначалу действительно нащупала и поставила некоторые из них. Но с течением времени внимание к армейской жизни со стороны прессы стало в чем-то опасно деформироваться (иным чудится даже призрак военного переворота), а в чем-то, если можно так выразиться, не укрупняться, а мельчать. Со всех сторон, как из рога изобилия, сыплются в адрес военного ведомства мелкие уколы по частным поводам. А крупные, очевидные проблемы старательно обходятся. Вот один пример, за которым, как говорится, не надо далеко ходить.

В Москве около 10 тысяч семей офицеров и прапорщиков не имеют сегодня жилья. А московские городские власти между тем отказываются выделять военным положенные метры даже по долевному участию, не погашают накопившиеся долги за прошлые годы. Почему бы журналистам московских газет не изучить, не исследовать эту поистине драматическую социальную коллизию? Ничего недоступного в ней нет. Она во всяком случае гораздо доступнее каждому, чем, к примеру, специфическая тема о переходе к профессиональной армии. Но этот переход выглядит сегодня на страницах печати делом едва ли не нынешнего лета. По этой части у нас в стране выявилось вдруг больше всего крупных знатоков и специалистов. И чем больше Президент страны, министр обороны, другие должностные лица, не понаслышке знающие и реальную военно-политическую обстановку в мире, и наши экономические и финансовые возможности, говорят, что глубокая военная реформа требует основательной проработки и в парламенте, и в правительстве, тем горячее и самоуверенней доказывают многочисленные доброхоты не столько целесообразность, сколько срочную необходимость перехода к профессиональной армии.

Мне в связи с этим вспоминается опубликованный в одном из ленинградских журналов анекдот-притча, рассказанный будто бы Р. Рейганом во время неофициальной беседы с М. С. Горбачевым.

...На приеме у Брежнева — древняя старушка:

— Мил человек, скажи, за ради бога, кто придумал развитой социализм — политики или ученые?

— Конечно, бабуся, политики. Я есть первый политик.

— Эх, жалко, что не ученые.

— Это почему же, бабушка?

— Ученые сперва попробовали бы на мышах.

Будущий облик армии на мышах, конечно, не попробуешь, но торопливость и в этом деле вредна. Согласно поручению Президента СССР создана и действует комиссия по военной реформе. Несомненно, она учтет и инициативные разработки. В войска разослан проект закона об обороне. Разрабатывается пакет проектов других законов, связанных с военным строительством. Сейчас готовятся (а на флоте уже идут) эксперименты по комплектованию подразделений солдатами, матросами, сержантами и старпинами по контракту.

Подстегивать такие ответственные и дорогостоящие решения рискованно.

5

Не знаю, что подразумевает народный депутат Полторанин под «потемками безвластия». На нехватку властей нам, по-моему, грех жаловаться.

Еще до революции один сатирик писал, что «у нас в России две напасти: внизу — власть тьмы,верху — тьма власти». Внизу с тех пор многое, конечно, изменилось в сторону просветления, а вотверху — сокращения властей, кажется, не произошло. В том числе и в армии.

Не надо преувеличивать исцеляющую силу гласности в решении таких трудных вопросов. У нее ведь, можно сказать, голос совещательный. Решающее слово в правовом государстве принадлежит закону. Когда закона нет или когда он бездействует — гласность буксует.

И еще она буксует в том случае, когда мы сбиваемся на необъективность...

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Карем Раш. Литургия верных</i>	3
<i>Полковник Е. Исаков. Предисловие после прелюдии . . .</i>	11
<i>Владимир Соловьев. Из разговоров о войне</i>	13
<i>Генерального штаба капитан А. Свечин. Ложь</i>	34
<i>Сергей Волков. Сила без власти или власть без силы? . .</i>	37
<i>Александр Проханов. Достаточная оборона</i>	64
<i>Александр Фоменко. Преданная армия</i>	71
<i>Полковник Ю. Борисов, полковник Г. Самойленко. Военные арсеналы: перспективы и реальность</i>	85
<i>Капитан 1 ранга С. Быстров. Гибель «Комсомольца»: какие подводные течения она обнаруживает?</i>	92
<i>Полковник в отставке Ю. Катасонов. Армия и демоагоги. К вопросу о «разумной достаточности»</i>	112
<i>Майор А. Абрамкин. Мы должны сказать правду</i>	122
<i>Алексей Хорев. Довольны ли военные гласностью? . . .</i>	133

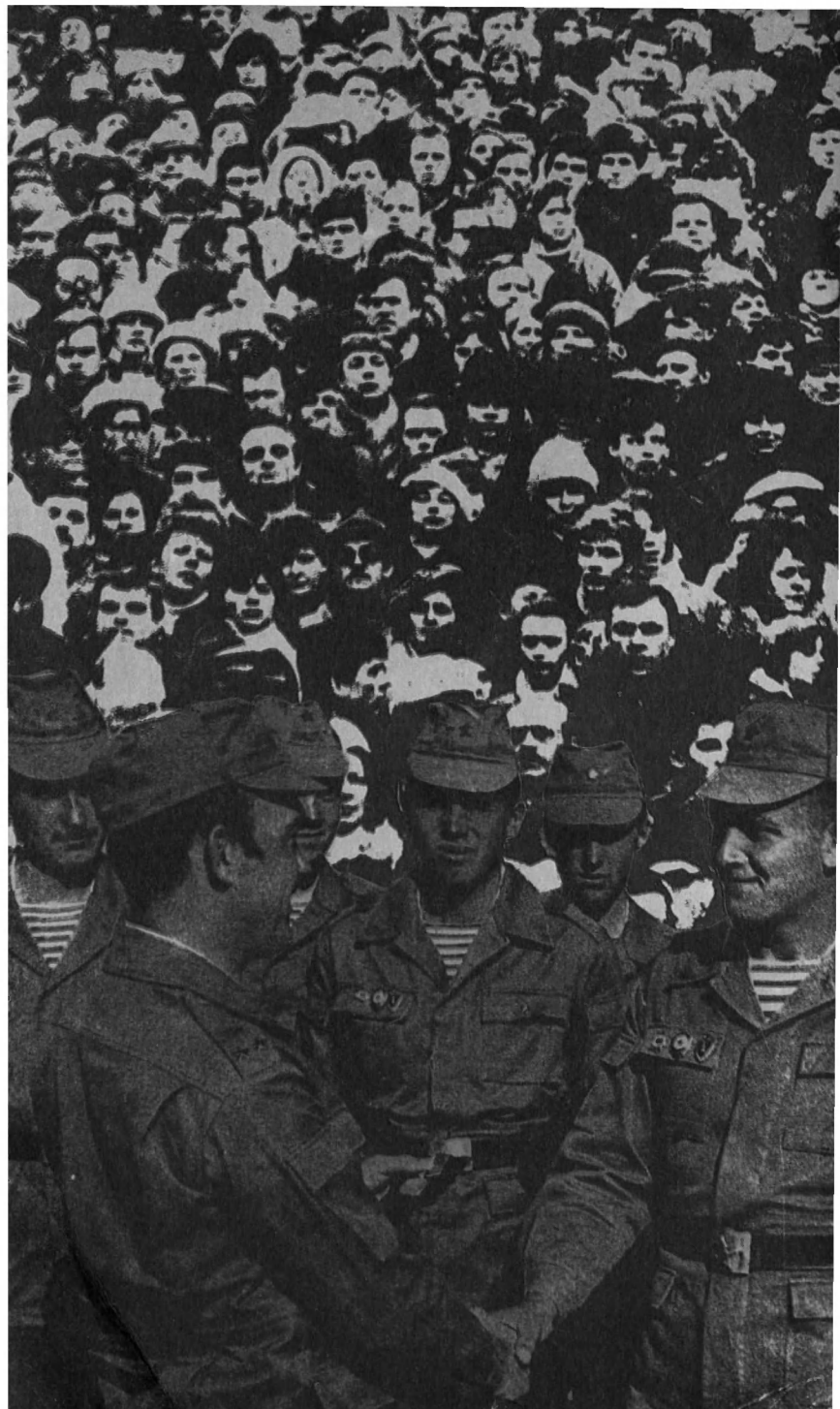
АНТИВОЕННЫЙ СИНДРОМ ИЛИ ПРЕДАННАЯ АРМИЯ?

**Художник Е. А. Михельсон
Художественный редактор А. Н. Жданов
Технический редактор А. А. Перескокова
Корректор И. А. Цеханова**

ИБ № 4199

Сдано в набор 14.05.90. Подписано в печать 22.06.90. Г-46529.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарн. обычн. новая. Печать высокая.
Печ. л. 4½. Усл. печ. л. 7,56. Усл.-кр. отт. 8,19. Уч.-изд. л. 8,12.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 1/6026. Зам. 83. Цена 35 и.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 8,

ЭКСПРЕСС-
ИЗДАНИЕ

**АНТИВОЕННЫЙ СИНДРОМ
ИЛИ ПРЕДАННАЯ АРМИЯ?**

